
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

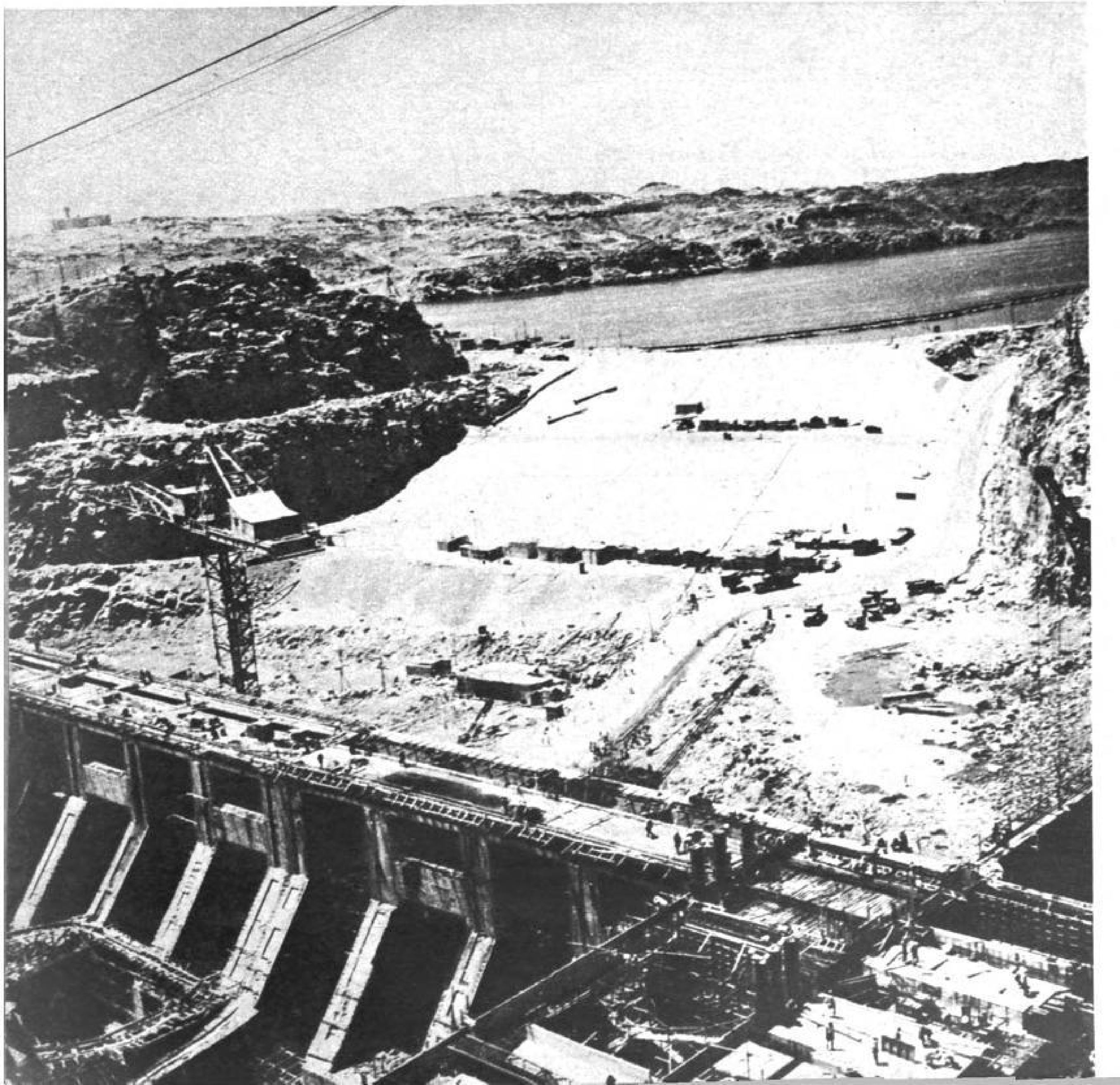

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 21 (1926)

17 МАЯ 1964

Исторический подвиг двух народов — так с полным основанием можно сказать о строительстве на Ниле Асуанской ГЭС. Величайшая на всем африканском континенте гидроэлектростанция станет вечным памятником вдохновенного труда и интернациональной дружбы.

С чувством заслуженной гордости и большого удовлетворения глядят на дело своих рук советские и арабские строители, которые долгие месяцы трудились плечом к плечу. Внизу расстилается величественная панорама водостока и будущего здания Асуанской ГЭС.

Фото А. Макавьева, АПН.

На снимках (сверху вниз): Сердечная встреча на земле ОАР.

Во дворце Абдин в торжественной обстановке Президент ОАР Гамаль Абдель Насер вручил Никите Сергеевичу Хрущеву высший орден Объединенной Арабской Республики — «Ожерелье Нила».

«Приветствуем советского гостя!»

МИЛЛИОН РАЗ: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Борис **ИВАНОВ**, специальный корреспондент «Огонька»

Волнующие, полные огромного значения дни пришли на землю Объединенной Арабской Республики. Ее народ живет двумя большими событиями: визитом в ОАР Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева и перекрытием Нила, завершением первой очереди строительства высотной Асуанской плотины. Эти события слились в один яркий, радостный праздник.

В Каире сейчас стоит удивительно ровная погода. Давно уже не помнят жители столицы Объединенной Арабской Республики такого мая. На улицах даже в пиджаках не жарко. Много солнца, тянет легкий, свежий ветерок, смывая с узких улиц бензиновую гарь от десятков тысяч машин.

Дышится свободно. Природа словно позаботилась о том, чтобы высокому гостю с далекого севера было легко и по-домашнему уютно на африканском континенте. Но не думайте, что солнце притушило свои лучи. О нет! Часть своего тепла оно словно отдало на эти дни и без того горячим сердцам египтян. Их энтузиазм, волнующая искренность проявляются всюду, где бывает советская правительственная делегация во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Атмосфера дружелюбия, братского гостеприимства чувствуется на каждом шагу. Миллионы встречающих в Александрии и Каире, флаги и транспаранты на улицах, портреты Никиты Сергеевича Хрущева на фасадах

домов, десятки полос газет с подробным описанием визита и приветственными аншлагами на русском языке — все это отражает отношение народа ОАР и его правительства к советскому народу.

В советские учреждения, аккредитованные в столице ОАР, приходят тысячи писем с выражением чувства дружбы к братскому народу и Никите Сергеевичу Хрущеву. Раскроем одно из них. Оно из Александрии, от Хусейна Кемаля:

«Высотная Асуанская плотина — великолепное гидротехническое сооружение, одно из величайших в мире. Советский Союз оказал нам, арабам, огромную помощь, послав технику и оборудование. Спасибо, друзья! Сердечные пожелания Никите Хрущеву!»

В отделение АПН накануне приезда Н. С. Хрущева пришли три женщины.

— Переведите, пожалуйста, вот эти приветствия на русский язык.

Перевели и прочитали такие слова:

«Добро пожаловать, Никита Хрущев, на землю арабов!», «Народ ОАР приветствует высокого гостя — премьера Никиту Хрущева».

— Теперь эти приветствия мы выучим наизусть и станем провозглашать их на русском языке, когда Никита Сергеевич будет проезжать по улицам Каира,— сказали на прощание женщины.

В национальном издательстве вышла книга «Хрущев и Советский Союз». Книга состоит из двух частей. В первой подробно рассказывается о жизни Никиты Сергеевича и его выдающейся политической деятельности; во второй части речь идет об огромном вкладе Н. С. Хрущева в борьбу за мир и разоружение.

В дни, предшествовавшие приезду Н. С. Хрущева, я попытался заглянуть, как говорится, в душу араба, вызвать его на откровенный разговор. Я побывал в далеких от Каира городах Асуане и Луксоре. И не потому, что там проще и непосредственнее люди, чем жители столицы. Египтяне всюду одинаковы, и в центре и в провинции, всюду темпераментны и добры.

Начну с дороги в Асуан.

Попасть в Асуан оказалось делом нелегким. В авиационном агентстве в Каире наотрез отказались отправить меня немедленно. «Билеты на самолеты распроданы на неделю вперед»,— вежливо сказали там. В железнодорожных кассах отнеслись к просьбе более внимательно: обещали внести в список резерва на поезда, направляющиеся через полторы-две недели. Что случилось? Неужели все население ОАР собралось переселиться в Асуан? Все не все, но тысячи людей стремятся в эти дни к гранитным порогам Нила — в Садд аль-Аали, где руками арабских и советских рабочих совершено чудо: закончена первая очередь строительства высотной Асуанской плотины. Едут со всех концов страны студенты, инженеры, рабочие, врачи, агрономы, феллахи, едут, чтобы взглянуть на древние берега, которые навсегда исчезнут под водами Нила после перекрытия русла, едут полюбоваться зданием будущей электростанции, каналами, прорубленными в скалах, едут удивиться силе человеческого разума.

Этот людской поток еще более усилился, когда по всей стране разнеслась весть, что в гости к арабским и советским строителям прибудет Никита Сергеевич Хрущев, что он тоже примет участие в историческом акте — перекрытии Нила.

Пока в Каире искали оказию, с которой мне удалось бы попасть в Асуан, я занялся цифрами, характеризующими масштаб стройки. О цифрах говорят разное. Одни называют их сухомя-

10 мая во Дворце Кубба начались переговоры между Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и Президентом ОАР Гамаль Абдель Насером. На снимке: Во время переговоров.

Дружеское рукопожатие в Александрийском порту.

«Добро пожаловать!»

Советские гости прибыли в Каир.

Н. С. Хрущев выступил с большой речью на специальном заседании Национального собрания ОАР, посвященном визиту высокого советского гостя.

Бурными аплодисментами встретили депутаты Национального собрания ОАР выступление Н. С. Хрущева.

Звезды фейерверка озарили каирский стадион. Здесь проходил молодежный фестиваль, на котором присутствовали Н. С. Хрущев и Гамаль Абдель Насер.

тиной, другие считают, что они ярче слов. Для меня цифры всегда интересны тем, что они объемно и сразу дают картину объекта. Пусть же расскажут они о подвиге тех, кто создал на Асуане семизначные числа, начав с нуля.

С некоторыми цифрами я познакомился у заместителя главного инженера строительства Асуанской плотины Г. А. Радченко. Вот они.

К моменту завершения первой очереди было вынуто из каналов 10 миллионов 687 тысяч кубометров грунта. Причем на скальные породы приходится 9 миллионов 454 тысячи кубометров. А что такое асуанские скалы, расскажут стальные ковши четырехкубовых экскаваторов. Эти ковши во время работы срабатываются от гранитной пыли так же быстро, как алмаз режет стекло. В скалах пробито шесть тоннелей длиною 282 метра каждый.

Длина плотины по гребню — 3 600 метров. Высота — 111 метров над дном реки. Ширина по основанию — 980 метров, по гребню —

Тысячи людей вышли на улицы.

Пирамида дружбы.

Штурм прорана на строительстве Асуанской плотины начался. «МАЗы» сбрасывают камни в воды Нила.

40. Нил с середины мая потечет по новым отводным каналам длиной 1 950 метров.

Кто же и чем все это совершил?

Здесь нужны опять цифры. На стройке трудятся 28 тысяч арабских и около 2 тысяч советских рабочих и специалистов. Им в помощь придано 90 экскаваторов, 753 автомобиля, половина из которых — самосвалы, 107 бульдозеров, 63 трактора и множество других специальных машин.

И еще одна цифра: все работы идут при температуре 35—43 градуса жары.

Все это, конечно, грандиозно и уникально. А что это даст стране, народу ОАР? Здесь слово министру энергетики, бывшему губернатору Асуана Мухаммеду Эззату Салама.

— Благодаря Асуанской плотине будет освоено около двух миллионов федданов новых земель. Это имеет огромное значение для республики с быстро растущим населением. Получим в изобилии электроэнергию, что позволит построить новые заводы: сталелитейный, фосфоритных удобрений и завод по производству алюминия на местном сырье. Кроме того, в два раза увеличится производство сахара. В Асуанской провинции, простирающейся на 500 километров от Эль Сибайя до суданской границы, возникнут новые города, такие, например, как Наср. Его население — это будущие переселенцы из зоны затопления. Ведь предстоит переселить 32 деревни. В городе откроется 20 начальных и специальных промышленных школ, 12 медицинских учреждений, 4 показательных фермы. Образующееся после перекрытия Нила море заселим ценными породами рыб. Крестьянин приобретет как бы новую специальность — станет рыболовом. В Судан пойдут морские корабли.

...Наконец билеты на Асуан были добыты. Как говорится, мне повезло. Комфортабельный вагон венгерского производства через восемнадцать часов доставил нас к месту назначения. Радушно встретил Асуан, яркий, солнечный, обновленный,— живое свидетельство слов Мухаммеда Э. Салама.

В связи со стройкой ожил этот город, бывший совсем недавно очень тихим. Его набережные теперь украшают современные отели, красивые жилые дома и здания государственных учреждений.

Не ишак и повозка — старые пассажирские и грузовые средства перевозок, а многочисленные автобусы, такси, полуторки и трехтонки снуют под финиковыми пальмами, стоящими на улицах города. В прошлом году в Асуане был открыт Технологический институт и учебный центр по подготовке специалистов для высотной плотины, ожидается открытие в скором времени медицинского факультета Каирского университета.

Асуан в лозунгах и плакатах. Вдоль набережной висят на кронштейнах национальные флаги. У въезда на строительную площадку — два больших белых щита. Русские и арабские слова извещают:

«Строителям Садд аль-Аали. До перекрытия русла реки Нила остается 7 дней».

Еще один щит. На нем крупно написано:

«Добро пожаловать, президент Гамаль Абдель Насер и дорогой друг нашего народа Никита Хрущев!»

На берегу Нила гончары разложили свой товар — огромные глиняные кувшины, похожие на амфоры. Их привезли на фелюгах, которые стоят тут же со свернутыми парусами, уткнувшись в песок. Вокруг больше любопытных, чем покупателей. Мое внимание привлек старик в серой галабее и белой чалме. Смуглое лицо было сухим, а голубые глаза источали спокойствие, приобретенное годами и опытом. Он стоял на набережной, облокотившись на парапет. Старика звали Салем абу Амаад. Всю свою жизнь он проработал на железной дороге. Повидал всякое.

— Больше горя, чем радости,— сказал он и неторопливо продолжал, внимательно рассматривая меня:

— Семьдесят лет солнце светило над моей головой, а увидел я его только двенадцать лет назад. Революция подняла мою голову. Теперь ее никому не опустить. Поняли? Жизнь настоящая лишь началась...

Я спросил своего собеседника, как он относится к приезду Никиты Сергеевича Хрущева. Салем абу Амаад оживился, спокойствия, с которым он начал беседу, словно не было:

— Уважаемого советского премьера мы знаем давно, еще с суэцкой войны. Арабы всегда помнят, кто помог в беде. Это свято. Никита Хрущев, гость нашего любимого президента, и мой гость.

Салем абу Амаад раздвинул два указательных пальца и сказал:

— Было так.

Затем он крепко сплел пальцы обеих рук.

— Теперь стало так... Слава аллаху.— Старик поднял ладони к небу.— Он видит и радуется.

Последний жест — дань традиции. Жест правоверного мусульманина, который никогда не призовет аллаха подтвердить ложь.

Вторая встреча состоялась на строительстве высотной Асуанской плотины. Меня познакомили с молодым арабским специалистом Мухаммедом эль-Шейхом. Это потомственный интеллигент. Отец — учитель в школе в деревне Кафр эль-Дауд. В 1958 году Мухаммед закончил Каирский технический институт. Задумал продолжать образование.

— Я мало знал о Советском Союзе. Читал о вашей стране всякое. Однако, когда мне сказали, что есть вакансия на учебу в СССР, сразу подал заявление. Встретили меня хорошо... Говорить я не большой мастер, лучше напишу. Не возражаете?

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут Мухаммед эль-Шейх передал листок бумаги, на котором четко по-русски было написано:

«Откровенно говоря, когда я ехал в Советский Союз, я не ожидал, что получу такую широкую подготовку и глубокие знания. Судите сами: ученый совет Каирского университета решил приравнять мою кандидатскую диссертацию, которую я защищал в Москве в МЭИ, к докторским работам, защищаемым на Западе.

Я хотел бы воспользоваться этим случаем и от души поблагодарить всех, кто так искренне и бескорыстно помогал в учебе и жизни.

С особенной теплотой и благодарностью я вспоминаю своих учителей — доктора технических наук, заведующего кафедрой электрических машин МЭИ, профессора Петрова Г. Н., моего научного руководителя, профессора Сергеева П. С., друзей Шинкаренко Ю., Михайлова М. и многих, многих других. Я надеюсь скоро увидеться с ними опять в Москве.

Сейчас я работаю помощником главного энергетика на строительстве высотной Асуанской плотины. ГЭС и плотина растут прямо на глазах, и вместе с ними растут кадры арабских инженеров и тех-

Знатный электросварщик, дважды Герой Социалистического труда А. А. Улесов за время работы в Асуане обучил своей профессии 53 человека. В их числе молодые друзья А. А. Улесова Али Салим и Гелель Хесим.

Мощная техника помогает людям обуздать Нил.

Фото автора, А. Устинова, Л. Антонова, В. Будана (ТАСС), ЮПИ.

ников. Советские специалисты трудятся здесь рука об руку с арабскими инженерами и рабочими, чтобы вовремя сдать сооружение в эксплуатацию. Весь Египет с нетерпением ждет завершения строительства, в том числе и феллахи моей родной деревни.

Еще раз благодарю вас, дорогие друзья!

Мухаммед эль-Шейх,
кандидат технических наук».

— Прочитали? Все разобрали? Очень хорошо, что меня услышат московские друзья. Что я думаю относительно визита Никиты Хрущева? О чем может думать благодарный араб? Только о том, как лучше его встретить здесь, на стройке. Тем же чувством полны и мои товарищи. Значение визита столь же велико в политическом смысле, как и наша плотина во всей экономике моей страны. Нил потечет по новому руслу. Увереннее станет смотреть народ в свое будущее.

...В Луксор мы прилетели рано утром. Самолет из Каира доставил свежие газеты. Их сразу же расхватали на аэровокзале. Исчезли лица за развернутыми страницами «Аль-Ахрам», «Аль-Ахбар», «Аль-Гумхурия». Стало тихо, как в читальном зале. Но это продолжалось недолго. Интересной новостью всегда хочется с кем-то поделиться. Начался обмен мнениями. Комментарии были короткие и произносились вслух от избытка чувств. Среди пассажиров я заметил нескольких офицеров, супружескую чету, юношей и девушек с дорожными сумками через плечо. Я записал отдельно услышанные фразы. Привожу их из своего блокнота.

— Президент вручил Хрущеву «Ожерелье Нила». Прочли?

— Достойная награда.

— Хорошее продолжение дружбы. Советы всегда были на нашей стороне.

— Слушайте, что говорит Абдель Насер: вместе со мной вас приветствует весь египетский народ, знающий, что такое борьба, свобода и дружба.

— Не ошибся!

— Верно.

— Ни одного иностранца у нас так не принимали.

Офицер в чине подполковника, услышав русскую речь, подошел к нам и попросил перевести на арабский язык приветствие, напечатанное по-русски на всю страницу под портретами Гамаль Абдель Насера и Н. С. Хрущева. Переводчик с удовольствием это сделал. А напечатано было следующее:

«Добро пожаловать, настоящий друг президента Гамаль Абдель Насера, любимый всем арабским народом борец за мир, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев!»

Тут объявили посадку на Асуан, и всех пассажиров как ветром сдуло.

Настроение молодежи — верный барометр. По нему можно определять, куда пойдет народ в недалеком будущем, если, конечно, это настроение носит массовый характер. Как настроена молодежь, каково ее отношение к советскому народу, мы почувствовали в воскресенье на каирском стадионе, где проходил фестиваль в честь Никиты Сергеевича Хрущева. Я попытаюсь хотя бы в общих чертах описать этот праздник, ибо точно воспроизвести его словами невозможно. Такая задача под силу разве что цветному кинематографу.

Задолго до начала все сто тысяч мест стадиона заполнены. В дипломатической ложе послы и посланники. Напротив правительственной трибуны портреты президента Насера и Н. С. Хрущева. По верхней кромке здания стадиона, перемежаясь, развеваются государственные флаги СССР и ОАР. На чуть пожелтевшем поле выстроился оркестр. Музыканты в белых кителях и черных брюках, группа трубачей одета в костюмы древних египтян.

Словно взрыв раскатывается по стадиону. Это зрители приветствуют высокого гостя из Москвы, появившегося в правительственной ложе вместе с президентом. Ожили белые квадраты противоположных трибун. Это заработало живое табло. Физкультурники, пользуясь флажками, словно мозаичным камнем, выложили поочередно портреты Н. С. Хрущева и Гамаль Абдель Насера. На арабском и русском языках возникли слова:

Москва — Каир.
Дружба — Мир.

Президент и Никита Сергеевич обращаются к молодежи с короткими речами, которые часто прерываются приветствиями, вспышками оваций.

Грянул оркестр. Трубачи, играя марши, проделывают каскад замысловатых построений.

На поле выбегают мальчики, образуя ровные четырехугольники. Красно-оранжевыми ручейками разливаются между ними девочки. Все вместе запевают песню, исполняя сложные гимнастические упражнения.

Течет Нил в нашей крови.
Орошает Нил нашу жизнь
и душу.
Наполни нашу жизнь работой!
На благо революции
Течет Нил!

И словно действительно потек голубой Нил по полю стадиона, то волнуясь, захлестывая берега в паводок, то искрясь и играя в лучах солнца, которое образовали девушки в желтом.

Упражнения усложняются. Гимнастки в черных трико на фоне бело-красно-голубых костюмов своих подруг показывают отточенное мастерство на узких досках, мгновенно превращающихся в брусья. Это выступают студентки женских институтов физического воспитания Каира и Александрии. Горячие аплодисменты в награду получили за свое искусство и юноши.

Что это? Неужели снежинки прилетели в жаркую Африку с холодного севера?

Никита Сергеевич что-то весело говорит президенту, и оба от души приветствуют физкультурниц.

Праздник подходит к концу. Время позднее. На воздушных шарах поднимаются в небо государственные флаги ОАР и СССР. Величественно проплывает флаг моей Родины. И вдруг вверху засияли тысячи огней. Словно кто собрал в мешок звезды со всего неба и рассыпал их над стадионом.

В ушах звучит пришедшаяся всем по душе мелодия песни:

Весь мир нас поздравляет
с праздником
И держит розы на празднике
плотины.
Посмотрите и будьте
счастливы
На нашем празднике.

* * *

Газета «Аль-Ахбар» в одном из своих номеров дала шапку «Миллион раз «Добро пожаловать!», выразив наиболее полно отношение народа к визиту Никиты Сергеевича Хрущева в Объединенную Арабскую Республику.

Асуан — Каир.
По телефону.

Участники второй Советской конференции солидарности народов Азии и Африки посетили Нефтяные Камни. Перед нефтяниками Каспия выступила генеральный секретарь союза женщин Ганы Маргарет Мартей.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

МОГУЧАЯ СИЛ

Братство и дружба были основными пассажирами корабля, который вез участников конференции на Нефтяные Камни.

Каждый из участников посадил в городе Баку дерево. Аллеей Дружбы назвали бакинцы этот участок набережной.

За дни конференции участники обменялись мнениями, наметили дальнейшие пути борьбы с колониализмом, за мир и дружбу между народами.

А СОЛИДАРНОСТИ

Под весенним солнцем столицы Азербайджана города Баку закончилась вторая Советская конференция солидарности народов Азии и Африки.

В докладе председателя Советского комитета солидарности Мирзо Турсун-заде и в выступлениях делегатов конференции были подведены некоторые итоги деятельности и намечена программа дальнейшей работы Советского комитета афро-азиатской солидарности в борьбе против империализма и колониализма.

На конференции выступали представители наших братских республик, рабочие и колхозники, ученые и писатели, деятели искусств и общественные деятели.

В зале конференции звучали голоса посланцев Индии и Индонезии, Бирмы и Цейлона, ОАР и Алжира, Южно-Африканской Республики и Анголы, Кении и Ганы, Мозамбика и Северной Родезии, героической Кубы, голоса друзей из социалистических стран Европы.

Каждое выступление было как клятва бойцов могучего фронта, ведущего последний и решительный бой с колониализмом.

Конференция показала единство во взглядах между советскими людьми и друзьями из Азии, Африки и Латинской Америки.

Делегаты конференции и гости единодушно осудили действия китайских догматиков, пытающихся расколоть могучее движение афроазиатской солидарности и стащить его на расистские, античеловеческие позиции.

— Наш фронт борьбы был, есть и будет единым! — говорили ораторы с трибуны конференции.

Время и факты истории, события последнего времени показывают правоту мудрой политики Коммунистической партии Советского Союза, ее Центрального Комитета во главе с замечательным сыном советского народа Никитой Сергеевичем Хрущевым.

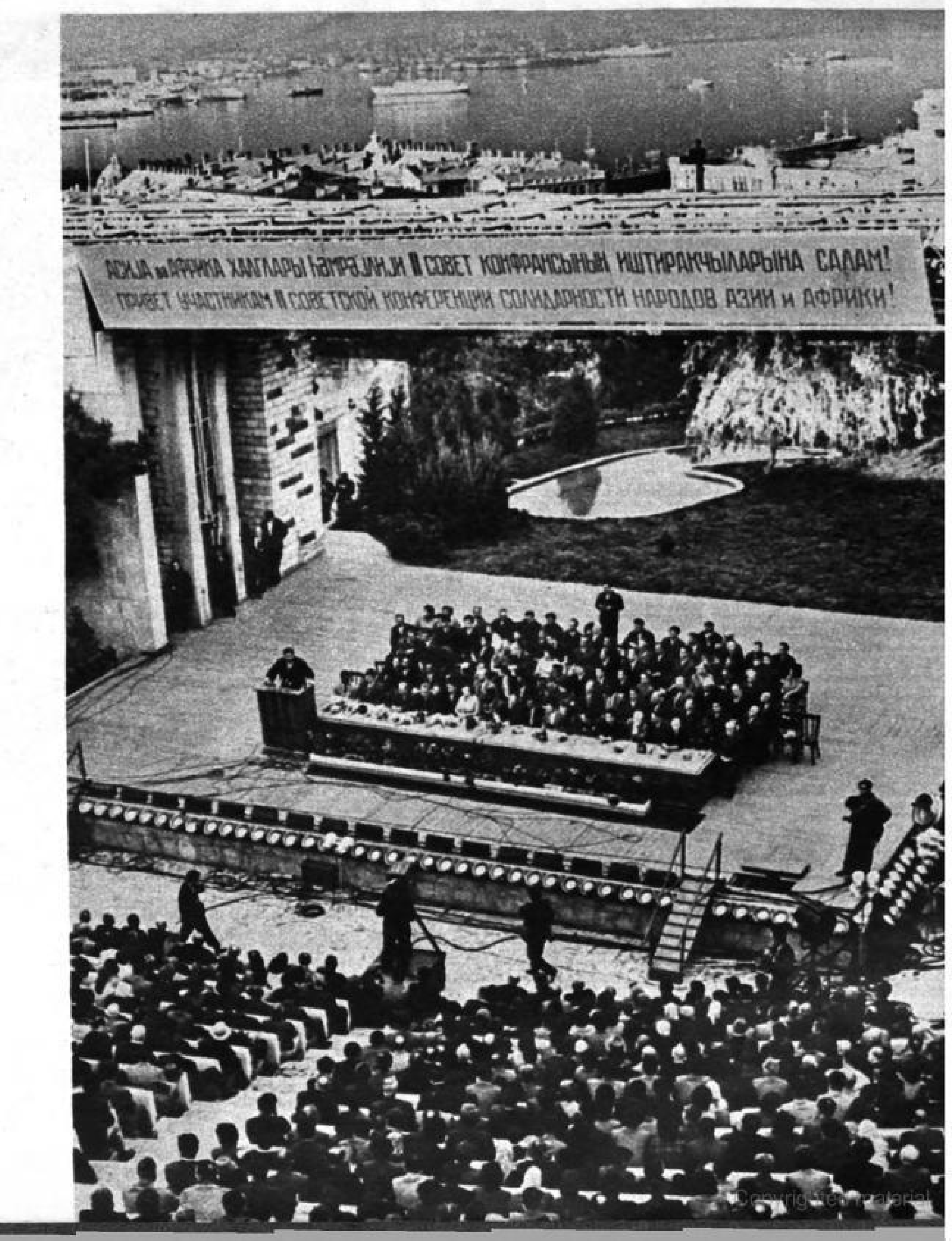
Именно в часы, когда шли заседания конференции в Баку, теплоход «Армения» подходил к Александрии. Н. С. Хрущев прибыл в ОАР по приглашению президента Насера для того, чтобы принять участие в трудовом празднике перекрытия Нила.

Дружба и единство, вера в будущее, в победу светлых идей господствовали на конференции солидарности в Баку.

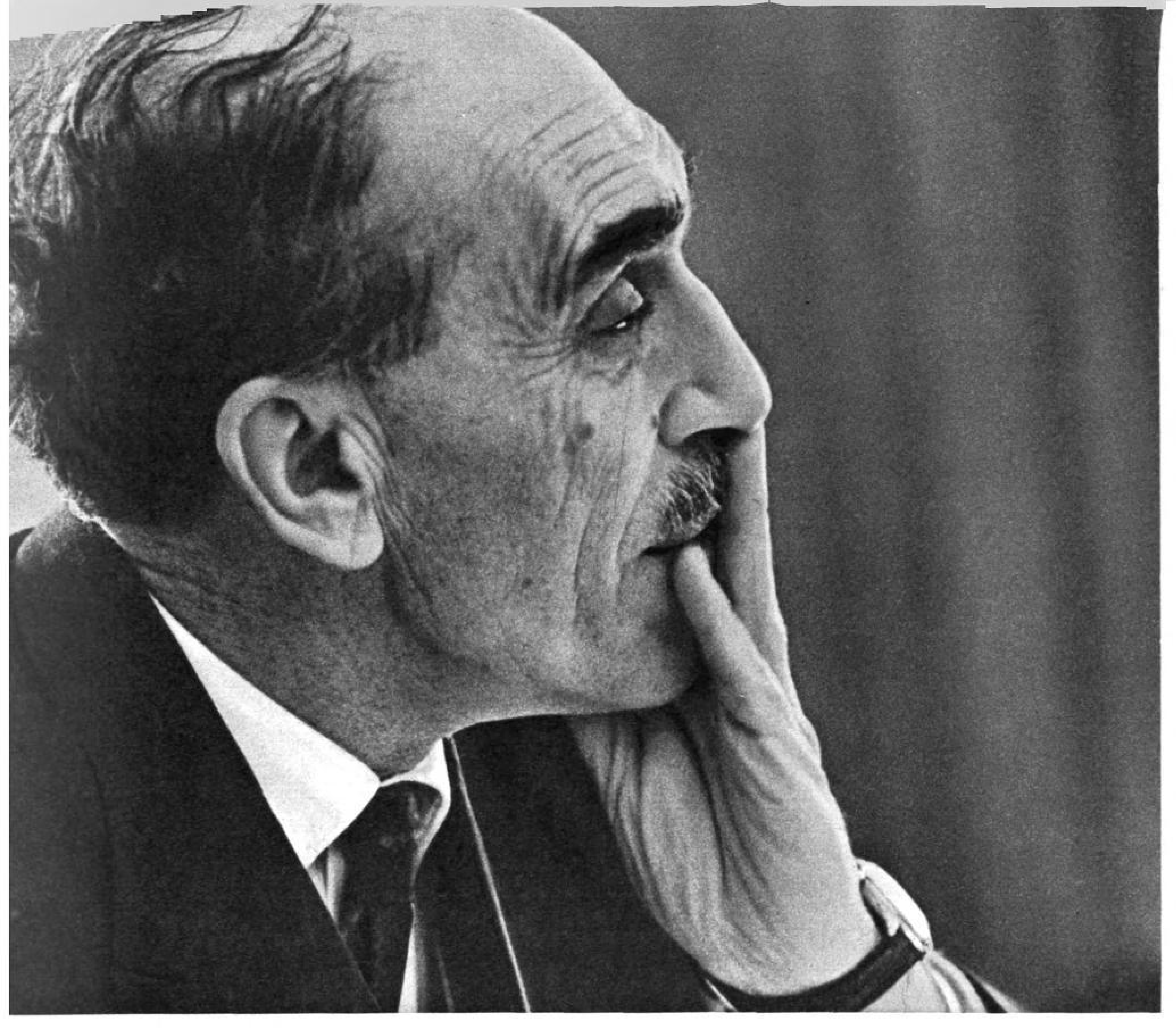
Делегаты конференции и гости увидели, как живет советский Азербайджан, как он героически трудится на земле и на море, какие красивые строит города, как поднимает к солнцу людей, как воспитывает в каждом человеке интернационалиста.

Это — подлинно ленинское, коммунистическое воспитание!

Это — знамение нашего советского времени!

В Зеленом театре города Баку состоялся заключительный митинг.

Академик Н. Н. Семенов.

Ким БАКШИ

Фото А. УЗЛЯНА и Е. УМНОВА.

ИХФ. 1964

И началась цепная реакция. Все произошло в исчезающе малые доли секунды. Экспериментатор увидел вспышку... «Цепная реакция» — при этих словах мы привыкли думать о быстром, как лавина, делении ядер.

Но здесь занимаются не ядерными, а химическими реакциями.

Понятие цепных реакций и их теория впервые появились в химии и лишь спустя два десятилетия в физике. Их изучение и теоретическое объяснение связано с именем академика Николая Николаевича Семенова. Еще в 1931 году для развития новых идей Н. Н. Семенова был создан ИХФ — Институт химической физики Академии наук СССР.

* * *

Ленинские горы. Гладкая веселая река, освободившаяся ото льда. Бурый склон, просвечивающий сквозь рощу. На высоком берегу старинный дворец с забавными башенками на крыльях. Асфальтовая дорожка, словно кавказский серпантин, упрямо лезет вверх, к институту Семенова, как его попросту называют.

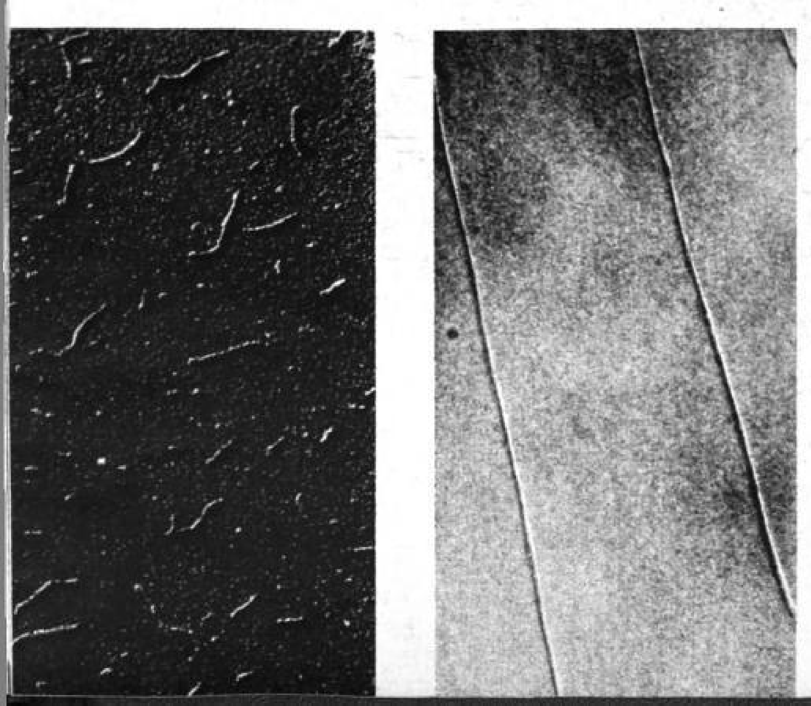
Чем занимаются здесь? На этот вопрос нельзя ответить односложно. Как нельзя одним словом исчерпать суть человека. Мне представляется мощное ветвистое дерево. Этакий геральдический дуб. Но вместо имен герцогов и наследных принцев на нем имена ученых, растящих новые ветви науки,— академиков, докторов, кандидатов, аспирантов. И даже студентов-дипломников, если они сформировали хотя бы малый листок, хотя бы почку или завязь.

Я бы написал на этом воображаемом геральдическом дереве: «Химическая кинетика — изучение химического процесса». Потому что именно этим заняты ученые института. В сущности, это один из генеральных вопросов современной химии. Познать сложнейшие химические превращения веществ, научиться управлять ими — какая заманчивая перспектива!

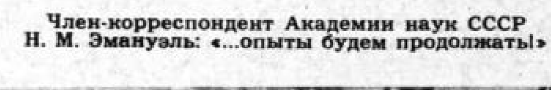
В ботанике есть понятие «точка роста». Она появляется как незаметная почка, но в ней заключена огромная созидательная сила. Точка роста дает начало мощной ветви. Рассматривая могучее дерево химической кинетики,

Каким будет новый ингибитор?

Молекула ДНК под электронным микроскопом.

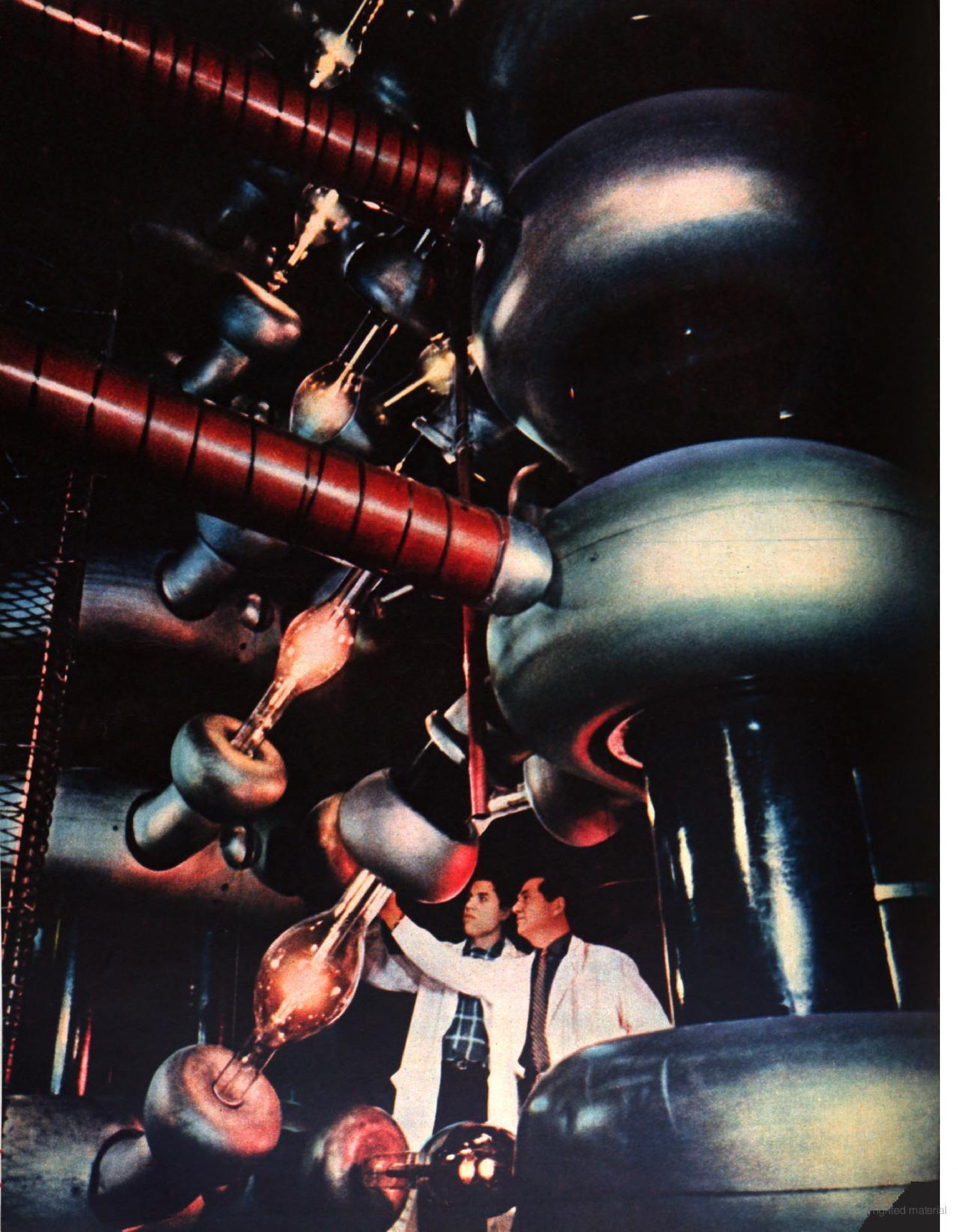

Член-корреспондент Академии наук СССР
Н. М. Эмануэль: «...опыты будем продолжать!»

его раскидистую крону, видишь много молодых ветвей, новых направлений роста. В их основе творческие идеи, дерзкие эксперименты.

* * *

Какие новые возможности химических превращений откроются, если направить на вещество поток электронов или гамма-лучей? Какие химические реакции начнутся тогда?.. Так, мне кажется, можно сформулировать исходную мысль ученых отдела химии высоких энергий, которым руководит доктор химических наук профессор В. Л. Тальрозе.

Радиоактивное излучение вызывает многие химические реакции, в том числе и цепные. Химическим превращениям подвергаются даже самые стойкие в обычных условиях вещества. Под действием излучения происходит «прививка» одного полимера к другому, как бы «сшивание» полимеров.

Наблюдая за химическими реакциями в потоках частиц высоких энергий, ученые столкнулись со многими неизвестными раньше явлениями. В лаборатории члена-корреспондента АН СССР В. И. Гольданского быстрые процессы полимеризации идут при температуре близкой к минус 200° С и в твердом теле. В лаборатории Н. Я. Бубена установлено, что если полимер облучить при очень низкой температуре и потом начать разогревать, то при температуре, которая соответствует так называемым фазовым переходам (например, каучука из стеклообразного в эластическое состояние), происходит вспышка света. Благодаря этому, например, можно предсказать механические свойства вновь синтезируемых веществ. Даже если их получено всего несколько тысячных грамма.

Ученые отдела работают на стыке ядерной физики с ее цепными реакциями и химии с ее цепными превращениями. Естественно, что их интересует один из вариантов цепного процесса — полимеризация. Здесь одна ветвь исследования смыкается с другой очень важной ветвью.

* * *

Полимеризацию изучают в другом отделе института. Это крупная, густая ветвь, со многими отростками— лабораториями. У каждой лаборатории свое направление, своя точка роста, дающая начало новым ветвям, новым линиям исследования.

Полимеры пользуются особым вниманием в институте. Мне говорили, что отдел находится под специальным контролем Н. Н. Семенова. Что же здесь удивительного? Огромные знания механизма цепных химических реакций, накопленные учеными ИХФ, как нельзя кстати пришлись для изучения полимеризации. Отсюда и размах исследования и смелые выходы в практику, на производство. Н. Н. Семенов особенно настаивает на этом. Виднейший теоретик химической физики, он заботится о работе опытного цеха полипропилена, «подталкивает» строителей крупной промышленной установки.

Особая лаборатория занимается увеличением долговечности полимеров. В результате, например, полиэтиленовая пленка для парников служит в 2—3 раза дольше.

В отделе разрабатывается химия олигомеров — своеобразных неполных полимеров. Достаточно налить жидкий олигомер в форму и добавить вещества-инициаторы, как произойдет полимеризация. Легко представить себе выгоды этого способа получения изделий. Так можно отливать корпуса мелких судов, кузовы автомобилей, отсеки самолетов, трубы.

Пожалуй, больше заинтересовали меня исследования живых полимеров — нуклеиновых кислот и ферментов, которые также ведутся в отделе. Строительство белка из нуклеиновых кислот идет в живой клетке с удивительной быстротой. В лаборатории доктора химических наук Л. А. Блюменфельда выясняют роль ускорителей этих процессов — ферментов. Сложнейшими физическими измерениями устанавливают связь строения нуклеиновых кислот с их свойствами.

В лаборатории мне рассказали об одном важном наблюдении. В составе нуклеиновых кислот всегда находится ничтожно малое количество металлов. Никто точно не знает, для чего они нужны. Предполагается, что это стабилизаторы живого полимера, придающие ему устойчивость. Но их значение, по-видимому, более сложно. Они резко изменяют электрические характеристики. Может быть, это и есть те «ускорительные» центры, которые играют ведущую роль в процессах синтеза белка?

Разгадывая, как протекает химическая реакция строительства живых полимеров, ученые ищут ключ к величайшей тайне — тайне жизни.

* * *

С каждым новым отделом института мне все яснее становится многообразие связей, которое существует между, казалось бы, различными направлениями исследования. И снова на ум приходит образ единого дерева, ветви которого густо сплелись между собой.

Новый отдел — новая большая ветвь. Здесь также изучают различные цепные химические реакции.

Сначала о «классическом» направлении отдела. «Классики» изучают цепные реакции окисления органических веществ — основу многих важных технологических процессов. Хорошо известен предложенный руководителем отдела членом-корреспондентом АН СССР Н. М. Эмануэлем экономичный, простой способ получения уксусной кислоты и органических растворителей путем цепной реакции окисления бутана. Это направление можно назвать классическим только условно. Только если сравнить его с другой ветвью, которая поистине романтична.

Мы слушали в актовом зале института отчет руководителя лаборатории химической генетики доктора биологических наук И. А. Рапопорта. Ученые лаборатории воздействуют химическими веществами на наследственность растений и животных. Получены новые антибиотики, повышена «урожайность» уже известных. Выводятся новые сорта пшеницы, обладающие ценными свойствами,— большим колосом, стойкостью против полегания. И это только в одной лаборатории!

А в других? Мне хочется рассказать об идее, которая высказана Н. М. Эмануэлем и коротко сводится к следующему. При изучении цепных химических реакций было давно замечено, что есть такие вещества (их называют ингибиторы), которые замедляют, останавливают идущий, как лавина, процесс. Они обрывают цепи реакции. В соседнем отделе, у «полимерщиков», их, например, применяют, чтобы предотвратить разрушение полимеров.

Советский и американский коллеги. Профессор Джордж Кистяковский из Гарвардского университета высоко ценит работу академика В. Н. Кондратьева.

А что, если найти тормозящие вещества для процессов в живых клетках, своеобразные ингибиторы живого? Нельзя ли тогда задержать, например, разрушения, которые наносит организму смертельный поток радиации? Под действием радиации в живой химической лаборатории возникают активные центры — осколки молекул,— так называемые радикалы...

На живую клетку направлен весь мощный научный арсенал химической физики с ее математическими методами, с ее электронной аппаратурой.

Группа В. В. Ершова получает ингибиторы, которые воздействуют на живую клетку. Группа К. Е. Кругляковой испытывает их влияние на облученные нуклеиновые кислоты.

Этот процесс касается самых глубин живого — молекул ДНК — носителей наследственности, он ломает их программы.

Три фотографии сделаны при помощи электронного микроскопа. Мы видим длинную молекулу ДНК; облучение раскрошило молекулу. Но вот введено вещество-ингибитор. И распад молекулы уменьшился.

Еще рано говорить о побежденной лучевой болезни или остановке роста злокачественной опухоли. Важен новый научный подход исследователей, которые применяют метод химической кинетики. Научный поиск дает попутные практические результаты. Например, найдено средство, останавливающее рак картофеля. Получены ингибиторы, которые увеличивают срок хранения масла и сала. Эти работы ведутся совместно с научно-исследовательскими институтами мясной и молочной промышленности.

* * *

Вы узнали лишь о малой части работ ученых Института химической физики. Если бы мы продолжили наше путешествие, то о каждой новой лаборатории можно было бы сказать:

«Вот и еще одна ветвь вечнозеленого дерева науки, еще одно звено цепной реакции знания».

◀ Последние приготовления, и пучок быстрых электронов пронизывает кристалл. Возле ускорителя инженеры Е. Я. Розинский и В. Н. Попов.

ПОЛЕ Якова Орищенко

Владимир ТУРУНТАЕВ

Целинный Адамовский совхоз постоянно осаждают корреспонденты. И ничего в этом нет удивительного: таких хозяйств в республике раз-два — и обчелся: шестьдесят пять тысяч гектаров посевных площадей, а всего более ста тысяч гектаров!

Особенно не было отбою от корреспондентов в 1962 году, во время уборки, когда совхоз по всем показателям шел впереди других хозяйств зоны. Я был седьмым на неделе. По незнанию я предупредил директора по телефону о своем прибытии, и он быстренько снялся с места, поручив меня парторгу. А парторг немного побеседовал со мной, и вдруг куда-то заторопился и сплавил меня главному агроному: «Он у нас кандидат наук и вообще...»

Главный агроном совхоза Яков Петрович Орищенко оказался человеком лет тридцати на вид. Он высок, худощав, подвижен. Прямые черные волосы, живой, острый взгляд... Я попросил у него разрешения поездить с ним по совхозным полям. Он немного растерялся:

— Я, конечно, не возражаю... Могу показать интересных людей. Но вам, наверное, лучше бы с директором...

— Почему лучше?

Он пожал плечами.

— Все корреспонденты ездят с директором.

Я провел в совхозе неделю, и все эти дни Яков Петрович возил меня по совхозным полям на своем побитом «газике». Он дотошно проверял качество уборки, замерял глубину вспашки, советовался с бригадирами и агрономами отделений.

Он рассказал мне, как дважды уезжал из совхоза: один раз его пригласили на должность доцента в Оренбургский сельскохозяйственный институт, а потом заведующим отделом в Сибирский научно-исследовательский институт животноводства. Из Оренбурга он вернулся через три дня, из Новосибирска — через три недели.

— Не могу работать на делянках. В Новосибирске, правда, поля опытного хозяйства сравнительно большие, но посреди поля растут купы берез... То ли дело у нас в совхозе! Если закладываешь опыт — так сразу на сотнях гектаров...

Он показал мне один свой опыт: на поле в триста девяносто гектаров пшеница была посеяна без предварительной вспашки, лишь по поверхностной обработке, по лущевке. За четыре года это поле пахалось всего два раза, а урожай на нем был самый высокий в совхозе — четырнадцать с лишним центнеров с гектара.

— Лущевка,— сказал Яков Петрович,— в наших условиях гарантирует более высокий урожай. И, кроме того, обходится в два с половиной раза дешевле, чем глубокая отвальная зябь. Нынче у нас по лущевке посеяно три с половиной тысячи гектаров, и ни на одном поле она не подвела нас. Поэтому думаем на будущий год отвести под нее тысяч пять гектаров...

В другой раз зашла у нас речь об овсюге. Последнее время о нем много говорят на целине: он сильно засорил здешние поля. Но в Адамовском совхозе поля были на редкость чистые.

Яков Петрович улыбнулся.

— Могу показать поля, где вы не найдете вообще ни одного сорного растения! Хотите пари?..

...Яков Петрович Орищенко приехал в Адамовский совхоз в 1959 году. Год для хозяйства был переломным: свирепствовала зерновая совка; на полях — овсюг, не было сортовых семян. Агротехника была предельно проста: осенью зябь, весной боронование — и сей себе на здоровье. А не успевали осенью вспахать — сеяли по весноспашке.

На другой год совки стало еще больше: в бурту пшеница шевелилась. И овсюг дал хороший урожай... Пришлось задержать сев и разделаться с овсюгом. И вот что получилось. Ранние посевы в июне сильно пострадали от засухи и дали всего по пять-шесть центнеров с гектара. А поздние дружно взошли, стойко перенесли сухой июнь, а в июле подоспели дожди... Поздние посевы дали по пятнадцать-шестнадцать центнеров! И вот тогда Яков Петрович занялся изучением данных метеорологической станции по Адамовскому сельскохозяйственному управлению за последние двадцать пять лет.

Самым влажным месяцем оказался июль. За 25 лет было 13 влажных июлей, 8 умеренных и только 4 засушливых! Следовательно, в самые ранние сроки на чистых от овсюга массивах лучше всего сеять позднеспелые сорта. А скороспелые в более поздние сроки — после того, как будет уничтожен овсюг.

Уже весной 1960 года Яков Петрович выписал из Сибири семена нескольких позднеспелых сортов. «Цезиум-94» дал пятнадцать центнеров с гектара — намного больше, чем раннеспелые сорта. Но, может быть, это чистая случайность? В следующем году опыты были продолжены на более значительных площадях. И снова «цезиум» дал на шесть-семь центнеров больше, чем раннеспелые сорта.

— Я уверен,— сказал Яков Петрович,— что через два-три года мы будем получать устойчивые урожаи — в среднем по шестнадцати центнеров с гектара...

Он запнулся на слове, увидев в моих руках записную книжку и карандаш. Тут-то все и началось...

— Не надо об этом писать,— сказал Яков Петрович.

— Почему?

— Так. Опыты не закончены. И вообще...

— Ну, хорошо, я напишу про лущевку и овсюг.

— И об этом не надо писать.— Яков Петрович как-то вдруг поскучнел.— Ну их к дьяволу!..

— Кого?

— Да это так, к слову... Видите ли, у нас в области практикуется так называемая оренбургская система земледелия. И отступать от нее не дозволено...

Мне было известно об этом: ранняя глубокая выровненная зябь, уничтожение овсюга осенью, ранний сев — вот, как я понял, три агротехнических кита оренбургской системы земледелия. И ни полслова о позднеспелых сортах яровых и о том, что уничтожать овсюг в некоторых районах удобнее все же весной, потому что осенью там он плохо прорастает.

— Вы обратили внимание, что каждому комплексу рекомендаций предпослано постановление обкома партии и облисполкома?— спросил у меня Яков Петрович.— В постановлениях говорится о неукоснительном и повсеместном применении на практике этих рекомендаций. Так вот, если вы напишете о моих опытах, то только навредите мне. Меня тут же публично обвинят в неуважении к оренбургской системе земледелия. До сих пор я отделывался выговорами...

— Да, но если на лущевке урожай выше, чем на зяби...

— В нашей зоне — выше. На два-три центнера...

— А овсюг!.. Неужели вас будут ругать и за то, что вы не по той системе уничтожили овсюг?

— Будут,— как гвоздем прибил Яков Петрович.

Я решил зайти с другого конца:

— Послушайте, но ведь оренбургская система существует не сама по себе. Ее автор, Хайруллин, не один раз, наверное, бывал в вашем совхозе...

Яков Петрович кивнул:

— Он тут частенько бывает. На территории нашего совхоза — опорный пункт мясо-молочного института, который он возглавляет.

— Сколько возможностей поговорить, поспорить!

— Верно. Только мы ни разу еще не встречались. Хайруллин как-то все избегает меня.— Яков Петрович махнул рукой.— Ну и пусть! Лишь бы не мешал мне заниматься опытами. Добьюсь стопудовых урожаев — тогда можно будет и в драку ввязаться...

— А сейчас боитесь?— спросил я.

— Боюсь, — откровенно признался Яков Петрович.— Боюсь, что не дадут закончить опыты.

Мы снова мотаемся по полям. Снова Яков Петрович показывает мне массивы хлебов, знакомит с людьми.

— Стараются помочь мне. Агроном второго отделения Василий Павлович Волнянский, тот, глядя на меня, и сам начал потихоньку закладывать крамольные опыты. Хочет, например, посеять пшеницу по непаханому просянищу. Не знаю, что из этого выйдет, но пускай пробует. Получится — будет просто здорово. А то с просянищами у нас прямо беда: посеешь по отличнейшей зяби пшеницу, а она зарастает просом.— Яков Петрович с опаской поглядел на мою руку, которая невольно потянулась к записной книжке.— Только об этом ни-ни!..

Под конец я не выдержал:

— Послушайте, какой же вы, к черту, ученый, если не боретесь за свои убеждения!

Он слушал меня, не перебивая, а потом со вздохом сказал:

— Вы просто не сидели в моей шкуре!..

Прошедшей осенью я опять приехал в Адамовский совхоз. Лето 1963 года не баловало хлеборобов. Июль второй раз подряд выдался «нетипичный», а в августе, как раз к уборке, зарядили дожди. Хотя такого еще не бывало за последние двадцать пять лет, средний урожай зерновых в Адамовском совхозе был на уровне прошлогоднего и гораздо выше, чем в соседних совхозах. В который уже год с самой лучшей стороны показала себя и лущевка. И в хороший год и в засуху она дает прибавку урожая самое малое на полтора центнера.

— У тебя ведь ее нынче пять тысяч гектаров?— спросил я.

— Одиннадцать, — поправил меня Яков Петрович.

— Но ты, кажется, планировал пять...

— Планировал, а потом решил

рискнуть. Получил очередной выговор.

— И, конечно, не жалеешь?

— Жалею,— вздохнул Яков Петрович.— Жалею, что не рискнул на все тридцать! Это была моя самая большая агротехническая ошибка. Она обошлась государству по крайней мере в четверть миллиона пудов хлеба. А если взять все совхозы нашего управления... Куда ни ткни пальцем — всюду огромные дыры, через которые уходит зерно. Вот, скажем, у нас тут повсеместно распространен сорт «альбидум-43», но «саратовская-29» более урожайная, и все же она занимает только десять тысяч гектаров: семян не хватило. Будь у нас в достатке ее семена, государство получило бы еще полмиллиона пудов хлеба.

Яков Петрович рассказал мне о новых опытах. Несколько сортов твердых пшениц, посеянные по лущевке, дали по двенадцати центнеров! И еще одна удача.

— Помнишь, я рассказывал тебе об агрономе Василии Павловиче Волнянском? Он нынче посеял-таки пшеницу на непаханом просянище! Результат замечательный. После первых же дождей пшеница так буйно пошла в рост, что задавила все просо!..

— Ну, а как твой «цезиум»?— поинтересовался я.

Яков Петрович провел рукой по поясу:

— Вот такой вымахал! Колос большущий, зерна в колосе много. Приезжал к нам американский министр земледелия, показали ему поле «цезиума»— в восторг пришел...

И вдруг Яков Петрович улыбнулся, и глаза его как-то по-мальчишески озорно заблестели:

— А знаешь, я этой весной ввязался-таки в драку! На агрономическом совещании в Оренбурге...

Дело было так. Весной Орищенко послал в областную газету «Южный Урал» статью о результатах опытов по глубине заделки семян в почву. Сотрудник редакции передал его статью на отзыв... Хайруллину. Статью не напечатали. Зато на областном агрономическом совещании Хайруллин обрушился с критикой на «некоторых», присылающих в газеты заведомо порочные статьи. Прием был явно запрещенный. Орищенко попросил слова, вышел на трибуну и сказал, что именно он написал статью, а затем изложил агрономам свою точку зрения. Когда он кончил, зал разразился аплодисментами. Хайруллину предложили заложить в хозяйстве научно-исследовательского института опыты по глубине заделки семян и проверить данные, полученные Орищенко. И тут случилось неслыханное. Уважаемый ученый выкрикнул из-за стола президиума: «Нечего проверять! Все проверено, все выяснено!..»

Прошлая осень была на редкость дождливой. Уборка затянулась. К тому же техника в совхозе работала плохо: тридцать комбайнов стояли — не было какой-то дефицитной запасной части,—остальные работали с большой перегрузкой. Хлеб прорастал в валках. «Вот и еще сотни тысяч пудов улетают в трубу»,— говорил мне Яков Петрович. Его вины в том было меньше всего. Но когда выяснилось, что Адамовский совхоз занял не первое, а второе место по управлению, все шишки посыпались именно на агронома. В октябре он прислал мне грустное письмо и вырезку из районной газеты: «Итоги нынешнего года опрокинули рассуждения и поступки руководителей Адамовского совхоза (в статье называется фамилия одного Орищенко). Они сдали хлеба с гектара на полцентнера меньше, чем их сосед, совхоз имени XIX партсъезда, который всегда имеет зябь и стремится как можно раньше посеять. Лущевка и стадийность посева, если их и дальше применять, приведут к краху, загубят славу совхоза, созданную ветеранами целины. Ранняя, глубокая, выровненная зябь — вот основа...»

Рядом с передовой в газете приведена сводка: последним по сдаче хлеба государству значится совхоз «Брацлавский». Но руководителей этого совхоза не ругали, а слегка журили. Очевидно, потому, что совхоз этот стоял на первом месте по вспашке ранней, глубокой, выровненной зяби...

«Моей агротехнике уже и эпитет придумали,— писал мне Яков Петрович.— Ее называют шелудивой агротехникой, а меня авантюристом. Прошлогодние мои опасения, как видишь, не были напрасными. А недавно начальство угрожало мне снятием с работы и тюрьмой, приехал прокурор и завел уголовное дело. Все из-за того, что мы допустили порчу двухсот с небольшим килограммов семян: не успели вовремя вывезти, не хватало машин, а когда пошли дожди, бурт по краям немного пророс. В это время и нагрянуло начальство. Я все бросил и сам стал заниматься перевозкой семян на склад. Две недели работал на току днем и ночью. Дошел до ручки. Семена завезли, теперь организуем очистку.

Я вот думаю: из-за двух центнеров завели уголовное дело, а кто ответит за те миллионы пудов, которые легко можно было отвоевать нынче у засухи и не отвоевали только потому, что от этого мог пострадать престиж оренбургской системы?.. Кому-то, значит, ее престиж оказался дороже интересов всего народа и государства...»

Я читал и перечитывал это письмо и думал: в самом деле, что можно еще предпринять? И решил написать в Центральный Комитет. Сам решил написать, потому что ждать, пока почта доставит мой совет Якову Петровичу, а затем еще ждать вестей от Якова Петровича... Утром я отправил письмо по назначению, и потянулись томительные дни. Факты есть факты, они требуют проверки. Проверка требует времени...

И вот наконец получил от Якова Петровича из Оренбурга письмо: «...Меня вызвали в областное сельхозуправление, туда поступило личное указание министра производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, чтобы мне оказали помощь в работе...»

Это была победа.

Состоялся февральский Пленум ЦК КПСС, на котором Никита Сергеевич Хрущев снова предупредил тех, кто пытается насадить шаблон в агротехнике, пытается сверху, административным путем навязывать хозяйствам сроки сева. Но не прошло и двух недель после Пленума, как появилась статья Хайруллина «О сроках сева в зоне сибирского климата». Автор в самой категорической форме утверждал, что «правильные сроки сева для Сибири...— это не ранние сроки, а средние или поздние». Прежде в такой же категорической форме Хайруллин требовал от оренбургских земледельцев проводить сев в самые ранние сроки. Но если Оренбургская область протянулась с запада на восток на 800 километров, то Сибирь—и вовсе страна необъятная, и тем более неразумно устанавливать единые сроки сева для всех зон Сибири. Первым откликнулся на статью Хайруллина не кто иной, как Яков Петрович Орищенко. Ясно и убедительно, на основании точных опытных данных — а опыты свои он проводил, как мы знаем, не на делянках, а на тысячах гектаров,— Яков Петрович показал несостоятельность рассуждений Хайруллина. А потом были напечатаны еще статьи агрономов, ученых, руководителей хозяйств, опытников. Об их отношении к рассуждениям Хайруллина можно судить хотя бы по заголовкам: «Нам виднее, когда сеять!», «Сеять не рано и не поздно, а в лучшие сроки», «Агроном — главный технолог в поле»...

* * *

Я вспоминаю один случай.

Мы стояли на поле, с которого уже была убрана пшеница. Рядом с Яковом Петровичем — агроном второго отделения В. П. Волнянский и бригадир. Яков Петрович собирался посеять здесь озимую пшеницу прямо по стерне.

— Пожалуй, многовато сорняков,— с сомнением покачал головой бригадир.

А мне казалось, что здесь совсем нет сорняков, мне это поле казалось совсем чистым. Но поехали на другое поле. Оно понравилось всем.

— Ну что, лущить? — спросил агроном Волнянский.

— Нет,— сказал Яков Петрович,— здесь посеем пшеницу без всякой обработки.

— Совсем?— недоверчиво переспросили Волнянский и бригадир.

— Совсем!

— Что ж, рискнем,— согласился агроном.

Я видел: люди верят Якову Петровичу. А это очень много, когда люди тебе верят.

О жизни и счастье

Валентина Левченко родом из Белоруссии, а живет в Калуге, служит в местной гостинице дежурной по этажу. Она до этого жила и работала в Карелии приемщицей строительного леса, на целине, куда приехала по комсомольской путевке, и в Крыму.

Стихи Валентины Левченко своеобразны, лиричны, свидетельствуют о литературных способностях. Ей сейчас 27 лет, она готовится поступать в заочный Литературный институт.

КАРЕЛИЯ

Качается лес
На болотных пружинах.
Рабочая смена
Садится в машины.
Рокочут машины
Тревожно и глухо,
И каждый овраг —
Как заросшее ухо.
Здесь прямо на солнце,
На скалах замшелых
Костлявую рыбу
Сушили карелы.
Здесь в просеках дымных
И даже под кровлей
Светился комар
Человеческой кровью.
Рокочут машины,
Кружат светлячками
По темной земле,
Оплетенной корнями.
Рокочут машины
Тревожно и глухо.
И каждый овраг —
Потрясенное ухо.

ПЕРВАЯ НОЧЬ НА ЦЕЛИНЕ

Спят ребята,
Спят на полках узких,
С вечера еще не разглядев
Меченную столбиками сусликов,
Темную и ветреную степь.
Все пока еще лежит здесь
ворохом,
В этом неустроенном краю.
И будильник, как кусочек города,
Светится на ящиках в углу.

МОЙ ГОРОД

Взойду на бугор,
И внезапно
Косынка рванется в руке.
Вниз, ветряные пятна
Летят и летят по Оке.
И пó лугу светлые полосы,
И продувает насквозь
И платье мое,
И волосы,
И длинные ветки берез.
А город отсюда — ступенями...
Красиво.
Ну что за тона!
Обрезаны синими тенями
Чуть-чуть голубые дома.
И там, где отава
Не скошена,
Деревья темны и густы,—
Калуга...
Какие хорошие,
По-русски простые черты!

Калуга.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЮЖНЫЕ

«На диком бреге». Литвинов — Н. Провоторов, Мура Правобережная — Е. Филиппова, шофер Петрович — М. Бушнов, Ладо Капанадзе — И. Швейцер.

Фото С. Жирнова.

Любовь Яровая — А. Чермянинова. Спектакль Ростовского-на-Дону окружного Дома офицеров Советской Армии.

Фото Анатолия Чайко.

Дворец культуры завода «Ростсельмаш». «Город на заре». Зяблик — В. Самойлов, Оксана — О. Островенец.

Фото А. Чеботарева.

Ростов — город театров и театралов, город премьер. Такое сложилось о нем впечатление.

Весна. По законам театральных календарей сезон должен близиться к концу, а в Ростове — и в профессиональных и в народных театрах — оживление царит необыкновенное. В субботние и воскресные вечера администраторы теряют голову, отбиваясь от наседающей публики; ростовчане же — почти все с букетиками фиалок, веселые и добродушные — не признают никаких резонов в своей твердой решимости именно сегодня посмотреть новую постановку!..

Откуда же начнем знакомиться с театральным Ростовом? Конечно, с Театра драмы имени Горького! Тогда пройдем из конца в конец всю долгую улицу Энгельса, широкую и нарядную, залитую огнями реклам; издалека будет виден новый Театр драмы, величественный и в то же время подчеркнуто современный по архитектуре. Он сделает честь любой столице, да и в Москве таких театров — раз, два и обчелся.

Этому дивишься до начала спектакля, входя в просторное, великолепно оборудованное здание. Впрочем, гораздо важнее, что об этом же думаешь, посмотрев новый спектакль, обогатившись всем увиденным и надолго запомнив работы талантливой актерской труппы.

Пьесу, написанную С. А. Радзинским по роману Бориса Полевого «На диком бреге», режиссер Э. Бейбутов прочитал празднично, светло. Можно, наверное, даже было бы поспорить с постановщиком — а еще больше с художником Н. Фатовым,— достаточно ли похожа сценическая обстановка на ту, о которой рассказывает в своем романе Б. Полевой. Что общего, например, в этих намеренно высветленных декорациях с дремучей таежной глухоманью, где действуют строители новой Сибири, где бушует могучая, неукрощенная река Онь?..

Но давайте подождем спорить, присмотримся. По ослепительно белому шелку занавеса художник кое-где намечает резким и острым штрихом коричневатые контуры длинных сосен, уходящих так далеко ввысь, что макушек и не видно. Когда этот сияющий белизной занавес медленно раздвигается, за ним, чуть поодаль, оказывается второй, точно такой же. И почему-то начинаешь догадываться, что хотел сказать художник, — ощущаешь широту и свет, льющийся точно с неба.

Юноша и девушка, выбежав на авансцену, всматриваются куда-то в глубь зрительного зала:

— Ну и Онь! Ну и река!..

Это первые новоселы. А потом строители появляются по двое, по трое; идут целыми ватагами, шумными компаниями, а то, глядишь, и в одиночку пройдет иной новосел, отягощенный излишне взятыми вещичками; кто с гитарой, кто с нерасстанным баяном, кто с песней, кто с шумным разговором, кто молча... Идут, идут, идут мимо вас люди Оньстроя на фоне радостной белизны, ликующего, царящего на сцене света. И, поняв теперь до конца замысел художника, проникнувшись настроением и обрадовавшись ему, зрительный зал начинает неудержимо аплодировать.

Постановщик позволяет актерам щедро и броско лепить то главное, что составляет основу характера героев, что привлекло читателей в книге Б. Полевого.

Теперь герои и на сцене заставляют вас полюбить себя; директор Оньстроя Литвинов, в исполнении артиста Н. Провоторова,— с седой головой и молодым, загорелым лицом; парторг стройки Ладо Капанадзе, увлеченно показанный И. Швейцером; медлительный и неспешный Дюжев — А. Мальченко; веселый, умный инженер Сакко Надточиев; играющий его артист А. Воронин рождает у зрителей живое сочувствие к своему герою, потерявшему покой от любви к чужой жене.

Великолепная актриса Н. Подовалова и А. Филиппов в ролях супругов Петиных ничем, казалось бы, не подчеркивают историю своего семейного разрыва, не выводят на первый план личную беду людей, которые только теперь, на Оньстрое, присмотревшись друг к другу, поняли, что они чужие. Их конфликт не частный, не узкий. Сама жизнь заставляет здесь людей сдружиться, сблизиться, а Петин не только собственной жене, но всем вокруг него чужой. Самовлюбленный карьерист, он становится тем «человеком с маленькой буквы», которого коллектив стройки в конце концов выбрасывает вон, как чужеродное тело.

Все это сегодняшние дни, сегодняшние люди, их сегодняшние дела. И когда Дина Васильевна Петина, уйдя от мужа, становится просто врачом Захаровой, видишь, что стройка шла и в душе человека. И как раз эти внутренние процессы, глубоко осмысленные артистами, стали главными для рассказа о стройке. Каждый участник постановки вложил в эту — свою — «стройку» тот драгоценный душевный материал, который сцементировал спектакль, делая его таким динамичным и цельным.

Совсем иной мир встречает тебя на спектакле «Чудеса в гостиной». Иное настроение. Иные люди. Но так и быть должно. Джон Говард Лоусон пусть сдержанно, но достаточно определенно обвиняет тех людей Америки, которые не в силах противостоять пентагоновской пропаганде, становятся ее черным орудием. Режиссер В. Молчанов и художник И. Осипов шаг за шагом разоблачают мнимую идиллию семьи Мертонов, показывая мертвящую сущность бесчеловечности и эгоизма. В интересном исполнении Г. Гуровского Мэтью Мертон — настоящий злой дух не только своей семьи, но еще и общества. И в то же время чем-то он заставляет пожалеть своего героя, как жалеют ослепленного человека, бредущего к пропасти.

...Конечно, по мастерству равнять профессиональные театры ростовчан с народными театрами невозможно. Но по силе проникновения в образ, по мысли привлекают треневская «Любовь Яровая» в Доме офицеров и «Город на заре» А. Арбузова во Дворце культуры завода «Ростсельмаш».

Спектакли эти, правда, далеко не равноценны. В любительской постановке армейцев, осуществленной режиссером А. Копенкиным, видишь, пожалуй, только Любовь Яровую, одухотворенную воительницу за дело революции,— такой показывает свою героиню служащая Советской Армии Антонина Федоровна Чермянинова,— а остальным исполнителям еще далеко до ее глубокой веры и душевного огня.

Гораздо более сильными предстали ростсельмашевцы со своим «Городом на заре». Если бы не старомодная бутафория, тяжеловесные декорации, выполненные в излишне «добротной» манере (они не оставляют места для зрительского домысла), то спектакль смотрелся бы еще лучше. А сейчас героям, например, мешают двигаться здоровенные валенки; больную Наташу Доброву поверх одеяла старательно укрывают ог-

ПРЕМЬЕРЫ

«Великий Волшебник» в Ростовской музкомедии. Юра, превращенный в негритенка,— М. Поляченко, Мила — Л. Мишина, Боря — Е. Комарова.

Фото С. Жирнова.

«Чио-Чио-Сан». Народный театр оперы в Таганроге. В заглавной роли Лариса Сидоренко.

В театре кукол премьера — «Ганс-простофиля».

ромным тулупом, и сочувственно думаешь: каково-то лежать там Инне Кулябиной, заводскому контролеру, искренне и сердечно представившей зрителям свою героиню?

Приятны и Наташины подружки: застенчивая, хрупкая Оксана, сыгранная Ольгой Островенец, и добродушная, приветливая, доверчивая Леля Корнева, которую показывает слесарь Эмма Лимаенко.

А есть в этом спектакле и отличное исполнение ролей. Всеобщими любимцами зрительного зала становятся смешной рыжий мечтатель из Саранска — Зяблик, исполненный инженером-технологом В. Самойловым, и колхозник Иван Жмельков — его играет рабочий А. Пономарев.

Сам Пономарев тоже лишь недавно приехал из деревни, но не поэтому, конечно, он входит в роль своего внимательного к людям и к делу работяги Жмелькова так свободно и находчиво, с юмором и теплотой. У Пономарева несомненные актерские способности, благодаря чему его герой, незаметный в иных постановках, здесь оказывается одним из ведущих.

Постановщик «Города на заре» Я. Родос по-своему прочитал не стареющую с годами пьесу, где главной темой предстала суровая и нелицеприятная критика культа личности. Точнее, критика той обстановки, которая рождала еще и маленькие «культики», таких людей, как Лев Аграновский, секретарь комитета комсомола, яростный карьерист в исполнении В. Жигунова... Он становится той недоброй силой, против которой ополчаются и герои спектакля и активно присоединяющийся к ним зрительный зал.

Еще один интересный самодеятельный спектакль я видела в Таганроге, но о нем скажу в конце.

А сейчас несколько слов о детских премьерах в трех театрах: только что открывшемся ТЮЗе, кукольном и музыкальной комедии.

Героями «Чапаенка», поставленного в ТЮЗе режиссером Я. Габ, становятся сам Чапаев — вполне отвечающий у артиста А. Фомина представлениям ребят о легендарном герое гражданской войны — и храбрая девочка Лида, которую чудесно играет актриса Н. Солдатова.

Сущий бесенок эта Лида — задиристая и стремительная худенькая оборвашка. Она душа и сердце спектакля, его живой нерв. Дети смотрят на нее зачарованно; когда Лида-Солдатова на сцене, в зале слышно, как муха пролетит! Когда Лиды нет, ритм и темп действия сразу спадают. И это мгновенно отзывается на поведении и настроении зрительного зала, досадно предоставленного взрослыми самому себе. Скажем кстати, вряд ли это правильно! Рождение ТЮЗа—праздник для города и уж, во всяком случае, для всех его школ. А сдается, что они еще не умеют ценить полученное ими богатство и получать от него моральные проценты. Самотеком же это не придет.

Совсем другое дело в Ростовском кукольном театре! Здесь, помимо хороших спектаклей, что само собою разумеется, радует праздничное настроение в фойе и в зрительном зале. Перед началом спектакля администратор выбирает из числа зрителей двух-трех добровольцев, и они назначаются дежурными. Когда я пришла смотреть «Ганса-простофилю», возле сцены в красных галстуках стояли пионерки Люся Клименко и Лена Филипченко из 5-го и 6-го классов 34-й школы. Перед началом премьеры здесь, конечно, тоже царило возбужденное настроение: в театре так и гудели детские голоса. А потом наступила тишина, в которой и вели свой рассказ славные, полные юмора крохотные герои-куклы.

И уж самым настоящим праздником стала смешная и веселая детская оперетта «Великий Волшебник» по сказке В. Губарева. Это премьера Ростовского театра музыкальной комедии.

Ребятишек, ставших героями спектакля, с их бесконечными забавными приключениями играют те же самые взрослые опереточные актрисы, которых вечером вы можете увидеть опять-таки в новых спектаклях: «Гость из Вены» и «Заочное свидание». Они как нельзя лучше справляются с задачей, выдвинутой перед ними постановщиком И. Берляндом: поговорить с детьми-зрителями о труде, как источнике радости.

Хвала умелым рукам звучит в спектакле заразительно весело. А ярко изданную песенку об умелых руках артисты к тому же еще дарят юным зрителям в конце спектакля: на память. Это уж совсем здорово придумано.

А теперь о поездке в Таганрог. В народном оперном театре Таганрогского комбайнового завода я познакомилась на спектакле «Чио-Чио-Сан» с исполнительницей заглавной роли Ларисой Сидоренко.

В обычной жизни это скромный техник-лаборант. А на сцене—властительница дум не только строителей комбайнов, но, можно смело сказать, и всего Таганрога.

С завидной легкостью преображается она в Татьяну Ларину либо Маргариту в «Фаусте», царскую невесту или Микаэлу в «Кармен»...

Но пока я не увидела Ларису-Баттерфляй в спектакле, поставленном В. Кодывенко, то, сказать по правде, неумолчные и вроде как бы неумеренные похвалы, которыми сопровождалось всякое упоминание о ней, даже стали казаться мне преувеличенными, рождая чувство недоверия.

Но вот Чио-Чио-Сан появилась на сцене. И уже не можешь глаз отвести от грациозной, изящной девушки, преисполненной любви и наивной веры в счастье. Эта жажда счастья так велика, так трогательно понятна и так человечна, что словно и не требует от исполнительницы ничего другого, кроме предельной искренности. А этим качеством дышит все актерское существо Ларисы Сидоренко, составляя его главную сущность, главное обаяние.

Сентиментальная история легковерной Баттерфляй неожиданно обретает в новой интересной постановке Таганрогского Дворца культуры первозданную правду чувства. И такую силу мысли, что только диву даешься. Лариса Сидоренко легко, как шелуху, снимает с известной всем истории японской девушки, обманутой американским моряком, все заскорузлые наслоения многолетнего штампа, наигрыша, внешней жестикуляции... Без всякого усилия звучит сопрано — чистейшее и такое ясное, легкое, словно Чио-Чио-Сан-Сидоренко не поет, а разговаривает с вами.

И столь же ясно, остро, глубоко современно звучит мысль человека, простодушно удивляющегося холодной, бездумной жестокости, с какою была попрана любовь, растоптано доверие. Мелодрама обретает черты протеста, а восприятие в зале — силу гнева и сочувствия.

Нет, видно, не миновать Ларисе Сидоренко профессиональной сцены. Такое исключительное дарование, как у нее, должно стать нашей общей заботой. Оно — для всех.

Леонид ВОРОБЬЕВ

Рассказ

Рисунки С. БРОДСКОГО.

В конце марта у Мишки Копылова начинается бессонница.

Днем он работает, как обычно в это время, через пень-колоду, вперевалку, оставляя без внимания насмешки и замечания работающих вместе с ним. Угрюмо зевает, кажется, ждет не дождется ночи.

А ночью ему не спится. Он ерзает и ворочается на постели, не отвечая на сонные призывы жены угомониться. Потом не выдерживает, встает, накидывает на майку полушубок и валенки на босу ногу. Выходит на крыльцо — покурить.

Крыльцо у его избы без перил и без крыши: просто срублена и приставлена лестница с широкими ступенями. Мишка приваливается плечом к косяку, курит и смотрит на осевший от капели и солнца сугроб возле крыльца, вдыхает запах подтаявшего снега, всегда тревожащий предчувствием чего-то, что должно произойти, предчувствием перемен.

В глухоте этой теплой ночи, которая нависла над Ушаковом, над районом, а может, и над всей землей,— ни скрипа, ни огонька. Все в Ушакове спят, небо заволочено тучами, и только где-нибудь иногда, если долго стоять, пройдет и угаснет случайный и чаще всего непонятный звук.

Но все-таки вокруг не безмолвие. Вот упала капля: «Пуль». Живут шорохи. То ли садится снег, то ли комки падают с еловых и сосновых лап. Похоже, что живет что-то большое, и вздыхает пока потихоньку, и шевелится чуть-чуть, вздрагивает.

Мишка стоит до тех пор, пока сырость не подбирается к телу, затем, вздохнув, уходит в дом.

А в одну из таких ночей вдруг замирает все, потом тишину рвет глухой треск, а за ним пойдет гул, шипение, неясное скрежетанье. Сразу, неизвестно откуда, прибегает ветер, сначала теплый, потом холодный. Напахнет и мокрой елкой, и прелой соломой, и свежестью открытой воды. Это уже апрель, это на реке ломает лед.

Тогда-то Мишка решительно кидает папиросу, идет к себе на постель и спит остаток ночи беспробудно, без снов.

На следующий день он не выходит на работу, собирает вещевой мешок, натягивает сапоги, ватник и под вечер, крадучись, в сумерках, словно боясь встречи с кем-то, отправляется из Ушакова.

Ночует он в гостинице приречного городка. Утром не сразу идет в сплавную контору, сначала прогуливается вдоль реки, смотрит, где стоят соймы, где что делается, ищет старых знакомых.

У реки и на реке все кипит. Снуют буксиры, катера, катерки, лодчонки. Звенят тросы, трещат сходни, гомонят десятки голосов. И всюду — лес: на барже тес, на другой брус, на воде соймы, на берегу штабеля. Куда ни глянешь — все бревна, сплоченные и заштабелеванные, все доски, все обрезки. Меньше видно земли и воды, чем дерева.

Мишку узнают. Он здесь свой. У него прозвище, неизвестно почему родившееся,— «Мыло». Он не сердится, когда кричат:

— Ого! Мыло на подхвате.

— Мыло, давай к нам!

— Ми-и-шу-ха! Пойдем с нами до Горькова-а.

Наконец Мишка находит, что нужно: ту бригаду, куда он хочет. Курят, говорят о расценках, о выработке, о спецовке. Затем идут с десятником в контору. Мишка оформляется и получает спецовку.

В спецовке его не узнать. Маленький, но плотный, он хрустко шагает по гальке и дощатым тротуарам вместе со своей бригадой. Справляют в столовой начало сплава.

Городок малюсенький, давным-давно заброшенный в самые лесные дебри. Столовая в нем одна, и в это время она заполнена сплавщиками. Редкие командированные подозрительно косятся на говорливую, шумливую братию в фуфайках с наплечниками из кожзаменителя, в зеленых штанах и резиновых ботфортах, стремятся побыстрее дожевать свою котлетку и уйти. А сплавщики садятся по пятеро, по шестеро за столы, где положено сидеть четверым. Некоторые, в том числе и Мишка, неумело, с напряжением тащат подносы со щами и гуляшами.

Вот уже обед кое-как расставлен по столу корявыми, плохо гнущимися пальцами, и кто-то уже обивает сургуч с бутылки под столом, льет там же в стакан «норму», опасливо поглядывая на табличку, где написано слово «распитие» с соответствующими назиданиями, и на милиционера, который хладнокровно обедает за соседним столиком.

После «распития» разговор сначала не клеится. Кто рассказывает о своих домашних делах, кто лезет в отвлеченные темы. Но помаленьку, с одного слова, сказанного невзначай кем-нибудь, беседа возвращается к работе, спецовке, расценкам и прочно задерживается тут. Спорят и доказывают, чем нынешний сезон хуже прошлогоднего, чем лучше, бывалые люди вспоминают давние годы и «как тогда было...».

Назавтра — работа. Мишку и тут не узнать. Не то чтобы он работал очень здорово, на загляденье, но все же он совсем не таков, каким был день назад дома. С багром, что выше его вдвое, он ловко снует у бревен. Ловко обращается и с крючком, где надо, подцепит, подкатит, поддержит. Впрочем, тут не проволынишь, не зазеваешься. От товарищей получишь крепкое словцо, да и бревном может так угодить, что не встанешь.

Теперь их бригада слита с другой, и все они вместе отправляются через два дня сопровождать плоты до бумкомбината.

До большого поворота, до другой сплавной конторы, идут с катерами, набирая еще плоты и пучки по пути. И здесь работы много и трудно. А дальше, когда скомпоновано все и тащит буксир, а катерок подпирает на всякий случай, становится легче.

Проходят своей рекой, где знакомы все изгибы, все деревни на берегах. Особое оживление перед закатом, когда солнце сбоку и чуть сзади, когда позади вода темна и кусты ивняка черны и голы, а впереди, под солнцем, ивняк весь в желтизне, в пыльце, в барашках, вода тепла и ласкова, а приближающийся городок на взгорье белеет, и зеленеет, и нестерпимо сияет окнами в закатном свете.

Тут встают, на лодке съезжают на берег, заполняют говором и шагами тихие улицы, ужинают, выпивают, покупают съестное и промтоварное, любопытные знакомятся с городом.

Мишка тогда по-настоящему счастлив. Он в самой большой группе, никогда не предлагает, не заводит, но и от других не отстает. Посмотрели бы жена и однодеревенцы на него — не признали бы, подумали, что похож, да не тот.

Выплывают в самую Волгу. Терпят и ненастье и невеликий шторм. Обязательно случается что-нибудь: потеряют хлеб на сутки, кто-

ПО ДРЕВНИ

нибудь отстанет, один из плотов начнет разносить, угораздит кого-нибудь чуть не утонуть.

А какие города по берегам! Какие знакомые и близкие имена у них! И кажется, будто никто никогда тебе того имени не говорил, а родился ты с ним и живешь. Так и жили в тебе те имена, глубоко в душе, а теперь увидел города наяву и познакомился.

На базарах удивляются Мишка и другие. Тут огурец, там помидор. А дома, поди, не отсеялись... И кто-то вздохнет:

— До чего ж у нас она... ба-альшущая.

Счастлив Мишка и на пикете, когда окончен плотовой сплав и начинается молевой, по бревну.

Пикет может попасться удачливый: работы не так много, а заработки выходят настоящие.

Всего бывает: заторы, работа до одурения, дождь, жара, холод. Бревна да крючок, багор да бревна. Но бывает и безделье: уха у костра, приказ старшего:

— Побегай, Михаил.

Мишка бежит с «авоськой» в село, в магазин за водкой, вернее, потому что поздно, на дом к продавцу. Выпрашивает у зевающего продавца, который ломается и твердит: «Держать на дому не положено».

Мишка не так охоч до водки. Некоторые на сплаве все пьют, оправдываясь: «Лес — дело темное, сплав — дело пьяное». А Мишка приберегает деньги, зашивает бóльшую часть получки в потайной карман. Но в компании выпить неплохо, тем более пойдут интересные разговоры. И Мишка клянчит:

— Дай, пожалуйста. Я ж понимаю: не положено. Да вот с приятелями встретились. Нельзя никак, понимаешь?

Продавец видит, что Мишка врет, еще ломается для порядка и дает. Мишка бежит обратно, все слушают, как он перехитрил продавца, а после ухи начинают вразнобой говорить сами.

И чего тут только не услышишь! Народ со всех мест, бывалый. Один — из колхоза, другой — со строительства, третий — кадровый, четвертый был выселен из Москвы и просто так по свету шатается.

Говорят о политике, о космосе, о бомбе, о житье в разных местах, о физической силе, о женщинах, о начальстве, о книгах, даже о лошадях и цыганских свадьбах.

Мишка слушает, костер трещит, луна плывет над лесом, а на реке стукаются друг о друга и о боны бревна.

Всего перевидит за весну и лето Мишка. Вставать часто приходится рано, когда река вся мохната от стелющегося по воде, мелкими прядками завивающегося тумана, ложиться поздно, после того как лес упрячет в себя солнце и начнут вовсю перескрипываться коростели. Но иногда удается проваляться на солнцепеке и весь день.

Приходится ездить на катерах, перебегать по качающимся, податливым бревнам, лазать по пояс в воде, спорить в конторе в день получки, стирать и ушивать, варить, мыть, бегать за водкой и продуктами.

За лето Мишка краснеет: загар у него красный,— худеет, выгорает. Даже глаза вроде бы выгорают, становятся прозрачней. А волосы совсем как лен.

Лицо, шея и руки у него погрубели от воды, от солнца, от комарья. И голос несколько изменился, стал хрипловатым и более грубым. Пропала развалистость в походке, ленивость в движениях. Словом, не отличишь Мишку от его товарищей.

Но лето к концу. Сплав продолжается, однако как-то свертывается. Нет прежнего напряжения, торопливости. Скоро последняя зачистка, скоро завершение.

Одновременно с тем, как уходит лето, как начинают сверкать желтые и красные отметины в сплошной зелени заречного лиственно-хвойного массива, Мишка понемногу охладевает к сплаву. Как-то надоедает ему все это.

Однажды ночью, когда все сплавщики ночуют в своем общежитии, в поселке, ему вдруг является сон, а во сне деревня и жена.

Он просыпается, вспоминает, что ни разу не написал семье за весну и лето, сердится на себя и соображает, сколько еще дней до конца.

А утром, забравшись за штабель, подальше от глаз, пересчитывает деньги в потайном кармане, вздыхает и прибавляет к ним еще несколько рублей из тех, что отложил себе на питание. Машет рукой.

— Проживу...

Возвращается в Ушаково Мишка осенью, когда высветлены, опрозрачены дали, звук льноколотки отдается в проникновенно тихом воздухе невесть на сколько километров, а теплый еще ветерок доносит растекающийся над землей смрадноватый запах сжигаемой на огородах полусухой ботвы.

Мишка стоит около дома, смотрит, как падают с большой березы у окон последние листья, как из трубы бани поднимается и мреет уже не дым, а горячий воздух, и радуется дому, березе, стуку льноколотки, истопленной ко времени бане.

Семья встречает его хорошо. Рада жена, ребята, теща. Мишка выкладывает пачку денег, подарки, потом моется в бане, сидит за столом, окруженный домочадцами, рассказывает, где бывал, что видал, хвастается и немного привирает.

Дома, как всегда осенью, много неприделанной работы. Жена и теща по горло заняты в колхозе, ребята ходят в школу. Мишка засучивает рукава и принимается за дело.

Вот он навозил, напилил, наколол дров. Выкопал картошку, убрал овощи, перепахал усадьбу. Починил крышу. Привез сено. Обмазал рамы. Сменил половицу в сенях. Набил матрац свежей соломой...

Сначала у него все делается ходко, как бы по памяти только что оставленного сплава, как бы по инерции. Затем он стучит топором все ленивее, все чаще покуривает у изгороди с соседом — полуглухим, полуслепым, но до крайности говорливым дедом.

К этому времени Мишкину жену и тещу начинают донимать односельчане. Колхозники Мишку не любят, хотя про домашних его плохого слова сказать не могут: те работают на совесть. Поэтому говорят не прямо, не требуют, чтобы Мишка включился в общее дело, а намекают, подшучивают, подхихикивают.

Пока к этому не подстает бригадир, Мишкина жена отмахивается и огрызается. Она, как и теща, еще под впечатлением Мишкиного прихода и его первоначальной работы по дому.

А потом, наглядевшись, как он сидит у окошка, покуривая, позевывая, почитывая что-то в газетном обрывке, она однажды не выдерживает и начинает «пилить» его.

Несколько дней Мишка терпеливо сносит «пиление», но когда в разговор вступает теща, он раздраженно плюет, ругается и идет на наряд.

Все уже давно уверены и знают, что работать он будет так себе. Поэтому назначают его на те работы, которые обычно закреплены за стариками, а иногда и за женщинами.

И он действительно не «расшибается» на работе. Все стремится отлынить, увильнуть, когда и прогулять. Поэтому он постоянный предмет насмешек работающих с ним и не с ним. Он, видимо, привык к этому и только иногда отругнется.

Дома он тоже не очень-то стремится заниматься делами по хозяйству. Пошлет жена накидать сена корове — пойдет, не пошлет — он и не подумает тронуться с места. И так во всем.

А лучше поставит Мишка самоварчик, посидит на корточках у светящегося в полутьме комнаты желтыми угольями подтопка, покурит в него. Любит поспать. Любит сходить в гости, попить пивка, только лучше к пожилой родне, где меньше вероятности, что его будут поддевать и разыгрывать.

Теперь Мишка подобрел. Загар сошел с него, лицо белеет, круглеет. Походочка у него теперь плавная, неторопливая.

Частенько Мишка сидит на лавке у окна под поставленной на маленькую полочку коробкой репродуктора-динамика. Односельчане идут мимо его дома, хрустят валенками по дороге, до блеска затертой полозьями тракторных саней, видят за переплетами слепеньких рам Мишкину голову, шею и плечо и говорят друг другу:

— Ишь, лох какой! Бока-то наел.

И так идет все до следующего марта, до первой ночной капели.

М ЗАВЕТАМ

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

Чудаки эти пенсильванцы!

Из путевого блокнота

Любовь к своему городу, гордость за свой штат — неотъемлемые качества стопроцентного американца. Но это еще не все. Локальный патриотизм включает в себя также умение считать жителей соседнего штата по меньшей мере чудаками. У техасцев, например, существует правило: никогда не спрашивай незнакомца, откуда он, ибо если он из Техаса, он с гордостью скажет об этом сам, если же нет — не следует ставить его в неудобное положение неделикатными вопросами. Однажды в Северной Дакоте я услышал такое замечание: «Если бы Северной Дакоте понадобилось голосовать против чумы, то Южная Дакота немедленно бы высказалась «за».

Образец мужественной защиты чести и славы родного штата явил однажды некий член конгресса от штата Арканзас. Название этого штата пишется Arkansas, а читается Аркэнсо. Как-то в разгаре парламентской полемики конгрессмен от соседнего штата Теннесси нечаянно произнес название Arkansas так, как оно пишется. Не успел он сесть на место, как представитель Арканзаса обратился к спикеру палаты со следующей яркой речью:

— Мистер спикер, вы синепузая ящерица! Уже полчаса я пытаюсь привлечь ваше внимание, и каждый раз, когда я ловлю ваш взгляд, вы извиваетесь, скрючиваетесь и корчитесь, как собака, которую кусают блохи, черт вас побери! Господа! Вы можете осквернить могилу Вашингтона, сорвать звездное знамя Соединенных Штатов, проклясть богиню Свободы, и все это будет ничем в сравнении с попыткой изменить название моего штата! Нет, черт возьми! Вы можете сравнивать ландыш с помойным ведром, мерзкое кваканье жабы с пением соловья, звуки музыки Моцарта с воплями осла, но вы не смеете, да-да, не смеете, искажать славного имени Аркэнсо!..

Каждый штат чем-нибудь да гордится. Если в Техасе все «самое большое», то в Пенсильвании все «самое первое». Не без основания пенсильванцы называют свой штат колыбелью нации, а самих себя — ее первыми защитниками. Полк пенсильванских мастеровых и фермеров первым встал под знамя главнокомандующего революционной армией Джорджа Вашингтона. Восемьдесят шесть лет спустя конно-артиллерийская батарея, сформированная из пенсильванских шахтеров, первой рапортовала о своем прибытии президенту Линкольну, объявившему набор добровольцев в армию северян. В Пенсильвании была первая столица Соединенных Штатов. Здесь были подписаны Декларация независимости и конституция США, выпущена первая в стране ежедневная газета. В Пенсильвании взяла свое начало индустриальная мощь страны. Здесь была впервые найдена нефть, создан первый металлургический завод, установлен первый в мире генератор трехфазного тока и построена первая в США атомная электростанция.

* * *

Если въезжать в Пенсильванию с севера, из штата Нью-Йорк, то ничего и не заметишь, что отличало бы два штата друг от друга. И тем не менее парень на автозаправочной станции, расположенной на нью-йоркском берегу многоводной Саскуиханны, кивнув в сторону противоположного берега, сказал:

— Хлебнете там горя, мистер! Они ведь чудаки, эти пенсильванцы. У них в воскресенье кружку пива не выпросишь.

В воскресенье я был в городе Санбури, на территории штата Пенсильвания. Действительно, все бары, пивнушки и винные магазины были закрыты. В кафе подавали только кока-колу и кофе. До четырех часов дня в городе закрыты все кинотеатры: чтобы не конкурировать с церковью.

Поставив машину у тротуара, я бродил по улицам. Было десять часов утра. Малиновым звоном звонили колокола. Весенний воздух был приправлен запахом свежего автомобильного бензина и церковных свечек. Еще мне казалось, что в воздухе пахнет виски. Я приписывал это загадочное явление собственной усталости.

Дело в том, что я провел нелегкую ночь. Я ночевал в отеле «Томас Эдисон», где в 1883 году этот великий механик установил первый в мире генератор трехфазного тока (прибавив, таким образом, лишнюю крупицу славы и к без того славной истории Пенсильвании). На стене моей комнаты висела литография: первое иллюминированное здание в Санбури и ликующая толпа внизу. Но если бы Томасу Альва Эдисону сегодня пришлось провести ночь в отеле своего имени, он бы, наверное, пожалел о том, что научил пенсильванцев пользоваться электрической энергией.

В моей комнате стоял телевизор. Он оживал только тогда, когда я опускал в щелочку четвертак. Повеселив меня ровно час, голубой экран потухал, требуя следующей монеты. За деньги он был согласен развлекать меня в те часы, когда шло богослужение в церквах и были закрыты кинотеатры.

Какой-то ящичек со щелкой для монет был прикреплен к спинке моей кровати. Я опустил в щелку требуемый четвертак, и матрац подо мной задвигался, заерзал, задрожал. Эти конвульсии продолжались ровно пятнадцать минут и назывались, судя по рекламе, приклеенной к ящичку, «успокаивающим массажем перед сном».

Я видел уже второй сон, когда матрац неожиданно снова пришел в движение, хотя я и не думал поощрять его новыми четвертаками. Он недовольно гудел, скрежетал и тряс меня так, что у меня лязгали зубы. Потом в матраце что-то хрустнуло, и он успокоился. Но не прошло и часу, как он со злобным воем принялся за меня снова. В отчаянии я сунул в щелку оставшийся у меня четвертак. Матрац чавкнул, удовлетворенно звякнул пружинами и укротился.

Спать я больше не мог. Через окно в комнату лился такой ослепительный свет, что казалось, будто кто-то направил на меня луч прожектора. Это сиял огромный крест на церкви, стоящей напротив отеля. Наверное, около сотни мощных лампочек пылало на кресте. По-видимому, церковникам не приходило в голову, что светящийся крест славил не кого иного, как изобретателя электрической лампочки Томаса Эдисона, земного и грешного человека, безбожника, откровенно говорившего, что он не верит в потусторонний мир.

В шесть часов утра я спустился вниз и пожаловался старичку портье на мятежный матрац и на электрический крест. Старичок был настроен решительно.

— Знаете, как нужно поступать с техникой, которая выходит из-под контроля? — спросил он меня. И, не дожидаясь, пока я открою рот, ответил сам: — Кулаком ее по мозгам. Вот таким путем!

Он так грохнул кулаком по прилавку, за которым сидел, что сам собой включился стоявший там маленький радиоприемник.

Приемник заорал:

— О, как хочу я взять тебя за ру-у-у-ку!

— Изобретают! Автоматизируют! — старался перекричать приемник старик.— А человека предали! Распяли, говорю, ум человеческий на кресте... На электрическом матраце, говорю...

Приемник вдруг замолчал, как будто испугался старика.

— Послушайте, что это происходит с моим мужем? — после паузы спросил приемник вкрадчивым женским голосом.— Мой муж очень работящий человек, честный, непьющий, но вот уже год, как он не может найти работы. Что изменилось в нем?

— Дорогая леди! — Теперь приемник говорил мужским голосом.— Ваш муж не изменился. Изменилась жизнь. Беда Пенсильвании в том, что бизнесмены видят выгоду лишь в автоматизации производства, а не в строительстве новых предприятий. Бизнесменам невыгодно строить новые предприятия, потому что республиканское крыло штатной законодательной палаты провалило законопроект о...

Старик что-то проворчал и повернул ручку настройки.

— Лю-блю-ю-ю тебя! — радостно заорал приемник.

* * *

В час, когда граждане города Санбури предавались воскресным молитвам, я подошел к своей автомашине, стоящей у тротуара, и ах-

Н. Сулоев. КУЗНИЦА МОТОРНОГО ЦЕХА.

Выставка произведений ярославских художников.

П. Рыбин.

МОЛОДОЕ ПОПОЛНЕНИЕ.

А. Мазитов. МАЙ.

Выставка произведений ярославских художников.

А. Мазитов. ВОЛЖСКОЕ УТРО

Б. Порхунов. НА НОВЫЕ СТРОЙКИ.

Московский художественный институт имени В. И. Сурикова.

Ж. Мороз.

АГРОНОМ.

Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

А. Басанец. К НОВОЙ ЖИЗНИ.

О. Титова.

НОВАЯ УЛИЦА.

Киевский художественный институт.

нул от удивления и негодования. На полированном боку нового «форда» от мотора до багажника зияла свежая царапина. Я присел на корточки и осторожно погладил царапину рукой.

— Довольно безобразная картина,— посочувствовал какой-то проходивший мимо парень,— долларов на семьдесят пять царапинка, как вы думаете, мистер?

— Милый! — раздался женский голос из белого «кадиллака», стоявшего рядом.— Милый, это твоя машина?

Я подошел к «кадиллаку» и заглянул внутрь. Молоденькая блондинка улыбалась навстречу ярко накрашенными губами. Потом она сложила губы дудочкой и подула в мою сторону. По-видимому, она пыталась засвистеть, но у нее ничего не вышло.

— Милый, а ты умеешь свистеть? — лукаво спросила она.

Только теперь я заметил, что блондинка еле ворочает языком. Она была пьяна, как говорится, в стельку.

— В воскресенье?! — укоризненно покачал я головой.

— Почему? В будни тоже!— обиделась блондинка и снова сложила губы трубочкой.

Я направился к своему поцарапанному «форду».

— Милый! — послышалось мне вслед из «кадиллака».— Это я задела твою машину. Дьявол его знает, как это получилось... Мой муж в церкви. Давай подождем его и прокатимся куда-нибудь выпить...

Я поехал своей дорогой, и еще долго по спине у меня пробегали холодные мурашки. Мне казалось, что за рулем всех встречных машин сидят блондинки, везущие своих богомольных мужей куда-нибудь выпить после церкви. Вот одна из них, казалось мне, складывает свои алые губы дудочкой, и... Мне чудится визг тормозов, удар, скрежет и стон раздираемого металла...

По дорогам Соединенных Штатов бегает сейчас свыше 70 миллионов автомобилей. Говорят, что две трети всех легковых автомашин мира находятся в США. Американские автомобили легки в управлении, сильны и изящны. Автомобиль изменил быт американца, его привычки, внешний вид его городов и поселков. Говорят, что машина изменила даже характер американца, еще более обострив в нем черты индивидуалиста. Загляните внутрь миллионов машин, бегущих по нескончаемым дорогам Америки, и вы увидите, что почти в каждой сидит лишь по одному человеку. В зажиточных жилых районах провинциальных городов исчезают тротуары. Они больше не нужны: никто не ходит пешком. Считается, что ходить не к кому и незачем. В таких городах можно прожить всю жизнь, не зная, кто живет через дом от тебя. Так автомобиль изолировал американца от общения с соседями.

В провинциальных городах автомобиль подчинил себе магазины, закусочные, кинотеатры, почту и телефон. Магазины выносятся за город, и вокруг них разбивается стоянка для сотен автомашин. За городом строятся кинотеатры с гигантским экраном под открытым небом, где фильмы можно смотреть, не выходя из автомашины. За город выносятся школы, колледжи и больницы. Создаются закусочные под открытым небом, где вы можете позавтракать, не выходя из машины. Не выходя из машины, вы можете поговорить по телефону, который удобно для водителя прикреплен к придорожному столбу, и, не выходя из машины, вы можете опустить письмо в почтовый ящик, услужливо протянувшийся к вам с тротуара. Если у вас есть вклады в банке, вы можете подъехать к окошечку кассы и разменять ваш чек, не выходя из автомобиля.

В больших городах американец превратился в раба автомашины. Иногда ему целый час приходится стоять в очереди автомобилей перед каким-нибудь городским туннелем. Подсчитано, что в часы пик автомобилист пересекает Манхэттен (центральная часть Нью-Йорка, примерно 15 кварталов) за 18 минут, а пешеход — за 28 минут. Машину негде ставить. Иногда приходится бросать ее в пяти — десяти кварталах от того места, куда ты ехал. Поставил машину не там — жди штрафа в пять, а то и в пятнадцать долларов.

Ночью автомобили-счастливчики спят в гаражах. Но большинство их братьев мокнет под дождем на улице, иногда далеко от дома, там, где хозяину удалось найти место для «парковки». Утром он будет бегать вокруг квартала, взволнованно поглядывать на часы и лихорадочно вспоминать, где же вчера он «запарковал» своего восьмицилиндрового мучителя. Автомобилям не сладко ночевать на улице. Их угоняют автоворы. Их калечат хулиганы-подростки. Глубокие раны оставляют на их боках проходящие мимо грубияны-грузовики.

Но все это пустяки по сравнению с тем, что происходит на дорогах, где вырвавшийся из городских каменных джунглей американец демонстрирует свое «я».

В первой мировой войне Америка потеряла 126 112 человек убитыми и 234 300 ранеными. В годы второй мировой войны было убито 407 828 и ранено 670 тысяч американцев. В корейской войне погибло 25 604 американских солдата и 103 284 ранено. 559 544 убитых и 1 007 584 раненых — таковы потери Америки в трех последних войнах.

А вот другие цифры. С 1 января 1925 года по 1 января 1955 года 1 081 612 американцев было убито в автомобильных катастрофах и свыше 50 миллионов было ранено или изувечено. Не случайно при выезде с военно-воздушного испытательного полигона в штате Калифорния висит плакат: «А теперь, пилот, начинается самое опасное: ты выезжаешь на автостраду».

За один лишь прошлый год автомобиль убил 42 232 и ранил 2 562 134 гражданина США. За один лишь год в судах США разбиралось свыше 20 миллионов дел, связанных с автомобилем. За один лишь год автомобиль принес гражданам США 8 миллиардов долларов убытка. В дни национальных праздников на дорогах Америки погибает свыше 500 автомобилистов. **Каждые 11 секунд где-то происходит катастрофа. Каждые 14 минут кто-то убит.** Из-за большой скорости или из-за того, что машины густо идут одна за одной в несколько рядов, случаются «эксиденты», в которые бывают вовлечены сразу десять, пятнадцать, а то и двадцать пять автомобилей, как это произошло недавно в Нью-Йорке.

Но скорость не главная причина катастроф. Недавно было подсчитано, что 48 процентов несчастных случаев на дорогах происходит по вине пьяных или страдающих от похмелья автомобилистов. Многие засыпают за рулем, убаюканные многочасовой гонкой по широкой дороге без единого светофора, без единого перекрестка.

Двадцать девять процентов аварий происходит из-за неисправности автомобилей. Однажды в разных местах штата Пенсильвания полицейские патрули одновременно остановили сто автомашин и подвергли их обычному техническому осмотру. Результаты потрясли даже видавших виды дорожных полицейских: из ста автомашин только двадцать три были признаны полностью безопасными для движения. Следует сказать, что семь из каждых десяти пенсильванцев, опрошенных при этой инспекции, не смогли отличить карбюратора от радиатора, что, конечно, противоречит распространенному представлению об американцах как о нации сплошных механиков.

Постоянная комиссия, созданная Американской ассоциацией автомобилистов (ААА), установила, что гибель американцев на автострадах снизилась бы вполовину, если бы фабриканты автомобилей уделяли столько же внимания вопросам надежности и безопасности автомобиля, сколько они уделяют его внешним формам и роскошной внутренней отделке. Но фабриканты не идут на это, ибо потребовались бы дополнительные затраты. В 1956 году об этом был специальный разговор в конгрессе США. Конгрессмен Кеннет Робертс попробовал принудить промышленников «прекратить заливать дороги Америки кровью соотечественников». Робертс ссылался на комиссию ААА, которая установила, что у некоторых марок автомобилей двери, сиденья, крыша, приборная доска, ветровое стекло настолько плохо сконструированы с точки зрения безопасности, что вообще следует удивляться, как это люди умудряются выходить живыми из автомобильных катастроф. Промышленники не спорили с конгрессменом, они его просто игнорировали. «Безопасность — бранное слово в Детройте»,— с грустью говорят сегодня в Америке.

Не в силах воздействовать на сознание автопромышленников, судьи, полицейские и дорожные власти пытаются воздействовать на водителей. Снуют по дорогам автопатрули, прячутся в засаде полицейские-мотоциклисты, засекают автолихачей радарные установки. Один пенсильванский судья приговаривает пойманных нарушителей к дежурству в больницах, где лежат жертвы несчастных случаев на дорогах. Другой судья заставляет провинившихся смотреть по воскресеньям в полицейском участке документальные фильмы об автомобильных крушениях и столкновениях. Зрители выходят из просмотрового зала, пошатываясь от головокружения и тошноты. Третий судья заставляет юных автолихачей целый день ходить по городу с плакатом на груди: «Я безмозглый осел, потому что я езжу со скоростью 90 миль в час».

...Вот на обочине дороги стоит гигантский щит: костлявая старуха-смерть машет косой над стадом автомобилей. И одно лишь слово: «Подумай!» Этот щит поставлен теми, кому поручено присматривать за дорогой.

Через несколько сотен метров — другой щит. Это реклама автомобильных фабрикантов. Изящный «плимут» стремительно мчится по пустынной дороге. И слова: «Энергия! Скорость! Сила! Хотите испытать чувство превосходства над другими?»

Действительно, они чудаки, эти пенсильванцы!

* * *

Включив в машине радио, я услышал, что забастовали угольщики Пенсильвании. Шахтерские районы лежали в стороне от моего маршрута, утвержденного государственным департаментом США. Однако в одном из городов мне удалось поговорить с хозяином фирмы, поставляющей шахтное оборудование. Он был очень словоохотлив, без удержу хвалил Америку, Пенсильванию и собственную фирму.

— Никогда дела еще не шли так хорошо! — сказал он восторженно и, как я понял, вполне искренне.— Заказы на новую технику поступают непрерывно. Прогресс, дорогой мой! Прогресс продолжает свой путь по Пенсильвании!

— А почему бастуют шахтеры? — спросил я.

— Эти люди всегда чем-нибудь недовольны,— поморщился мой собеседник.— Недовольны они и автоматизацией шахт. Я, конечно, понимаю, что это влечет за собой некоторые увольнения и все такое прочее, но ведь нельзя же в наше время вставать на путь этих — ну, как их? — которые в прошлом веке ломали машины... Вспомнил: луддитов. Вы читали о луддитах? Читали. Я так и думал: вы выглядите образованным человеком. Я, знаете, тоже люблю иногда что-нибудь такое историческое почитать перед сном. Так вот, я говорю, нельзя в наше время... В конфликте человека с машиной всегда победит машина!

Конфликт человека с машиной... Сколько раз в Америке я слышал эти слова! В конфликт в той или иной степени вовлечены здесь буквально все. Одни на стороне машины, другие против нее. Взять хотя бы угольные шахты, где этот конфликт проявляется довольно остро. Там, где десять лет назад работало пятьсот человек, сейчас осталось сто. Каждые восемь из десяти шахтеров вышвырнуты на улицу. Их место занял автомат.

Машина несет хозяевам новые доходы. И одновременно безжалостно рушится жизнь простого рабочего. В шахтерских районах Западной Вирджинии и Кентукки я видел голодных детей. Многие из них не ходят в школу, потому что матерям не во что одеть и обуть их. В прошлом году в Нью-Йорке распространялась листовка — отчаянный крик о помощи, долетевший со склонов Аппалачей: «Шлите все, что можете, от молочного порошка до старых одеял. Не медлите ни одного дня! Наши дети плачут по ночам от голода и холода».

Не случайно шахтерские районы Аппалачей (в том числе и в Пенсильвании) официально объявлены «районами бедственного экономического положения». Бостонская газета «Крисчен сайенс монитор» однажды писала: «Для удовлетворения нынешней потребности в работе только в Восточных Аппалачах необходимо 50 тысяч новых рабочих мест. А где их взять? Их становится все меньше, ибо человека заменяет автомат. В дополнение к существующей проблеме ежегодно более 16 тысяч молодых людей пополняют здесь армию незанятых ра-

бочих рук. Вы можете представить себе, как враждебно эти люди относятся к технике».

Здесь на машину смотрят как на смертельного врага. Современный электронный автомат здесь ненавидят, наверное, острее, чем в прошлом веке английские луддиты ненавидели примитивные станки. Машине мстят за то горе, которое она принесла людям. В Кентукки я видел шахты, взорванные и сожженные современными луддитами в знак протеста против механизации. В Западной Вирджинии взбунтовавшиеся шахтеры сбросили грузовики с шахтным оборудованием в реку и до полусмерти избили механиков, сопровождавших машины с завода до шахты.

Все втянуты в конфликт, в центре которого стоит машина. А ведь машина, в сущности, ни в чем не виновата! Она лишь усугубила вечные противоречия и вечный конфликт в капиталистическом обществе — конфликт между хозяевами и рабочими.

* * *

Рыжебородый мужчина в старинной широкополой шляпе и в домотканой рубахе шагал за плугом, в который были запряжены мулы. Аккуратный фермерский домик с амбаром стоял неподалеку. Под дощатым навесом бородатый кузнец подковывал лошадь. Молодая женщина крутила тяжелое колесо колодца. Она была одета так, как одевались жены первых американских поселенцев: черный чепец, завязанный под подбородком, синяя домотканая блуза с широкими рукавами, синяя юбка до пят, черный фартук, деревянные башмаки. Как будто «в машине времени» я нечаянно попал в прошлый век.

Я вышел из автомобиля и прицелился в пахаря фотоаппаратом. Он истово погрозил мне кнутом и крикнул что-то сердитое. Женщина у колодца закрыла фартуком лицо и отвернулась. Около амбара загремела цепь, и огромный пес, хрипя от злости, встал на дыбы. Кузнец оставил лошадь и, подбоченясь, направился ко мне.

— Убирайтесь отсюда,— сказал он,— здесь частное владение.

— Я журналист и хотел бы поговорить с вами.

— Если вы не уедете сию минуту, мне придется спустить с цепи собаку,— спокойно пообещал кузнец.

...Их называют «пенсильванскими голландцами»; хотя они не имеют к голландцам никакого отношения. Это трудолюбивые фермеры, потомки немецких крестьян, переселившихся в Пенсильванию из Рейнской области в первой половине XVIII века. Занимаются они огородничеством и табаководством. Говорят, что они отличаются бережливостью, вежливостью, но чуждаются посторонних. Они не дают интервью журналистам и не разрешают себя фотографировать. Сами себя они называют «простыми людьми» и являются членами одной из самых удивительных общин Соединенных Штатов Америки.

Эти пенсильванцы, живущие в XX веке, начисто отвергают современную технику. Живущие в век космических полетов, они предпочитают оставаться на уровне XVIII века. Прокляв цивилизацию, которая, по их убеждению, не принесла человечеству ничего, кроме несчастья, они решили отказаться от нее.

Они одеваются так, как одевались их прапрадеды. Они пользуются крючками вместо пуговиц, ибо пуговицы изготовляются машиной. Они учат детей читать, писать и считать, но не больше. Они не признают врачей, не принимают лекарств и верят в колдовство ведьм.

Они не читают книг, за исключением библии; не интересуются тем, что происходит в мире и в их собственной стране; в их домах нет ни радио, ни телевизоров.

Они отвергают электричество, и по вечерам в их домах горят фитили, плавающие в глиняных плошках с маслом. Они никогда не пили воды из водопровода, а только из рек и колодцев. На их полях никогда не было трактора. Плуги, которыми они пашут, изготовлены не на заводах, а в собственных примитивных кузницах.

Они никогда в жизни не ездили на велосипеде или на мотоцикле, на автомобиле или на поезде и вообще никогда в жизни не уезжали от своих ферм дальше чем на тридцать миль. Они никогда в жизни не видели кино и ни разу не разговаривали по телефону.

...Подойдя к «форду», я оглянулся. Кузнец не спеша возвращался к лошади. Пахарь налег на рукоятки плуга. Женщина у колодца мыла в луже свои деревянные башмаки.

С певучим звоном в небе прошел реактивный пассажирский самолет. Из-за холма слышался шум автострады. Странное чувство овладело мной. Я стоял на земле, где взяла свое начало индустриальная мощь Америки. Здесь люди радовались первому в стране нефтяному фонтану. Здесь они выпустили первую ежедневную газету и построили первый в стране металлургический завод.

Первый генератор трехфазного тока...

Первая в Америке атомная электростанция...

Пахарь остановил своих мулов, оторвался от плуга и, разогнув усталую спину, посмотрел вслед самолету.

Апрель. 1964 год.
Нью-Йорк.

Стихи

О. КОЛЫЧЕВ

К 60-летию со дня рождения

* * *

Нес латыш
ребенка-белоруса,
Шел из окруженья
на восток.
Был он ранен...
Плакал мальчик русый...
Он донес,
но кровью весь истек.
Над ребенком
бор склонился темный,
Ветер
на Смоленщине гудит...
Победит
не атомная бомба,
Сердце
человека
победит.

ГЕОРГИНЫ

Начинается осень с травы,
С краснины луговой и овражной
И с упавшей на землю листвы,
Той, что пахнет настойкою
бражной...

Свинцовеет на просеках мгла,
А в саду, над отавой ершистой,
Георгины, как парашютисты,
Огневые гасят купола.

ЗАКАТ

Я с живописью музыку солью.
Закатные лучи лежат на травах
И на боках больших осин
трухлявых,
На ивах, наклонившихся
к ручью.
От черных знаков
на бересте тесно...
Работает с темна и досветла
Почтово-телеграфное агентство
Березового белого ствола.

А рядом — дуб...
Рассчитан, видно, на сто
Крутых годин...
Могуч он и ветвист...
Неповоротливый и коренастый,
На землю рушится дубовый
лист.

Подуло холодом на склоне дня.
Бледнеет небо,
делается глуше,
И вдребезги
закат разбился в луже,
Оставив плавать
черепки огня...

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Непр

Искала я в Волжском на химкомбинате Забияку, о котором наслышалась еще в Москве, а попала к Наумову. Наумов — начальник одного из участков «Нефтезаводмонтажа», у него как будто работает бригада Забияки...

Леонардо да Винчи и гайки

Тесная комнатка набита народом. Над пачкой нарядов — ушанка, сдвинутая набок. Из-под нее лихо выбился русый вихор. Озорно, по-мальчишески светятся глаза. Неужели Наумов?

— Простите, мне надо начальника второго участка.

У глаз, возле губ взметнулись искорками морщинки, лукаво заиграли и тут же погасли.

— Я и есть начальник,— сконфузился Наумов.

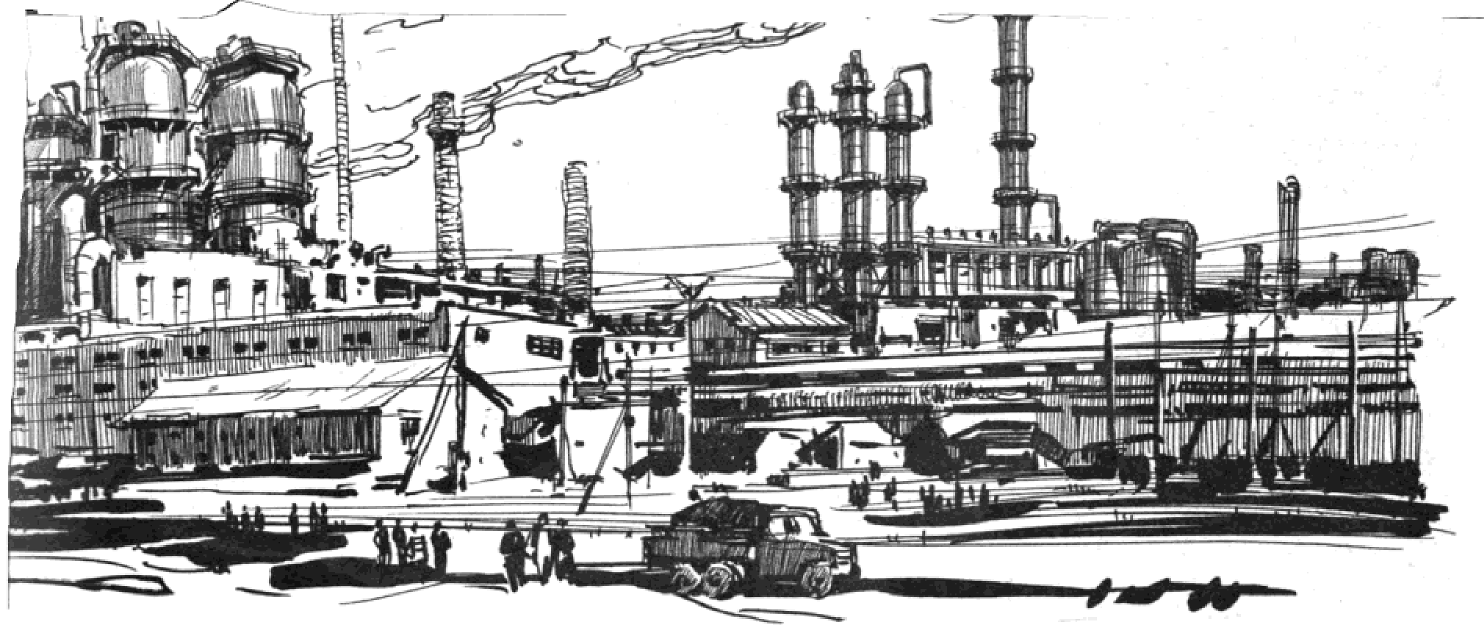
Пришла узнать у него о Забияке, но уже другие вопросы хочется задавать. Давно ли работает? Что кончал?

Ленинградский политехнический. Четыре года назад. И сразу на нефтеперерабатывающий, под Горький, на монтаж. И сразу — мастером.

Заступил новоиспеченный мастер на смену. В подчинении три бригады. Командуй, проверяй. Задача — обвязка труб. А что такое обвязка? Трубы, трубы, трубы... Сверху, внизу, посередине. Поперек и вдоль корпуса. Много их, и все разные. Ими надо «обвязать» насосы, аппараты и все другие установки, какие только положено. Попробуй определи на глазок, какая какого диаметра. И смотри не ошибись, а то рабочие засмеют. Не посмотрят, что у мастера диплом. Не посчитаются, что диплом не по монтажу и даже практики не было монтажной. Как же быть? Не со штангелем же бегать и мерять!.. А было вот так.

На стол положена бумага.

«Прошу перевести в слесари-монтажники, так как роль мастера не могу обеспечить...» — читает Плеханов: тогда он начальником участка был, а теперь управляющий

тянутся, генератор ацетилена называется. Вырабатывает ацетилен — газ, необходимый для сварки и резки металла. С виду она безобидная, пузырится в бочке вода — и все, а самая настоящая пороховая бочка. Достаточно искорки — взорвется.

Однажды такая искорка все же упала на бочку. Шальной степной ветер принес ее откуда-то сверху, где на перекрытиях стыковали фермы. И надо же было той самой беспечной искорке не сгореть на лету, а угодить прямехонько на краник у днища. Прокладка, вероятно, прохудилась, пропускала газ, и ацетилен вспыхнул слабым фитильком. Что тут было!..

Бетонщики, плотники, монтажники побросали свой инструмент и разбежались кто куда. Ни ду-

Зарисовки художника Игоря УШАКОВА.

...идуманные истории

трестом. Читает и удивленно поднимает брови.

— Не могу я, поймите меня. Стыдно, нехорошо получается,— объяснял Наумов.

— Что ж,— согласился Плеханов,— набирайтесь рабочей мудрости. Мудрость — она дочь опыта. Кажется, это еще Леонардо да Винчи сказал?

И стал инженер слесарем.

Делал, что прикажет бригадир. Крутил гайки на болтах. О, это тоже надо уметь! Кто их знает, почему они у него соединялись не так, как надо? Ребята из бригады тихо и терпеливо, не говоря ни слова, перекручивали за него эти простые шестигранные гайки. Никто ни разу не улыбнулся при этом, не съязвил по его адресу. Тактичные были ребята! Сами учились. Кто в школе, кто в техникуме. Наумов все стеснялся их спрашивать. Боялся у людей время отнимать. Синицын Колька сам тащил его к вентилям и насосам, растолковывал...

Прошло несколько месяцев. Нельзя сказать, чтобы за это время Наумов стал заправским слесарем высокого разряда. Постиг он другое — разумение слесарного дела. К его теоретическим знаниям и умению читать чертежи присоединился навык в чтении металла. Тогда он снова стал мастером и мог с полным на то правом вести монтаж.

Сюда, в Волжский, приехал прорабом. А уж потом назначили его начальником участка.

Нежданная купель

— Забияка? — Наумов сдвинул ушанку на затылок.— Да, был. А недавно перебросили на другое место. Постойте, видел с час назад его у Нарыкова.

— Кто такой Нарыков?

— Предпостройкома. Тот самый, который нырял. Слышали, вероятно? Нет? Подробности у Щукина. К 251-й идите.

Иду к 251-й. Под таким номером известна самая высокая на СК так называемая ректификационная колонна. Закинешь голову — платок сползает. Шутка ли, пятьдесят пять метров — восемнадцать этажей.

— Между прочим, подымал и ставил эту колонну сам Забияка,— уважительно подсказал кто-то.— Серьезное дело было. Премию тогда отвалили ему.

Так, шаг за шагом, я узнаю о Забияке каждый раз что-то новое. А он сам будто ускользает от меня, будто нарочно подставляет своих друзей.

Щукин, когда узнал о цели моего прихода, удивился: «Тоже мне сенсация. Так сделал бы каждый!» Тем не менее он показал мне, как говорят специалисты, емкость, в которой искупался Нарыков. Гладкая, серебристая, обтекаемая, она покоилась на ложе из светлого кирпича. Настоящая китиха, вылезшая из Атлантики на пляж. А попросту говоря, цистерна.

По лесенке мы поднялись наверх, к небольшому люку. На дне змеятся тонкие трубы. Все это видно хорошо сейчас, потому что цистерна пуста, а тогда?

Тогда она до самого верха была наполнена холодной, только что накачанной под большим давлением водой. Таким образом испытывалась цистерна на герметичность. Пришли заказчики ее принимать. И вдруг заметили: внизу, на пузе, горбато кривится штуцерок. Повредили его, видимо, при транспортировке. Течи не давал, но заводские потребовали заменить уродца. Что делать? Спускать воду? Для ее отвода придется тянуть к колодцу трубу. Да на это же уйдет много времени! А тут наряд закрывать надо. Да изоляционники наседают. Вот незадача!

Задумался бригадир. Эх, залезть бы туда, заткнуть пробкой отверстие штуцера! Потом срезать его и наварить новый. Высказал свои соображения бригадир и ждет. Кто возьмется?

— Ну что ж, давай попробую. В Кубани купался, с Волгой знаком...

Это сказал Нарыков, кубанский казак. Тогда он сварщиком работал, потом мастером, а недавно выдвинули в постройком...

Разделся, взял шест с наваренным на конце уголком—и в люк, как в прорубь. Подо льдом, однако, светлее, а тут черно, хоть глаз выколи. Густой слой мазута, масла и всякой другой пакости, плавающий сверху, не пропускает ни лучика. Под босыми ступнями скользкие трубы. Левой рукой Нарыков крепко держится за шест, чтоб не упасть, а правой, свободной, шарит, согнувшись, в торце, ищет дыру. Вот она. Всплыл за пробкой, специально выструганной на конус из дерева, глотнул, как рыба, воздуха — и снова вниз. Заколотил ключом пробку.

Вылез, ребята не узнали. Черен, как трубочист. Давай оттирать его поскорее. Оделся, сел на солнышко. Оно нежаркое, весеннее. День ветреный, но все же показалось ему здесь очень тепло после холодной купели.

Пока сидел и грелся, ребята быстренько разделывались со штуцером: срезали старый, наваривали новый. Когда все было готово, полез Нарыков в цистерну второй раз, извлек пробку. Одеваясь, посмотрел на часы. Минут тридцать—сорок прошло в общей сложности. Пустяки!

— Что тут особенного? — повел плечами Щукин.— Рисковал в худшем случае воспалением легких. Да ушибом. Не он бы полез, так кто другой бы нашелся. Сам бы полез. Вот Юрка Хрянин, тот действительно проявился. Эх, и сорвиголовой пришел он к нам! Ставили металлические конструкции. Кругом пусто было — степь, суслики. Забрался он на балку и давай шутить: «Хотите, спляшу?». Не любит вспоминать он этот эпизод теперь. Напомните — откажется.

— Так что же он совершил такое?

Бочка с порохом

— Видите, вон стоит серая металлическая бочка и шланги от нее

ши. Мотается, плещется желтый язычок. Не гаснет, а увеличивается. Тут откуда ни возьмись Юрка. С неба, что ли, он свалился? Сорвал с руки брезентовую рукавицу и давай ею душить язычок пламени. Задавил. Осмотрел генератор. «Полный порядок!» — объявил он во всеуслышание и спокойненько затопал к себе.

— Был тут риск? Еще какой! Щукин резко взмахнул ладонью.— Мог поплатиться жизнью. А в другой раз Хрянин...

— Можно хоть посмотреть мне на него? — прервала я Щукина.

Вечером Хрянин пришел в гостиницу. Живет он в Волгограде,— недавно для себя, жены и крохотной дочки получил возле Тракторного отдельную квартиру. На нем добротный костюм, тщательно отутюженная белая сорочка. Прямые светлые волосы строго зачесаны на пробор... Он, конечно, как и предсказывал Щукин, отказался от чечетки на балке. Не было этого, и точка. А может, просто забыл про свою мальчишескую шалость?

Сам Юра из Пензенской области. После школы попросился на целину. Работал трактористом, пока не призвали служить, а из армии сюда, на большую химию... Об эпизоде, который имел в виду Щукин, Юра рассказал сам.

— Вез трактор теплообменник на кране, а Женька Николаев, слесарь, шел следом. Поддерживал его, чтоб не стукнулся обо что-нибудь. Между двумя корпусами трактор наехал на кабель. Гусеница, по-видимому, пробила изоляцию. Как тряхануло Женьку! Свалился ни жив ни мертв, глаза закрыты. Девчонки-изолировщицы охают, а подойти не решаются: дождик только что прошел, а напряжение —380 вольт. Растерялись.

Я варил как раз на второй площадке. Глянул, аж сердце зашлось. Лежит человек под током, погибнет же человек! Не помню, как уж скатился или спрыгнул вниз — и к рубильнику. Выключил. А потом уж к нему, к Николаеву.

Тут искусственное дыхание стали ему делать. Повезли домой. В общем, обошлось. Не я, так кто-нибудь еще снял бы напряжение,— будто оправдывался Юра.

Я приготовилась услышать знакомое мне «ничего особенного тут нет», но Юра молчал.

— А где сейчас работаете?

— Срочно обвязываем площадками колонну 453. Забияка наступает на пятки, жмет. Ставить ее собирается.

— Забияка? Наконец-то я доберусь до него!

Когда опускаются порталы...

Поперек главной магистрали СК улеглась светло-серая башня. По сравнению с той, 251-й ректификационной, она лилипут: раза в три короче ее — всего семнадцать метров, раз в семь легче — тридцать три тонны. Но и с этой придется повозиться, пока она не станет на своей этажерке навечно.

Возле нее на снегу лежали две тонкие «сигары» — трубчатые такелажные устройства для подъема вертикальных аппаратов. Возле «сигар» тарахтели тракторы и бегали рабочие. Но напрасно торопилась я к 453-й.

— Бригадир? А он у реактора, опускает портал,—отвечал один из них, с рыжеватыми бачками.— В черной кудрявой ушанке ходит, бараньей. Сразу отличите!

...Тонкая четырехгранная стрела, будто стрелка гигантского компаса, строго перпендикулярно взвилась в небо. Нижнее острие ее упирается в ямку стальной подошвы, верхний конец на четыре стороны распят тросами. Концы тросов убегают куда-то вниз и прячутся за стенами соседних корпусов. А там, на самом верху стрелы, где на фоне легкого облака темнеет кулак полиспаста, находится человек. Прикрепленный к конструкциям поясом, он одной ногой упирается в ферму, а другая висит в воздухе. Обеими руками он подтягивает стальную петлю. Закончив операцию, стал на квадратную площадку — такие крохотные бывают только, вероятно, у воздушных акробатов,— повернулся и посмотрел куда-то вдаль. Угадываю, чем он залюбовался. И мне становится завидно. Ведь мне не взобраться туда и не увидеть того, что ему там, с макушки портала, доступно. Волжское море с зеленовато-черными проталинами, и серебристая плотина ГЭС, и необъятная многокилометровая ширь в этот ясный солнечный день лежат на его широкой рабочей ладони. А ветер! А простор поднебесья!..

На человеке — это видно даже снизу, с земли,— черная, с подвязанными ушами шапка...

Родился человек где-то в Сибири, в тихом низинном селе. А добрую треть жизни своей провел вот так — на головокружительной высоте. Помнят его заводы Темир-Тау и Сумгаита, Салавата и Краснотурьинска. Помнят его высокие цеха Волгограда. На нефтеперерабатывающем, говорят, ставил колонны, на Тракторном — прессы, на алюминиевом — трансформаторы, на сталепроволочном — мостовые, а на лесобазе — мощные кабель-краны. И тут приключилась с ним забавная история. Доработался, оказывается, до того, что не осталось больше высотных для него дел. И тогда перебросили Забияку вниз, на монтаж конвейеров. Согласился, точно знал, что ненадолго. За таким необычным для него занятием и застала его московская комиссия. Гости ходили по керамическому заводу.

Владимир Наумов.

Алексей Нарыков.

Алексей Забияка.

Юрий Хрянин.

— Забияка!— удивленно воскликнул один из них.— Мойки? Унитазы? Вот где верхолаз пропадает! Можешь освободиться на час-другой? А ну, идем к машине!

Не успел опомниться Забияка, как оказался в Волжском, на химкомбинате. Увидел на горизонте опоры и стрелы — загорелась у него душа. Судьба бригадира была решена.

Рассказывали мне, что, когда началась подготовка к подъему реактора на заводе СК химкомбината, Забияка был на больничном. Не мог ходить: вывихнул ногу. Но все же не утерпел. Запрятав подальше от жены бюллетень, попросил, чтоб прислали за ним машину. И дневал и вечерил — работали в те жаркие дни по полторы смены — на стройке. Припадая на здоровую ногу, он то тут, то там появлялся с красными флажками и отдавал высоким своим, звонким голосом команды лебедчикам, трактористам, стропощикам... Подъем был тяжелый, с наклоненными порталами, но завершился блестяще! Массивное, ощетинившееся площадками туловище реактора расположилось на постаменте с точностью до нескольких миллиметров, прочно, чтоб стоять на нем весь свой век. Совнархоз тогда благодарил Забияку.

А сейчас он намерен опустить порталы, чтоб передвинуть их на новое место, на штурм новых высот.

Тридцать метров в секунду

В последний день командировки мне не повезло. Собиралась подняться наверх, на площадки реактора, где слепящими кострами вспыхивали электроды сварщиков. Но поземка, тоскливо подвывавшая всю ночь, утром сменилась вьюгой. Зимние небеса, будто предчувствуя неминуемую весну, взъярились и послали на почти голые, пегие степи прорву снега. Откуда ни возьмись налетел ураган. Он хватал тучи хлопьев, закручивал их в гудящие потоки и швырял во все земное. Исчезло солнце, исчез свет. Сразу потемнело. Клокотало и бесновалось, казалось, само небо, омывшее землю кипящей пеной. В этой пене не было видно пешехода на расстоянии двух шагов. Люди то возникали вдруг, то исчезали снова, как призраки.

Едва пробившись к реактору, я все же попросила первого встречного проводить меня.

— Разве устоишь на высоте, когда такое светопреставление началось? — удивились мне.— И внизу, на земле, никого не найдете.

Сам реактор, и регенератор, и другие рядом стоящие с ними сооружения еле-еле темными силуэтами прорисовывались в молочной бурлящей зыби. Иногда все же и они пропадали, и когда снова возникали их расплывчатые контуры, то казалось, что вот-вот снимутся они с якоря и куда-то уплывут.

Горячие иглы нестерпимо жгли лицо. Я попыталась укрыться в бендежке Забияки — благо, она где-то рядом. За железной дверью докрасна раскалилась спираль. Здесь тепло. Бригада вся в сборе: сам Забияка, Попонин, Сорокин, Новиков и Писарев. Тут же и трактористы, забежавшие на огонек. На столе как ни в чем не бывало веселый перестук костяшек. Что ж, по погоде подходящее занятие.

— Да нет же, просто обед,— невозмутимо парировал Забияка.— Семена моего не встретили? Запропастился!..

В это время приоткрылась дверь, в щель сначала просунулась белая, заиндевевшая голова, а потом и сам Семен, такой же белый...

Пока он отряхивался, кто-то вытащил у него из кармана бутылку с молоком, молча поставил ее перед Забиякой на стол. Потом сам Семен извлек из-за пазухи мягкую, еще теплую плюшку и положил ее возле бутылки.

— Пришлось, Алексей Сергеич, бежать за ней аж в столовку, буфет сегодня не приехал.

— Вот спасибо, друг! — обрадовался Забияка.

— Смотрю я: не в коня корм...

— А у меня сегодня постный день. Задиетился.

— С чего бы это?

— С язвы, будь она неладна! Который год уже крутит!

Вот оно что! Не из-за болезни ли ему, обжившемуся,— тут он и семьей обзавелся — не хотелось двигаться из Волгограда? Улучив момент, я осторожно об этом спросила. Было такое настроение, оказывается. Но ненадолго его хватило!

Алексей посмотрел на руку. Часы показывали около двенадцати.

— Семен, погляди, как там.

Писарев высунул свою рыжеватую, такую же, как и бачки, голову в щель.

— Ух! Еще пуще крутит. Ни зги!

Но Забияка уже вставал и натягивал рукавицы. Нехотя поднимался большой, широкий Попонин — правая рука бригадира, а трактористы просто взбунтовались.

— Не пойдем! Как ехать? Свету белого не видать...

Забияка, однако, твердо шагнул к выходу, будто не слышал.

— Сорокин, Новиков — к якорям. А мы к одиннадцатому цеху. Эх, хо-оро-шая погодка! — прокричал он, будто смеялся над пургой.

А мне подумалось, что это вовсе и не шутка. Я знала, что жару он не терпит, а холод и ветер любит. Другие замотаются, закрутятся шарфом, а он расстегнет на стеганке верхнюю пуговицу. Сибиряк! Может быть, по нему, такому внешне обыкновенному, как раз подобное буйство природы.

«Скорость ветра местами достигала 35—40 метров в секунду. Циклон, принесший пургу, может повториться. Это явление — редкое даже в нашей волжской степи...»— слушала я сводку погоды волгоградского радио уже в вагоне поезда. А на химкомбинате наверняка было тридцать метров в секунду! И мне виделось, как неслышно, потеряв свой голос в грохоте урагана, ползут тракторы, повиновавшиеся воле бригадира. Он торопился. Торопился кончать работу здесь, на заводе синтетического каучука, потому что из Москвы пришло предписание: «Командировать Забияку в Красноводск на нефтеперерабатывающий». Там ждала его особо важная и особо неудобная, негабаритная колонна, которую не всякий бригадир и поставить сумеет.

Виталий МЕНЬШИКОВ

Одним из самых драматических и таинственных случаев, происшедших на австрийском озере Топлиц, явилась гибель мюнхенского аквалангиста Эгнера. Несмотря на то, что труп Эгнера после многодневного поиска был обнаружен и поднят со дна озера, для непосвященных так и остались неизвестными причины и обстоятельства трагической гибели молодого аквалангиста-профессионала из баварской столицы. Как остался без ответа и вопрос, еще больше, чем прежде, волнующий широкие

тый «похититель Муссолини», напоминает лабиринт: он весь изрезан узкими проходными дворами, переходами, скрытыми в полуподвалах галереями, словно специально созданными для тех, кому нужно мгновенно исчезнуть с глаз прохожих и преследователей. Недаром, должно быть, Зальцбург стал излюбленным местом нелегальных рандеву руководителей австрийской разведки и их боннских коллег...

Видимо, и оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени узнал своего старого сослуживца: он уклонился от небезопасных для него объяснений (австрийское правительство занесло бывшего полковника СС Скорцени в списки главных нацистских преступников, подлежащих немедленному аресту в случае их появления на территории

Моторные лодки поисковой группы МВД Австрии на озере Топлиц.

Представитель австрийской службы безопасности просматривает ящик с пачками фальшивых английских фунтов стерлингов, поднятый со дна озера Топлиц экспедицией, организованной журналом «Штерн».

Участники экспедиции западногерманского журнала «Штерн» извлекают со дна озера Топлиц ящик под номером «Б-6», в котором были найдены документы из секретного архива гестапо.

круги антифашистской общественности Западной Европы: раскрыло ли МВД Австрии главную тайну озера Топлиц и выловило ли ящики с папками секретных документов гитлеровской службы безопасности? Не были преданы гласности и действительные причины, побудившие австрийские власти внезапно отказаться от возобновления подводного поиска на Топлицзее весной 1964 года, несмотря на то, что, свертывая экспедицию в начале декабря прошлого года, МВД Австрии обещало «продолжить «операцию Топлицзее», как только озеро освободится ото льда...».

В тот день, когда я по дороге к озеру Топлиц остановился в Зальцбурге, вечерние газеты вышли под сенсационными заголовками: «Отто Скорцени нелегально прибыл в Зальцбург! Его опознал старый знакомый, столкнувшись с эсэсовским полковником лицом к лицу на улице города!»

Житель Зальцбурга сразу же сообщил в местную полицию, что он случайно повстречался с бывшим тайным эмиссаром Гитлера при выходе из кафе, в самом центре города. Мне в Зальцбурге часто случалось блуждать по его запутанным средневековым улицам и переулкам, на которых не разъедутся и две малолитражки. Центр города, где был опознан знамени-

Австрии) и скрылся в подъезде старинного дома, каких много в этой древней столице князей католической церкви.

На следующее утро я покинул Зальцбург. Через два часа езды по горным дорогам наша автомашина встала на стоянку у здания «Курсалона» в Бад-Аусзее. Здесь, всего в 14 километрах от озера Топлиц, размещался пресс-центр МВД Австрии, который и выпускал в свет официальные версии о ходе «операции Топлицзее». Но высшие чины австрийской службы безопасности беспомощно разводили руками в ответ на настойчивое требование десятков местных и иностранных журналистов подтвердить или опровергнуть сообщение о нелегальном приезде в Австрию Отто Скорцени.

* * *

В марте 1945 года ставка шефа имперской службы безопасности Кальтенбруннера направила к озеру Топлиц первый транспорт с ящиками, которые и были сброшены в воду «чертова озера» офицерами из эсэсовского эскорта. В первых числах мая 1945 года в район Топлицзее прибыл второй транспорт с ящиками, на бортах которых стояла метка «Имперский груз!». Все ящики были сброшены в озеро...

Бывший эсэсовец, ныне богатый коммерсант из Гамбурга, пожелавший остаться неизвестным, сообщил сотруднику венской буржуазной газеты «Нейес Эстеррейх»: «...особый интерес для подводного поиска представляет содержимое второго транспорта, направленного к Топлицзее. Он состоял из автомашин, груженных ящиками, собранными со всех концов третьего рейха и предназначенными для затопления в озере. В этих ящиках,— сообщал гамбургский коммерсант,— помимо важных документов и слитков золота, были не потерявшие и поныне свою ценность патенты, а также документация о новом боевом веществе, разработанном в конце войны. Один из ящиков был замаркирован специальными знаками и снабжен взрывным предохранительным устройством: в случае грозящей опасности содержимое этого ящика можно было уничтожить...»

Затопление этих ящиков в Топлицзее эсэсовцы производили под личным наблюдением полковника СС Отто Скорцени. О ходе выполнения приказа Скорцени докладывал своему шефу Кальтенбруннеру. Генерал СС Кальтенбруннер в самом конце второй мировой войны укрывался в последнем оплоте нацистского рейха — «Альпийской крепости». С оберштурмбаннфюрером СС Отто Скорцени Кальтенбруннер встречался на вилле «Шерри» в Альт-Аусзее — маленьком городке километрах в 30 от Топлицзее. Глава имперской службы безопасности был доволен расторопностью Скорцени, точно выполнившего сверхсекретную «страсбургскую директиву».

В августе 1944 года в Страсбурге, в отеле «Ротес хауз», состоялось тайное совещание нацистской верхушки, в котором приняли участие ведущие рурские промышленные и финансовые магнаты, «хозяйственные фюреры» гитлеровской Германии, банковские эксперты. В страсбургском совещании участвовал имперский фюрер СС Гиммлер и генерал СС Кальтенбруннер.

Собравшемуся в Страсбурге «совету богов» третьего рейха была уже ясна неотвратимость поражения гитлеровской военной машины. И в отеле «Ротес хауз» участники секретной конференции разработали тщательно законспирированный план вывоза за пределы Германии огромных ценностей, награбленных фашистским вермахтом в странах Европы. Было решено основать в Португалии, Испании, Швеции и Швейцарии подставные фирмы и перевести на их счета валютные накопления нацистской Германии. Кроме

того, было решено депонировать в иностранных банках, главным образом в нейтральных странах, большую часть сокровищ германских банков, открыв счета на подставных лиц — доверенных гестапо и разведывательных служб нацистской Германии. По некоторым подсчетам, только в швейцарских банках незадолго до капитуляции гитлеровской Германии было открыто около 755 счетов на подставных вкладчиков, а размеры этих тайных нацистских вкладов составили сумму свыше пяти миллиардов долларов.

Львиную долю этих вкладов впоследствии предполагалось инвестировать в дело возрождения четвертого фашистского рейха. Они же должны были стать источником финансирования послевоенного неонацистского подполья, к созданию которого на территориях Германии, Италии, Франции, Австрии гитлеровцы приступили в конце второй мировой войны. Из этих же финансовых средств нацисты планировали послевоенную поддержку своих приверженцев в Англии, Бельгии, Голландии, а также на обоих американских континентах.

По некоторым данным, свыше 600 крупнейших фирм обязаны своему появлению «на божий свет» в ФРГ, Испании, Италии, Португалии, Бразилии, Перу, Аргентине и других западных странах средствам, полученным с тайных нацистских счетов в швейцарских банках!

На этих же «дрожжах» поднялась и мадридская фирма Отто Скорцени, развернувшего не только широкую коммерческую деятельность, но и вложившего громадные капиталы в латифундии, приобретенные во многих странах Западной Европы и за Атлантическим океаном.

Но в бронированных сейфах швейцарских банков гитлеровцы упрятали не только награбленное золото. «В банковские сейфы Швейцарии,— писала в марте 1964 года венская газета «Нейес Эстеррейх»,— были переправлены организационные планы, документы, секретные досье нацистской Германии».

Шеф имперской службы безопасности Кальтенбруннер лично проконтролировал, как была выполнена та часть «страсбургской директивы», в которой содержался приказ укрыть в самых надежных убежищах досье, дающие ключ к зашифрованным тайным вкладам фашистской Германии в швейцарских банках. Под бдительным наблюдением Кальтенбруннера и Отто Скорцени, посвященного в тайну страсбургского совещания, на дно озера Топлиц были отправлены папки с фашистскими тайнами.

Одно обстоятельство бурно активизировало борьбу закулисных сил, которые стремятся любым путем и любой ценой вскрыть «подводный сейф» фашистской камарильи. В конце прошлого года стало известно, что в 1964 году истекает срок хранения швейцарскими банками тайных вкладов гитлеровской Германии. Если они не будут востребованы вкладчиками, то по закону, принятому швейцарским парламентом, все эти нацистские вклады перейдут в собственность швейцарской казны.

За месяц до начала «операции Топлицзее», проведенной МВД Австрии, попыталась извлечь со дна «чертова озера» ящики с секретными досье одна западногерманская группа, связанная с мадридской конторой Отто Скорцени. Во время ее нелегальной экспедиции к озеру в Мертвых горах и погиб мюнхенский аквалангист.

* * *

В начале 1963 года, рассказывает ближайший друг Эгнера, профессиональный спортсмен-аквалангист Хофхерр, в мюнхенском клубе водолазов и аквалангистов «Зюддейчер Таухклуб Мюнхен 1950» появились два господина, представившиеся как Шмидт и Фрайбергер. Обещая крупные суммы денег, они попытались завлечь в экспедицию к озеру Топлиц наиболее опытных спортсменов-аквалангистов. Но лишь Эгнер в конце концов пошел на риск, завербовавшись в группу Фрайбергера — Шмидта. Впоследствии мать Эгнера предъявила полиции золотые монеты из гонорара, который ее сын получил в счет аванса накануне тайной экспедиции в Зальцкаммергут.

Знал ли мюнхенский аквалангист, с кем он связал свою судьбу? Имел ли Эгнер точное представление о весьма темном прошлом тех, кто его нанял?

Многое говорит о том, что после подписания секретного контракта Эгнера посвятили в некоторые детали предстоявшей операции. Летом 1963 года местные жители озерного района Зальцкаммергут, как они сообщили австрийской полиции, наблюдали, как Эгнер вместе с неизвестными господами, говорившими на баварском диалекте, по картам и схемам намечал места подводного поиска в Топлицзее, Альт-Аусзее и Грундльзее. Было замечено, как Эгнер вместе с другими западногерманскими аквалангистами несколько раз совершал погружение в этих озерах.

Но Эгнера не только проинформировали о точном местонахождении затопленных нацистами ящиков с архивами гестапо, ценностями из германского Рейхсбанка и технической документацией секретных испытательных станций гитлеровского вермахта и ВМС. Узнал Эгнер и о кое-каких подпольных каналах, связывающих бывших видных нацистов и шпионов Кальтенбруннера — Канариса с эмигрантской элитой третьего рейха. Не привыкнув еще крепко держать язык за зубами, 19-летний Альфред Эгнер перед экспедицией к Топлицзее часто говорил своей старшей сестре о «состоятельных друзьях в Испании». «Высказывания сестры Эгнера,— писала венская буржуазная газета «Фольксблатт», — подтверждают, видимо, предположения о том, что Эгнер состоял на службе у двух бывших офицеров СС, выступающих под конспиративными фамилиями Шмидт и Фрайбергер».

* * *

В июне 1963 года, за несколько месяцев до гибели Эгнера, некто Карлхайнц Ригель, богатый торговец из Карлсруэ (ФРГ), в интервью репортеру газеты «Фольксблатт» сделал пророческое предсказание: «Вы увидите, в сентябре во время нелегального подводного поиска на озере Топлиц **погибнет один человек!»**

Прозорливость торговца из Карлсруэ носила отнюдь не «спиритический» характер. Дело в том, что Ригель был доверенным богатого перуанского бизнесмена, в прошлом агента гестапо Фридриха Швенда. В свою очередь, Швенд до 1963 года входил в руководство так называемой «исследовательской группы Топлицзее», по сей день легально действующей в Бад-Аусзее. Эта группа добивается от австрийских властей официального разрешения на подводные работы в Топлицзее, чтобы, как заявил ее руководитель Альбрехт Гайсвинклер, «поднять ящики с важными сверхсекретными документами имперской службы безопасности».

В том же Бад-Аусзее, поблизости от «чертова озера», живет еще одна весьма примечательная фигура, посвященная в тайну Топлицзее. Это владелец частной гимназии в Бад-Аусзее, бывший оберштурмбаннфюрер СС Хётль. Приближенный Кальтенбруннера и Скорцени герр директор очень много знает о документах и ценностях, затопленных эсэсовцами в озере Топлиц. Ведь именно Хётль подал идею своему шефу Кальтенбруннеру затопить ящики в «чертовом озере». Однако сам Хётль не склонен делиться своими сведениями ни с «исследовательской группой Топлицзее», ни с ее шефом Гайсвинклером, которого в апреле 1945 года английская разведка забросила в сердце нацистской «Альпийской крепости» — район Зальцкаммергут — на парашюте для выполнения «особого задания».

Австрийская полиция обходит стороной виллу эсэсовца Хётля. Конечно, ее не пугают две немецкие овчарки, день и ночь охраняющие виллу бывшего резидента гитлеровского абвера. Видимо, в Вене и в Бонне у Хётля есть весьма могущественные покровители, которые оберегают владельца гимназии в Бад-Аусзее от заслуженной кары, хотя он значится в списке военных преступников и его выдачи требует правительство Венгерской Народной Республики.

На своей вилле Хётль и принимал западногерманского торговца из Карлсруэ, информируя через него своего давнишнего друга и коллегу по нацистскому абверу «перуанского бизнесмена» Швенда обо всем, что происходит в районе Топлицзее.

Впервые Хётль и Швенд встретились в столице дуче — Риме. Эсэсовца Хётля привлекли деловые качества эксперта по финансовым и торговым операциям Швенда. Ознакомившись с идеями Швенда, Хётль немедленно свел его со своим ближайшим начальником — руководителем юго-восточного европейского отдела гитлеровского абвера Вальтером Хагеном. Встреча состоялась в кабинете известного римского ресторана «Ульпиа». Здесь Швенд и развил свой план финансирования зарубежной агентуры нацистской Германии с помощью фальшивых английских фунтов стерлингов.

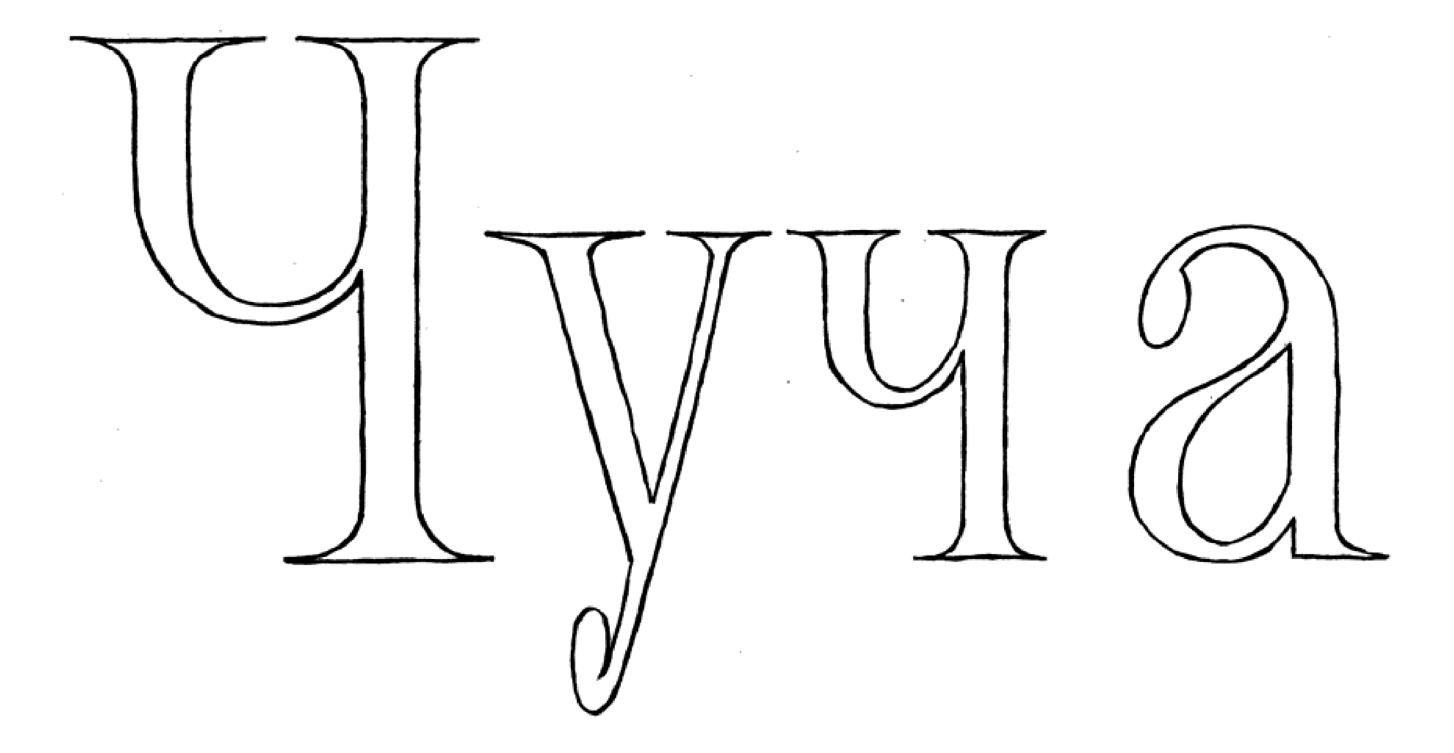
План Швенда был сообщен Кальтенбруннеру, а тот доложил о нем высшему нацистскому руководству. После некоторого колебания и межведомственных интриг Берлин отдал приказ о начале знаменитой «операции Бернхард» — беспрецедентной в истории войн финансовой диверсии. Сам Швенд был назначен главным резидентом «операции Бернхард», и ему была подчинена широко разветвленная по всему миру сеть тайных агентов — торговцев фальшивыми английскими фунтами стерлингов. Нацистская верхушка одобрила и другую идею Швенда: обменивая фальшивые деньги на зарубежных черных валютных рынках, полученную таким образом «твердую валюту» — доллары, фунты стерлингов, швейцарские франки, а также купленные на фальшивые деньги золото, бриллианты и драгоценности — депонировать в банках нейтральных стран, в первую очередь швейцарских.

После войны стало известно, что гитлеровцам удалось осуществить несколько крупных разведывательных операций с помощью фальшивых денег, сфабрикованных в фашистской Германии.

Удалась нацистам «операция Бернхард» и в части обмена фальшивых английских фунтов стерлингов на валютных рынках Европы, Ближнего Востока и Латинской Америки. Сотни крупных фирм были основаны на средства, полученные от «операции Бернхард». Однако еще значительная доля этих средств покоится невостребованной в сейфах швейцарских банков. Вот почему ни Швенд, ни Хётль не спускали глаз с озера Топлиц, где, как они прекрасно знали, закрылась последняя страница в истории «операции Бернхард». Знали, конечно, они и то, что затопленные эсэсовцами в Топлицзее ящики с фальшивыми английскими фунтами стерлингов и клише для их печатания были не главной целью подводного поиска, неоднократно предпринимавшегося на озере Топлиц различными группами агентов западных разведок. Желанной добычей для всех конкурирующих групп остается досье со списками подставных вкладчиков гитлеровского рейха — агентов Гиммлера, Кальтенбруннера, Геринга, которые могут получить миллиардные вклады из швейцарских банков. С не меньшей настойчивостью этим попыткам противопоставляются тайные усилия могущественных групп монополистического капитала, которые не хотят допустить разглашения тайны их послевоенного экономического и политического возрождения.

Борьба вокруг Топлицзее идет уже многие годы — коварная, жестокая, смертельная. И не безрезультатная. Вскоре после гибели Эгнера в западной прессе промелькнуло сообщение: до того, как австрийские власти начали «операцию Топлицзее», с одного из тайных вкладов в крупном швейцарском банке была снята громадная сумма денег. Речь шла о тайном вкладе нацистской Германии! Есть веские основания полагать, что внезапное «раскассирование» его находилось в связи с той нелегальной экспедицией, которая была предпринята западногерманской группой Фрайбергера — Шмидта. Видимо, правы те (среди них и отец Эгнера), кто утверждал, что Эгнер был устранен «как нежелательный свидетель». Мюнхенский аквалангист прикоснулся к сокровенной тайне Топлицзее, вытащив на поверхность «нужный ящик»! Тем самым Эгнер вынес себе смертный приговор.

Бад-Аусзее — Вена.

Галина ДЕМЫКИНА

Песня Леса

Глава I

— Въезжаем в заповедник! — крикнул брат.

Я крепко держалась за его плечи, прятала голову от ветра. Наш мотоцикл мчался по травянистой лесной дороге. Вдоль нее строились и перестраивались деревья: ясени — ели — сосна, ели — береза — дубы.

— Вот он, мой кордон! — сказал брат. Он затормозил, вытащил из коляски мотоцикла мой чемодан.— Уважаемая сестренка, прошу!

Я огляделась. Прямо посреди леса стояла изба. Вокруг — картофельное поле за изгородью.

— От кого ты отгородился?

— От кабанов.

Новенький, еще смолистый дом. Стол с книгами, диван.

Я вышла из дому. Лес горячий, сухой, пропахший смолой. Дорога. От нее — другая, поуже. На ветках травинки: возили грузовиками сено. На деревьях круглые домики для птиц — дуплянки. Прямо среди леса, на пнях, деревянные кормушки с солью. Это что же? Сюда приходят звери и, как ручные, берут то, что им дают? Значит, и правда, человек помогает лесу, бережет и любит его.

А лес?

Узенькая тропинка примяла брусничник, вильнула мимо поваленной, выдернутой с корнями ели, кинулась в одну сторону — заглохла. В другую—заглохла. Наткнулась на сплошной, совсем необжитой лес.

Деревья тут жили тесно, верхушки их переплелись. Внизу было темно. И только поляны — как сквозь зеленые и солнечные очки. Как улыбка леса. И как его подарок.

— Уии! Уии!— летело сверху.

— Чок-чок-чок! — отзывалось рядом, под кустом.

— Ток-ток-чьии! Ток-ток-чьии!

И все это мешалось в одну песню. Еще чуть-чуть — и я различу, распознаю ее.

И нет, нет. Ускользала.

— Ты знаешь Песню Леса?— дома спросила я брата.

— Что?

— Ну... Деревья поют.

— Какие именно?

— Все вообще...

— Ладно, ты отдыхай.

Брусничник, поваленная елка, потерянная тропинка. Темнота под деревьями — я уже знаю их, а они знают меня. А вот до этой полянки — лесного пятачка — я еще ни разу не доходила.

На краю толстенная сосна — чешуйчатые корни. Торчат из земли, как удавы. Два удава. А в их ложбинке на траве темно-зеленая тень, точно подстилка. Ложись, спи. Я и задремала.

— Ша-а-а,— шло над лесом.

— Уии-чокок,— из кустов.

— Цк-цк-цк,— у самого лица, из травы.

И снова все это мешалось в песню, Большую Песню Леса, и мне не дано было ее понять.

Проснулась я от тревоги: глядят. На меня глядят. И в самом деле: на сосне вниз головой повис серый зверек, похожий на маленькую белку или на большую мышь с пушистым хвостом. Два глаза, как две бусины, с ушастой серой мордочки. Я не шевельнулась, только смотрела. Зверек царапнул кору, спустился ниже, цепляясь тонкими розовыми пальцами. И не удержался — плюх в траву, прямо около моего уха.

Испугался, чирикнул, как воробей,—чи-чу!— и отбежал, зашуршал в траве.

Я опять не двинулась. И вот теплый сухой нос коснулся моей руки. Коготки царапнули ладонь. Я подняла голову — глянуть. А уж он вон где, на сосне! Эх, надо было схватить! Теперь ни за что не спустится.

Зверек улегся на низком обломанном сучке — пушистый хвост вниз, одна розовая лапка свесилась. И глядел, глядел во все свои любопытные бусины.

— Эй ты, рожица! Чучелка!

— Чи-чу,— гортанно чирикнул он.

— Иди сюда!— Я подставила руку.— Не бойся, иди.

И вдруг он снова сполз вниз. Выпрямил ушки. Потянулся на голос. Ближе, ближе по коре... И вот уж совсем рядом. Потрогал розовой лапкой ладонь. Отпрянул. Еще раз потянулся. И ступил в запретную зону. В зону своей неволи. Я быстро накрыла его второй ладонью — только щеточка хвоста наружу. Запищал, завозился, да поздно.

А дома его ждала птичья клетка.

— Ух, ты! — обрадовался брат.— Сроду такого не видал! Завтра привезу зоолога. Вдруг новый вид.

Но зоолог тоже не знал. Удивлялся:

— Похож на соню — есть такой зверек. Но у нас сони не водятся. И потом — лапы. Посмотрите: как ручки у обезьяны... Я хотел бы взять его в музей.

— Нет, нет!

— Ну, пусть пока у вас. На днях приедет старший зоолог...

— Чи-чу! — донеслось из клетки.

— Эй ты, Чучелка-Чуча, кто же ты такой?

Когда в доме появляется зверек, ну хоть котенок, что ли, все начинает поворачиваться вокруг него. То сидел за столом и работал. Теперь надо помнить, налита ли в блюдце вода или молоко. Надо погладить, когда он прыгнет на колени. Не двигаться, если заснет.

Раньше хлопнул дверью и ушел, а теперь — вернешься взглянуть, закрыл ли окно, а то выпрыгнет. Убрал ли чашки со стола — разобьет.

Чуча, странный зверь, взял все мое время. Во-первых, он не ел. Ничего не ел. Уже два дня. Сидел в углу клетки на задних лапах, обхватив голову передними. Вид полного отчаяния. Что я наделал? Вот дурак! Вот растяпа!

— Надо отпустить,— сказала я брату.

— Ты что? У меня на участке диковинный зверь, а ты — отпустить. Дай свезу в музей.
— Ни за что!
— Все равно погибнет без еды.
Что делать? В который раз поставила ему блюдечко с молоком. Может, дать орехов? Орешник тут же, возле дома. Орехи еще зеленые, не отделишь от лапчатого домика.
— Попробуй, Чуча.
Он отнял лапы от мордочки.
И вдруг я заметила: шерстинки-то у носа слиплись, мокрые, в молоке!
Ну, теперь мы не пропадем!
Ореховое созвездие — пять орехов, как пять зеленых звездочек,— он тоже взял в лапы и подержал. Сначала обнюхал, как это делают все звери, а потом осмотрел — это уж как человек. И бросил.
Отвернулся, обижен. Надо бы взять его в лес. Да брат рассердится. Очень боится упустить зверька.
— Чуча! Неужели мы не подружимся?

Однажды брат спросил меня:
— Не боишься одна остаться? Мне надо в город на денек, а то и на два.
И он уехал.
А к вечеру по лесу потянуло холодком, ветер положил траву у леса и картофельную ботву возле дома. Листья берез, не отрываясь от веток, поплыли-потекли по темному небу. Над домом громыхнуло. Еще раз вспыхнуло и громыхнуло. И началась гроза.
Это тревожно — гроза в лесу. Тревожно и одиноко. И человеку и зверю. Чуча из клетки глядел на меня огромными глазами. Может, в его жизни не случалась еще гроза?
Я открыла дверцу, протянула руку, и он вышел. И сел на ладонь — маленький, теплый, взъерошенный. И сразу стало спокойней: мне верят, у меня ищут защиты.
Чуча действительно забыл и страх и обиду. Я гладила его, а он, как котенок, прятал горячий нос между моих пальцев.
Когда гроза кончилась, я поднесла зверька к открытой клетке.
— Иди. Спи.
Но он не пошел. Он повернулся и стал смотреть на меня. Внимательно, будто спрашивая.
— Ты что, Чуча?
Вдруг он напрягся весь и гортанно крикнул:
— Чу-ча!
Это было похоже на его прежнее чириканье и все-таки совсем другое.
— Чуча! Чуча! Чуча! — точно радуясь своему новому умению, выговаривал он. Да, да, выговаривал. И тут я подумала: а вдруг...
— Чуча, скажи: «ма-ма».
Зверек опять напрягся, изогнул розовый язычок:
— Кхма... ма!

Утром приехал брат. Отвел мотоцикл к ограде, вымыл руки у колодца и затопал по ступеням.
— Как вы тут? Не боялась? Ну и голоден я! Сварила картошку? Молодец!
Но мне не терпелось.
— У меня радость! У меня зверь заговорил.
— Какой зверь?
— Чуча.
Брат посмотрел внимательно и ничего не ответил.
— Не веришь? Вот слушай. Чуча!
Зверек молчал.
— Чуча, скажи «ма-ма».
Он даже не поднял уха.
— Ничего, сестренка,— необычно ласково отозвался брат.— Гроза иногда так действует. Не волнуйся.
— Но ведь он говорил... Он еще заговорит...
— Даже если заговорит, не волнуйся.

Прежде Чуча не хотел слушать меня, отворачивался.
А теперь!
Едва затихал вдали мотоцикл брата, я открывала дверцу клетки. Переваливаясь, как обезьяна, когда становится на четвереньки, Чуча шел ко мне, усаживался на ладонь. Он поднимал передние лапки и ждал.
Ждал пищи, ждал ласки. Глаза его были широко раскрыты мне навстречу.
Я подносила к его мордочке блюдце с молоком. Потом вытирала слипшиеся у рта шерстинки.
— Надо быть чистым, Чуча!
— Кхчи-кчсты!
Да, да! Он учился говорить. У этого зверька устройство гортани было, вероятно, как у скворца или попугая.
Только заученные слова он не повторял без толку, а будто складывал в невидимый тайник. И потом доставал.
Когда я спрашивала:
— Кто ты?
Он всегда отвечал:
— Чуча!
Услыхав шум за окнами, поднимал круглые ушки и сам спрашивал:
— Кхктоэто?
Потом ко мне:
— Кхтоты?
— Мама! — говорила я.
Если я долго не подходила к клетке, он звал:
— Кхма-ма-ма!
Он легко запоминал слова, ему нравилось, как они звучат.
«Лес-лис-лист»,— выговаривал он, прибавляя свое «кх...»: «Кхлес, кхлис...»
Чуча скакал за мной по всему дому. Окна были раскрыты, но я не боялась, что он убежит.
И только при брате он забирался в клетку, молчал.
И тот не вспоминал о нашем разговоре после грозы. Думал, мне неприятно. Да нам и поговорить-то было некогда. С утра он отправлялся в обход — следить, чтоб не портили деревья, не стреляли зверей, не выбирали яйца из гнезд. Лес точно заворожил его. Забота о лесе. Польза леса. Служба лесу.

В вольере, отгороженном от леса тонкими и редкими бревнами, жили олени.
Когда они слышали человечьи голоса, подходили к загородке, просовывали головы между бревен:
— Дайте!
А если постоять возле соседнего загона и подождать, выйдет из-за чахлых березок и елочек рыжее, тонкое, длинноногое — тоже олень. Но какой!
Легкие ноги его ступают беззвучно. Голова точно плывет над тонким туловищем. Лиловые глаза огромны. Два прямых коротеньких рога еще не очистились от пушка.
Если потрогать его теплые серые уши, он отведет голову и переступит, как отныркет.
А если дать соли, он не станет собирать ее с ладони нежными дымчатыми губами, а только тепло дыхнет на руку. Просто — спасибо за внимание.
— Алеша!
Он знает свое имя, но не откликается. А иногда не зовешь — подойдет.

Алеша-олень был у самой изгороди и сразу увидел Чучу, который сидел у меня на плече. Сперва Чуча сидел, как все звери, опираясь на четыре лапы. Но тут от удивления высвободил две передние и одной ухватился за мое ухо.
— Чи-чу! — пискнул он.
Я давно уже не слыхала этого чириканья. Олень не отводил огромных глаз от Чучи, и бархатистые губы его шевелились. А Чуча чирикал на все лады, шипел, попискивал.
Они вели горячий лесной разговор. О чем? О чем говорят между собой звери, когда встречаются у водопоя?
О чем кричат друг другу птицы с дерева на дерево? Иногда я понимала:
— Осторожно! Идет человек!
А когда человека нет?

Я шла к дому по лесной дороге. Чуча свернулся у меня на ладони.
— Что сказал олень, Чуча?
Зверек напрягся, прикрыл глаза.
— Лесной! Лесной! — жалостно пропел Чуча.— Лес-лист-лось-лис...
Я поняла. Чуча вспомнил темные лесные дебри, звериные норы, тайные тропы...
Пришел брат.
— А на мой участок забежали волки! — сказал он.— Вчера егерь видел одного прибылого.
— Что за прибылой? — не поняла я.
— Ну, молодой. Пять-шесть месяцев. И уже сам начинает охотиться. Надо будет подманить.
— Как это?
— Не знаешь? — удивился брат.— Да очень просто. Зарядит охотник ружье, засядет среди ельника и...— Он поднял голову, приложил к губам ладони. И вдруг раздался вой. Жалобный, одинокий.— Вот так,— засмеялся мой лесник.— А волк отвечает. И подходит ближе.
Тут вдруг я почувствовала теплую тяжесть на руке — это Чуча. Он прижимался и вздрагивал. Что это значит? А когда брат вышел, зверек спросил:
— Кхтотак?
— Кто так воет? Волк.
— Волкх...— повторил он, и голосок его осекся.
Вот что! Он уже слышал в лесу волков. А брат говорит, только что забежали!
— Ты знаешь волков, Чуча?
— Тда, тда!
— Ох, что я придумала! Ты покажешь брату, где живут волки. А брат их убьет.
Чуча вытянулся мне навстречу, слушал, слушал... Я повторяла еще и еще одно и то же. И он понял. И отвернулся.
— Волки злые,— говорила я.— Они убивают оленей. Таких, как Алеша. Ты поможешь людям, Чуча?
Он прыгнул в клетку, сжался в углу. Я звала его, а он даже не глядел.
И опять я подумала: он знает что-то такое, чего не знаю я. Вот и язык у нас один... Как могло быть все просто: он переводит лесную речь на нашу, человеческую. И все мы, люди и звери, понимаем друг друга. Как все могло быть просто! А вот не так.
Что он видел? Что знает? Что таит?
Кто ты, Чуча? Кто ты?

Глава II

Чуча впервые открыл глаза весенним утром. Он увидел серо-коричневую чешуйчатую стену. И больше ничего. Он не знал, какие бывают сосны, и подумал, что это весь мир: сероватый, но тоже интересный. От чешуйки к чешуйке переваливалась красная с черным букашка; чуть пониже торчал чей-то ус. Или, может, лапка. Чуча потянулся схватить, но тут расправились красно-черные крылышки, и букашка отделилась от серого. Улетела. Чуча стал глядеть ей вслед и незаметно перевернулся на другой бок. И тогда поток солнца, разноцветной зелени, запахов и ветерков полился на него. И Чуча зажмурился.
А когда приоткрыл глаза, совсем рядом на земле увидел еще одну букашку — рыжую, перетянутую посередине, с тяжелой сосновой иглой в передних лапах.
— Эй, маленький зверь! — крикнул Чуча.
В отличие от людей звери с самого рождения умеют говорить на своем лесном языке.
Мы бы не поняли, что он сказал, а Муравей понял сразу, но не ответил, только повел усом. Всем известно, что муравьи много работают и горды этим невероятно.
Тогда Чуча перевернулся серым брюшком вверх и увидел толстые желтые ветки с рыжими пучками иголок.
Все они тянулись за ветром, а один пучок вдруг — раз! — и перескочил на другую ветку... Вот чудо! Да нет, это и не пучок хвоинок совсем, а рыжий хвост рыжего зверя.
Чуча не успел прижаться к стволу — рыжий

Чуча.
Рисунок художника Е. РАЧЕВА.

Утро в лесу.
Фото М. САВИНА.

зверь был рядом. Висел головой вниз на сосновом стволе.

— Ого! — сказал зверь, показав длинные и мелкие зубы.— Ого, какое чучело! Кто ты?

— Я не знаю,— ответил Чуча.

— Ну, кто твоя мама?

— Не знаю.

— Ты здесь живешь?

— Кажется, да.

— Может, ты мышь? Но почему пушистый хвост? Покажи-ка лапы!

Чуча сел на задние лапки и вытянул передние.

— Никогда не видала такого. У тебя лапы, как человечьи руки. Вот уродик! И когти мягкие. Можешь влезть на мою сосну?

— Я не знаю.

— Ну попробуй. Здесь хорошо, наверху!

И зверь легко подтянулся на ветку, пробежал по ней до конца и — аах! — перелетел на другую сосну, а потом — вверх, вверх, раскачался на ветке и опять — аах! И все звал, звал, манил Чучу:

— У меня наверху
Ветки-качалки.
У меня наверху
Детки-бельчатки,
Прыжки мои четки,
Ушки мои чутки,
Лечу! Лечу!

Чуча весь дрожал от страха и восхищения. О дружбе с таким красавцем даже думать нечего. Но глядеть на него?.. Это он, наверное, позволит.

Но тут появился еще один зверь. И это решило Чучину судьбу. Зверь был желтый, мягкий, большой и невзрослый. Он выбежал из темных елок на Чучину поляну, дурашливо выбрасывая толстые лапы. Выбежал боком. Его просто заносило. Зверь не заметил бы Чучу, если бы не дятленок, за которым он гнался. Тот не летал еще, а только подлетывал и, неловко кувыркаясь у земли, натолкнулся на Чучу.

Чуча не испугался желторотого и бесхвостого, но на всякий случай прыгнул на сосну и повис на ее коре, как это делают кошки.

Вот тут-то невзрослый зверь раскрыл рот, вывалил язык и стал вовсю глядеть на Чучу. Про птенца он забыл совсем.

— Эй, ты кто?

— Я не знаю. Вон тот рыжий зверь...

— А, Белка с Сухой Сосны.

— Да, да, так она говорит, что я мышь.

— Белка слишком важничает. Я не знаю, что такое «мышь», но ты на нее не похож. Можешь спуститься.

Чуча не двинулся.

— А ты кто?

— Я Волк. Когда я вырасту, меня будут звать, как и моих стариков,— Скальный. Мы живем за рощей — там, где скалы. Да ты и теперь можешь называть меня так. Рядом с тобой я совсем большой. Ну, прыгай вниз!

Чуча разжал посиневшие пальцы и неловко брякнулся в траву. Пока он вставал, Волчонок успел легонько придавить его лапой.

— Эй, эй! — крикнула сверху Белка.— Не смей трогать наше лесное чучело.

— Я и не трогаю.

— Ах ты, врун! Больно он тебя, Чучелко?

— Ничего,— пропищал Чуча, облизывая помятый бок.

— Смотри, серое отродье, скальный злодей! — летело сверху.

— Он пошутил! — громко крикнул Чуча.

И правда, косточки у него уже не болели.

— Ты хороший парень,— тявкнул Волчонок.— Пошли, я покажу тебе кабанов.

Под низкими елками было совсем темно и душно. От земли подымался горячий запах сухой хвои, забивая свежий смоляной дух.

Здесь Волчонок ступал мягко, ветки раздвигал неслышно и все припадал, припадал на передние лапы, стелил голову по земле.

Волчонок прошел, а потом остановился возле большой хвойной кучи, которая вся копошилась, двигалась, кишела.

— Что это? — спросил Чуча.

— Муравьи. Ох и противные! — И — раз! — задней лапой разворотил часть кучи.

— Зачем? Они тебя не трогали.

— А попробуй сунь к ним лапу. Ну, попробуй!

Чуча сунул и сразу затряс ею. Несколько черных букашек скатились в траву, а на розовой лапе остались красные пятна.

— А если к ним залетит бабочка или стрекоза,— одни крылышки останутся.

Они двинулись дальше, скользя под еловыми ветками, как под крышей.

— Слышишь? — Волчонок повернулся к Чуче.

Но тот едва поспевал и, кроме желтого волчьего хвоста, не замечал ничего.

— Слышишь? — Волчонок повел носом.— Здесь проходили свиньи.

И вдруг сквозь ельник просочился желтый теплый свет, и открылась яркая и сочная поляна с белыми бабочками, зеленой травой и синими, белыми и желтыми цветами.

— Смотри! — жарко выдохнул Волчонок.

Через поляну медленно шла длинноносая бурая кабаниха. А за ней, едва видные в траве,— рыжие, с коричневыми полосками вдоль тела кабанята.

— Ой какие! — ахнул Чуча.

Он не мог отвести глаз.

— Послушай, Скальный, а потом они тоже будут серые?

Чуча сидел на задних лапах, а передними ухватился за веничек травы перловника.

— Конечно,— кивнул Волчонок.— И я тоже буду серым.

Поляна была уже пуста, а они все сидели с раздувающимися ноздрями, прерывисто дыша. Потом Волчонок вытянул толстые желтые лапы, положил на них морду. Глаза его стали узкими — две темных щелочки.

— Слушай Песню Леса,— сказал он.— Ляг в траву, так лучше, и слушай.

Чуча лег, запрокинул голову к далеким переливающимся верхушкам сосен, ясеней, берез...

— Уи-уи,— летело сверху.

— Ток-ток-чьи, ток-ток-чьи...

И все это смешалось вместе, и Чуча услышал:

— У меня есть лисы и лоси,—
так говорил Лес.—
На суках раскосые рыси,—
говорил Лес,—
Ржавые балки,
И рыжие белки,
Текучие реки,
Ползучие раки,
Под водою — линь,
Над водою — лань...

— Это все правда? — спросил Чуча.

Но Волчонок не ответил. Бок его поднимался ровно, одно тяжелое ухо завернулось, показав бело-серую подпушку.

Теперь, где бы ни был Чуча, он слышал, как поет Лес. И различал все новые слова. И знал, что все они правда.

— У меня есть дубы и грабы,—
так говорил Лес.—
У меня есть грибы и рыбы,—
говорил Лес,—
Затоны щучьи,
За́води речьи,
Сладка рябина под осень
И зеленая сень, где ясень!

Белка с Сухой Сосны показала Чуче, как, прижавшись друг к дружке, в зеленом лапчатом домике живут орехи. Белка уносила их в гнездо, и Чуча помогал ей.

Видел он множество красной и дымно-черной ягоды, ел ее и дивился щедрости Леса. Ему нравилось смотреть, как, поднимая землю, лезут из нее бледные, почти белые, свернутые в трубку побеги травы.

А однажды он глянул на сосну и увидел, что одна чешуйка, маленькая точка, вдруг засверкала,— от нее пошли синие, потом красные лучи. Чуча моргнул, и лучи стали голубыми, ярко-желтыми, оранжевыми.

— Что это?

— Не вижу, малыш,— отозвалась Белка с Сухой Сосны.

— Да вот же, вот, на коре. Сейчас заденешь лапой!

— Нет ничего, кроме смолы. Поди-ка, слижи ее. У тебя будут белые и крепкие зубы.

И верно, это светилась капелька смолы.

И тогда Чуча впервые сам прибавил слова к Песне Леса:

— Сладки твои смолы,
Ростки твои смелы...

И Лес подхватил, запел, как свое:

— Сладки мои смолы,
Ростки мои смелы!..

— Это я придумал,— робко сказал Чуча.

— Не болтай глупости! — рассердилась Белка.— Вот хвастунишка!

А Волчонок, узнав об этом, сразу поверил:

— Ты молодец! Умный малый! А хочешь посмотреть, где олени ходят к речке?

И опять они бежали через густой кустарник, мимо заболоченных полян. Там сплошь наросла темная ольха; на ее ветках кое-где рыжели клочки шерсти. Длиннющие елки были выворочены с корнем: болотистая земля в бурю не удерживала их.

— Олени! — вздохнул Волчонок, принюхиваясь.

— Ты больше всех знаешь о Лесе,— в который раз сказал ему Чуча.

— Все звери знают это. Кроме тебя, конечно,— огрызнулся Волчонок.

А потом провел шершавым языком по Чучиной серой мордочке. Ведь его, Волчонка, редко кто хвалил.

Так проходило лето. И настал день, когда выпорхнула из кустов маленькая серая птичка в красновато-бурой шапочке — Славка. Она второй раз за лето вывела птенцов, вырастила их и теперь перескакивала с ветки на ветку — скок-скок! Это значило, что ее заботы о малышах окончены и можно спеть.

И она запела:

— Лето в Лес приводит день за днем,
Льет на них то солнце, то дожди!
Подросли утята в тростниках,
Желтый пух сменили на перо.
Олененок гордо ощутил
Между двух ушей два бугорка.
А лисенок притащил в нору
Мышь, которую он сам поймал.

Все так и было. Откуда только Славка знает все это? Ведь целое лето провозилась с птенцами?!

Да такое знают все звери и птицы в Лесу. А славки к тому же мастера петь.

Вот тогда и забеспокоилась Белка с Сухой Сосны.

— Ты уже большой, а такой неосторожный! — закричала она Чуче сверху, из гнезда.— Мои бельчата стали ловчее меня. А у тебя мягкие когти.

— Они не твердеют, что же мне делать? — опечалился Чуча.

— Тогда надо быть хитрым. Не сильным, так хитрым. Ты же как привязанный бегаешь за Скальным Волком. А чему он тебя научил?

— Он научил меня слушать Песню Леса.

— Це! — фыркнула Белка.— Чему тут учить? Ее слышат все звери, иногда даже люди. А говорил он тебе о Правде Леса?

— Нет.

— И не скажет.

— Почему?

— Потому что он живет не по Правде. Серый разбойник.

— Он не серый. И никого не трогает. А вот Муравьи...

— Что Муравьи? — переспросила Белка.

— Муравьи знают Правду Леса?

— Конечно.

— А сунь лапу в их кучу!..

— Я тоже отгрызу чужую лапу, если она залезет в мое гнездо! — сердито цокнула Белка.

— А бабочка? Когда бабочка прилетает к ним в гости? — Чуча хорошо помнил, о чем говорил Волчонок.

— Это их еда.

— Как же так! — обиделся Чуча.— Муравьи убивают и живут по Правде Леса, а Скальный...

— Он еще молод,— перебила Белка с Сухой Сосны. И голос ее зазвучал торжественно: — Настанет день, когда он, как и его родичи, убьет просто так...

— Он уже...— хотел крикнуть Чуча, но закрыл рот обеими лапами.

Да, да. Так оно и было.

Окончание следует.

СКВОЗЬ БУРИ

Более тридцати лет назад в буржуазной Латвии была опубликована первая часть романа «Сын рыбака». Его автор, Вилис Лацис, написал до того немало: рассказы, роман «Освобожденный зверь», трилогию «Бескрылые птицы». Но именно «Сын рыбака» сделал имя Лациса широко известным. В те же годы роман был инсценирован для театра, затем по книге создали первый латышский звуковой фильм.

Писатель открывал в своем романе суровый мир латышских рыбаков, полный труда и борьбы с морской стихией, с капиталистическими хищниками. Такого мужественного, яркого характера, как Оскар Клява, в латышской литературе еще не было. И, конечно, книгу, подобную «Сыну рыбака», мог написать человек, на своем опыте познавший меру тяжкого рабочего труда: роман об Оскаре Кляве действительно написал грузчик рижского порта. До 1933 года Вилису Лацису пришлось зарабатывать свой хлеб отнюдь не за письменным столом: склоняясь вечерами и по ночам над своими рукописями, Вилис Лацис, как говорится в его автобиографии, «грузил пароходы, работал по найму у рыбаков, рубил лес, плавал на океанских пароходах кочегаром и посетил ряд стран (Германию, Данию, Бельгию, Англию, Францию)». Этот личный опыт будущего писателя был обогащен опытом революционной борьбы латышского народа, с которой неразрывно связал свою судьбу молодой Вилис Лацис. Лучшие его книги — «Сын рыбака», «Буря», «К новому берегу» — рассказывают о знаменательной судьбе народа, завоевавшего свободу и строящего сейчас новую жизнь в братской семье советских республик. Автор этих широко известных книг по праву носит звание народного писателя.

Вилис Лацис — первый председатель Совета Народных Комиссаров Латвийской ССР. Когда гитлеровцы оккупировали Латвию, Лацис участвовал в создании латышских военных частей Советской Армии, в организации партизанского движения в Прибалтике. С именем В. Т. Лациса связано послевоенное восстановление хозяйства республики, разрушенного оккупантами.

На днях Вилису Тенисовичу Лацису исполнилось шестьдесят лет. Миллионы советских читателей считают его своим любимым писателем, они желают юбиляру доброго здоровья, многих лет плодотворной работы.

В. АННЕНКОВ

СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ, ГЕРОИЧЕСКИЕ

Первый роман Михаила Годенко «Минное поле» совершенно естественно «отпочковался» от его поэзии, от той внутренней темы народной доли, народного подвига в годину войн и мирного труда, которая развивалась в его стихотворных книгах «Море мое», «Людское счастье», «Тяга к океану». Степной украинский край, раскинувшийся у азовского лукоморья, с его пышными южными базарами, бахчами и лиманами, военный Ленинград и Кронштадт давно уже стали близки читателям поэтических книг М. Годенко. Сам реалистический строй романа, тяга к новеллистичности, постоянное стремление «окликнуть» читателя - слушателя — это идет от уроков поэзии. Но при всем лиризме и подчеркнутом автобиографизме романа как много вместилось в нем общественно значимого, сложного!

...Мишко́ Супрун, деревенский хлопчик из приазовского села, вступает в жизнь в самый разгар коллективизации, когда страна с невиданным напряжением сил определяла, нащупывала свои новые исторические пути. В ночную тишь врывались глухие кулацкие выстрелы.

И вот привезли отца Мишка, залитого кровью. И, однако, отец, как и друг его коммунист Торбина, живет не одной обидой, местью, жаждой крутых расправ, а какой-то более крупной и серьезной мыслью об отношении к крестьянину, к новой организации его жизни и труда.

Так начиналась эта молодость, молодость страны и героя. История молодого человека XX столетия, о создании которой мечтал в свое время Горький, в жизнеописании детских, юношеских дорог Михайла Супруна предстает живописной, яркой страницей. С гордостью, немного наивной и «домашней», вглядывается герой романа (как и все односельчане) в кадры киножурнала: еще бы, ведь гнедая величавая лошадь под любимым наркомом, принимающим парад,— подарок местного конезавода.

А вот бывший красногвардеец Плахотя учит юношей меткой стрельбе, на свой лад давая крепкие, весомые пояснения. «Як поразить цель? — спрашивает он.— Ось так! Устраивайся поудобнее. Найди опору, щоб гвинтовка не дрожала, як телячий хвост. Увидел белогвардейца чи, скажем, махновца, сажай его, котика, на мушку. Если он выглядает из окопу, подставь ему мушку под самую бороду...» Сколько во всем этом: и в ослепительном коне, и в «патриархальной» простоте уроков Плахоти, и в счастливом, солнечном оптимизме Михайла и его школьных друзей, окрыленных порывистым движением молодого рабоче-крестьянского государства,— самой настоящей правды, драгоценного ощущения той эпохи!

Позднее, когда Михайло Супрун, нахлебавшись холодной балтийской воды после гибели своего судна в героическом и печальном переходе Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, чудом спасшись от гибели, будет люто ненавидеть головотяпство, чванство, крикливое шапкозакидательство, он снова вспомнит бодрые предвоенные годы и Плахотю, да и себя самого в прежнем качестве. Репрессии 1937 года, когда исчез в безвестье Торбина, не заслонили для героя панорамы народной жизни.

При всей горечи обильных утрат он не впадает в одностороннюю оценку по отношению к этим годам. Потрясающие и величественные картины народного патриотизма, силы народного духа «управляют» диалектикой души молодого героя.

Роман исполнен глубочайшего доверия к нашей жизни, к незакатному солнцу народной души, наделяющей всех своей правдой и высотой духа, он заставляет по-новому посмотреть на время, в которое мы живем, жили, в котором нам предстоит жить.

В. ЧАЛМАЕВ

М. Годенко «Минное поле». «Москва», 1964 г. №№ 1—2.

ИМЕНИ «ПРА

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Бегуны выстраивались на старте в том порядке, как их вызывал судья.

Первыми были названы спортсмены Кубы. И как же горячо встретили гостей с далекого острова переполненные трибуны!

Закричали, зааплодировали смуглые девушки в легких платьях и такие же смуглые и черноглазые ребята.

— Куба! Куба!..

Это были кубинцы. Они хотели подбодрить своих. Но они вместе со всеми, кто был в этот день на Московском ипподроме, так же дружно приветствовали каждую команду, выходящую на старт:

— О, ля-ля! Вива!..

Команд было немало на старте Международного кросса. Готовились к трудному восьмикилометровому бегу стайеры из Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Франции, Чехословакии, Югославии, Финляндии и, конечно, хозяева соревнований.

Кто будет первым, кто победит? Дорожка здесь не легкая, вспоминается, как один опытный спортсмен, участник многих крупных соревнований, говорил: «Грунт мягкий, тяжелый, ноги увязают чуть не по щиколотку. Каждый шаг — усилие». А накануне вечером и ночью шел дождь, дорожка впитала много влаги. Действительно, только закаленным и волевым под силу такая борьба. И, надо сказать, зрители вправе были искренне аплодировать не только тем, кто оказался впереди, но и тем, кто, отстав, упрямо шел и шел вперед, не желая сдаваться усталости, одолевая ее.

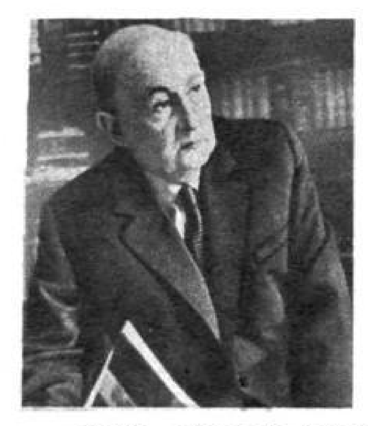
Международный восьмикилометровый кросс был высшей точкой и заключительным этапом. Задолго до этого последнего старта, с первых дней весны началось большое, широчайшее по географии и масштабу соревнование. Теперь его можно назвать традиционным. В третий раз проводится кросс «Правды» — самое раннее, самое первое соревнование советского спортивного лета. Наша молодежь приняла и полюбила этот кросс мира и дружбы. Миллионы участников кросса — в стартовых протоколах по всей стране. С каждым годом живее и действеннее интерес к кроссу газеты «Правда» у спортивной молодежи мира.

Красочно, празднично, солнечно было в день финала кросса 1964 года на Московском ипподроме. Рано начался этот большой праздник и продолжался до тех пор, когда солнце стало по-вечернему косо светить над городом, как бы поднимая еще выше шпили университета на Ленинских горах. Много произошло событий на кроссовой дистанции. Около четырех тысяч московских легкоатлетов разыграли первенство столицы в кроссе «Правды». Всходили на пьедестал почета победительницы и победители всесоюзных молодежных правдинских кроссов Тамара Дунайская из Полтавы и пограничник из Казахстана Леонид Микитенко. С волнением следили зрители за напряженной борьбой, которая развернулась на дистанциях всесоюзных кроссов — двухкилометровом для женщин и восьмикилометровом для мужчин. Удастся ли кому-нибудь улучшить время литовской спортсменки Фелиции Кароблене? 6 минут 14,8 секунды! Это отличный результат! Нашим девушкам, участницам международного женского забега Тамаре Бабинцевой, Вере Мухановой, Людмиле Гуревич, Тамаре Дмитриевой, придется призвать на помощь все свое мастерство! Им ведь нужно не только победить в Международном кроссе, но и пробежать дистанцию быстрее Фелиции для того, чтобы добиться абсолютно лучшего результата.

Им не удалось сделать это. Была убедительная победа наших четырех спортсменок в международном забеге. В третий раз, тоже по традиции, первой коснулась ленточки финиша москвичка Вера Муханова. Однако быстрейшей в этот день все-таки осталась Кароблене.

...Но вот бегуны, участники последнего международного забега, гвоздя всей большой программы, приближаются к финишу. Они сильно растянулись по дистанции. И теперь становится ясным: командная и личная победа в третьем кроссе «Правды» останется за советскими спортсменами. Нет, не повторится на этот раз то, что произошло в финале кросса 1962 года! Тогда, вот на этом же ипподроме, волевая и сильная четверка кроссменов Германской Демократической Республики, во главе с популярным легкоатлетом Гансом Гродоцки, на последних метрах вырвала победу.

Сейчас уверенно впереди на-

ЯНУ СУДРАБКАЛНУ— 70 ЛЕТ

В Риге, недалеко от Межапарка, на тихой улице Арая-Берце, живет старый, мудрый человек Ян Судрабкалн. Маленькая квартира, заставленная книжными полками, цветники в саду, шелест листьев на деревьях—таков «круг тишины», в котором мы видим поэта. Но тишина эта кажущаяся: поэт любит жизнь, его радуют ее краски, ее кипение; глаза поэта зорки, он острым взглядом оглядывает все, что происходит вокруг.

Яну Судрабкалну исполнилось 70 лет — возраст немалый. Сын учителя, он прошел жизнь суровую и трудную: мыкался в поисках куска хлеба, воевал, делил страдания простого народа Латвии. О своей ранней юности поэт писал:

Что я любил тогда? Одну поэзию.
Она шумела в половодье мне,
Как в полусне, она звала меня
В мир, в сказочное неизвестное.

Андрей Упит заметил способности 18-летнего парня, влюбленного в поэзию, в сосны, пески и небо латышской земли, и опубликовал его стихи в журнале «Дуомас» («Мысли»), который он редактировал. Так появился в литературе Ян Судрабкалн. До этого он назывался Арвид Пейнэ из Видземе.

В 1919 году в Риге вышел сборник стихов Я. Судрабкална «Крылатая армада». В стихотворении «Мечтателям» поэт пророчески писал:

Нет гаваней, где корабли мечты
Могли б на якорь стать спокойно.
Воспрянь, мечтатель! Скоро выйдешь ты
В бой за осуществление мечты!

Жизнь буржуазной Латвии не давала возможности крепнуть таланту поэта. Все мельчало в царстве «серых баронов»: идеалы, стремления, чувства. Лишь тогда, когда Латвия вошла в семью советских республик, раздался во всей силе голос Судрабкална. Годы Великой Отечественной войны были испытанием для людей чистой совести, для всех, кто противоборствовал гитлеризму. Горячее, призывное слово Судрабкална жгло сердца бойцов, звало их «в бой за осуществление мечты».

Должен тот, кто полн сомнений,
В будущее заглянуть:
Для счастливых поколений
Мы прокладываем путь.
И, верны Отчизне милой,
За нее вступая в бой,
Теплый хлеб народной силы
Латыши берут с собой.

В стихах послевоенного периода Ян Судрабкалн славит дружбу народов, созидательный труд советских людей. Стихи его полны жизнеутверждающего оптимизма. И вместе с тем взор его всегда обращен к латышскому народу, к Латвии, где все мило сердцу поэта.

Словно капли золотые,
Силы копятся живые.
Солнце в Латвии впервые!
Все родней сверканье дней,
Край советский все милей.

Народный поэт Латвии Ян Судрабкалн знаком всем советским читателям — от Балтики до Тихого океана. Искренность и глубина его творчества не могут не волновать людей. Таково свойство каждого истинного поэта, на каком бы языке он ни писал.

Друг поэтической молодежи, ее советчик и учитель, Ян Судрабкалн встречает свое семидесятилетие в обстановке всеобщего уважения, тепла, признательности. Это не мимолетная слава случайного, временного любимца музы. Счастливая судьба старого поэта выкована им самим, его неустанным трудом для Родины и народа.

Ник. КРУЖКОВ

ЭТО БЫЛО В САЯНАХ

В Колонном зале Дома союзов, на торжественном заседании, посвященном Дню печати, была вручена Борису Полевому первая премия за лучший репортаж года — «Саянские записи».

Журналисты Москвы горячо встретили видного советского писателя, драматурга, киносценариста и публициста Бориса Полевого, сохранившего острый интерес к замечательному газетному жанру — репортажу.

Склонность к художественному репортажу как наиболее динамичному, чрезвычайно активному жанру проявилась у Бориса Полевого давно. Начиная свою газетную жизнь в Твери, юный литератор отправился на плоту по Волге и написал свои первые репортажи о сплавщиках леса. Затем он уехал избачом в далекое село Микшино, и тверская газета опубликовала серию его репортажей из глухого места. А однажды случилось так, что Борис Полевой несколько недель провел среди воров и бродяг в тверской ночлежке.

Наблюдения, полученные «на дне жизни», были использованы в репортажах и легли в основу «Мемуаров вшивого человека». Друзья Бориса Полевого тайком от него переслали «Мемуары» Максиму Горькому в Сорренто. Великий писатель ответил пятистраничным письмом, в котором подробно и сурово разобрал произведение начинающего писателя и пожелал ему успехов в литературе. Так Максим Горький стал «крестным отцом» Бориса Полевого.

Кто видел в работе Бориса Полевого-репортера, тот знает, что во время войны он превращал в свой «рабочий кабинет» кабины танков и самолетов, окопы и КП, а после войны устраивался в кабинах экскаваторов или бульдозеров, вертолетов или в теплушке строителей и при первой же возможности воспользоваться телефоном или телеграфом передавал в «Правду» репортаж.

Весной прошлого года судьба вновь свела меня с Борчсом Полевым, на этот раз в Сибири, на берегу Енисея, в железнодорожном вагоне выездной редакции «Правды».

Ни один номер многотиражки не выходил без репортажей или публицистики Бориса Полевого. При этом он успевал выступать на читательских конференциях, обсуждавших его роман «На диком бреге...», читать доклады о советской литературе, днем и ночью колесить по стройке.

«Саянские записи», опубликованные в журнале «Знамя», а теперь выпущенные отдельной книжкой издательством «Советская Россия», репортажно повествуют о событиях на Енисее в те дни.

Художественный репортаж «Саянские записи», ярко и точно передающий живую картину событий, иллюстрирован великолепными работами художника Ореста Верейского, который вел на стройке свой изобразительный репортаж.

Е. РЯБЧИКОВ

ВДЫ»

Фото А. Бочиннина

ши. Спортсмены в алых майках — в лидирующей группе, и еще издали видно, как спокойно, мерно, мощно приближаются к финишу стальной ветеран бега Петр Болотников и его товарищ по команде молодой бегун Алексей Конов.

Кто будет первым? Зрители в волнении давно повскакали с мест, все внимание на эти последние сорок, тридцать метров!..

Известен неповторимый финиш Петра Болотникова, олимпийского чемпиона. Вот он делает рывок и оказывается на несколько метров впереди! Но что там происходит?! У молодого бегуна есть тоже такой рывок, и даже более мощный! Он обходит Петра Болотникова, он первым заканчивает бег. И там, в плотном кольце фоторепортеров, они уже крепко обнимаются, радуясь своей победе!

Большим успехом советских спортсменов завершился Международный кросс газеты «Правда» 1964 года. Но в этом кроссе не было побежденных. Благородный его девиз «Мир и дружба», в духе которого прошло первое весеннее соревнование олимпийского года, оставил всех довольными и счастливыми.

Дан старт всесоюзного женского забега!..

Близок финиш. В лидеры вышел Алексей Конов.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

АРСЕНА

Кто видел кинофильм Александра Довженко «Арсенал», никогда не забудет финальную сцену. Кончилась пулеметная лента, петлюровцы сжимают кольцо вокруг пулеметчика Тимоша Стояна.

— Кто с пулеметом? — спрашивают они.

— Украинский рабочий. Стреляй! — Разорвал на груди сорочку. Ненавистью, гневом горит глаза.

По нему стреляют из винтовок и пистолетов, а Тимош стоит цел и невредим. «Падай! Падай!» — кричат враги. А он стоит, бессмертный Тимош...

Киевскому заводу «Арсенал» исполнилось двести лет.

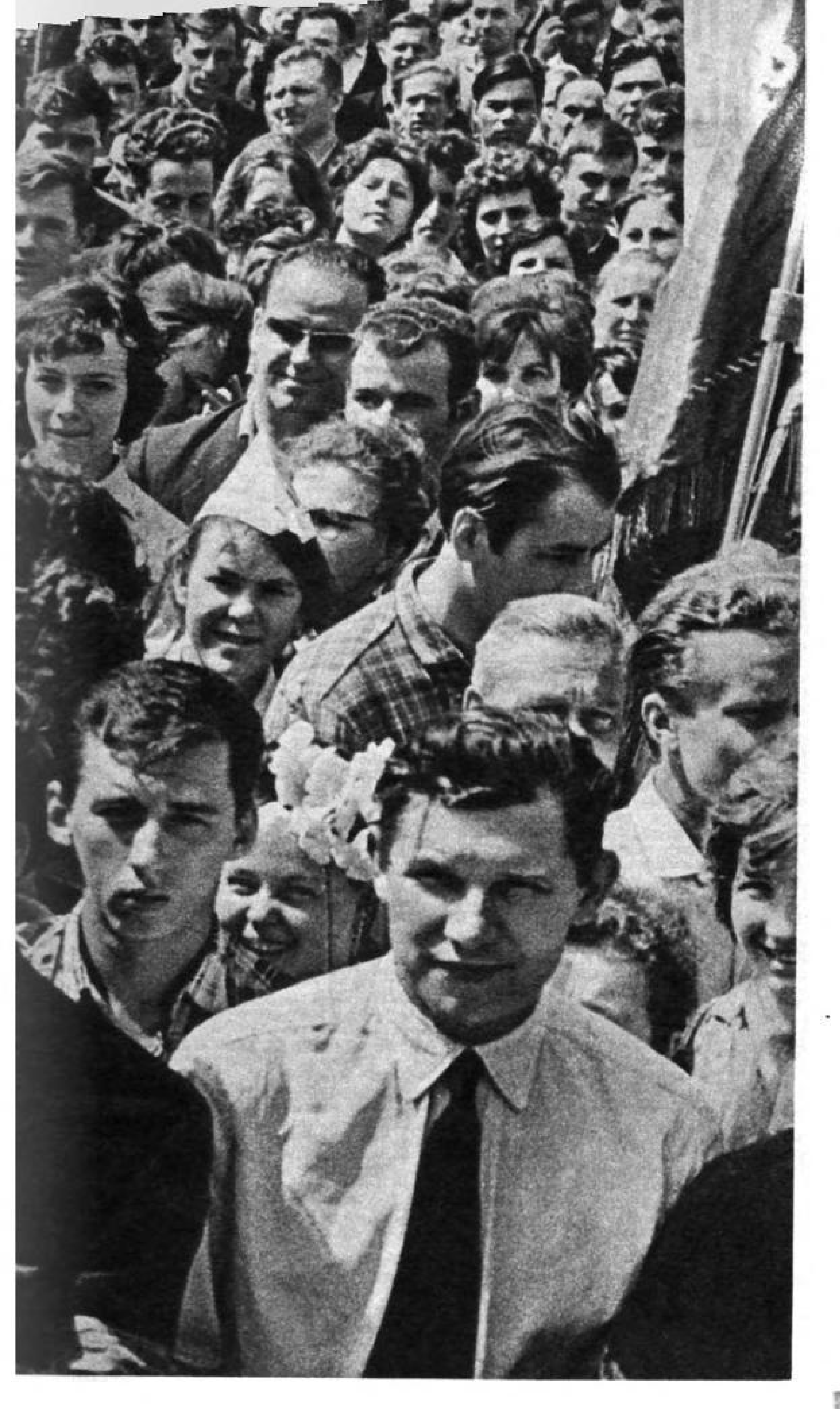
Его рабочие первыми подняли знамя социалистической революции в Киеве. По ним стреляла вся контрреволюционная нечисть, но они выстояли. И поныне живы многие из участников тех исторических боев: Василий Стригин, Александр Ерема-Еременко, Степан Калиновский, Павел Водзянин, Сергей Опанасенко, Петр Максименко, Лука Пиорко, Николай Животенко и другие.

Сохранились немые свидетели революционного подвига арсенальцев. Вот наружная стена. Она с тех пор не крашена, не ремонтирована, на ней пыль истории и пулеметные строчки. Юнкера и петлюровцы из винтовок и пулеметов, из броневиков и пушек расстреливали бастион революции, пытались сокрушить боевой дух арсенальцев. За годы Советской власти неузнаваем стал завод: его расширили, перестроили, но памятную стену никто не трогает. Это красноармейская книжка завода — бойца революции.

На площади перед «Арсеналом» — памятник. Пьедестал из нешлифованного камня, а на нем трехдюймовая пушка. Это тем, кто погиб за Советскую власть.

В 1923 году в день рождения Ленина арсенальцы избрали Владимира Ильича почетным рабочим и послали ему письмо:

«Мы, рабочие-арсенальцы, заявляем, что всегда с Тобой и руководимой Тобою РКП. В ознаменование дня Твоего рождения и для более

ЛЬЦЫ

тесного сближения с дорогим Ильичем мы общим собранием постановляем включить Тебя в список рабочих нашего завода почетным токарем-металлистом токарного цеха красного Киевского «Арсенала».

В механическом цехе стоит ленинский станок. На нем работает тот, кто побеждает в соревновании токарей.

На предприятии коммунистического труда много замечательных людей, знатных рабочих, потомственных арсенальцев, унаследовавших это звание от отцов и дедов. Здесь с большим уважением говорят о рабочем роде Радченков, о нескольких поколениях Водзякиных, Ульяновых, Ушаковых... Вот одна из фамильных линий «Арсенала» — семья Григория Яковлевича Царика.

Пришел Григорий Яковлевич на завод более тридцати пяти лет назад из Золотоноши, что на Черкасщине,— завербовался через биржу труда. Тот день, 28 сентября 1927 года, Григорий Яковлевич отмечает наравне с днем рождения. Встретил сельского парня в цехе Василий Ильич Стригин, тот самый, который в дни восстания учил арсенальцев владеть оружием, который смело дрался на баррикадах против белых и петлюровцев. Теперь Стригин учил Григория Царика рабочему ремеслу.

С большим уважением Григорий Царик вспоминает чудесного токаря, тоже боевика завода, Павла Федоровича Водзякина. Он не раз останавливался у станка молодого рабочего, клал по-дружески руку на его плечо, поправлял, если что не так.

Григорий учился на курсах, «глотал» книги. Потом служил в армии, стал коммунистом. После службы вернулся на «Арсенал». За эту привязанность к заводу в семье его называют однолюбом.

Война. Арсенальцы из глубокого тыла слали на фронт продукцию с надписями: «Фронтовикам — от киевлян. Смерть фашистским оккупантам!». Григорий Яковлевич работал в годы войны за троих, был и токарем, и монтажником, и наладчиком... А после войны Царик уже сам обучал молодых.

В 1947 году Григория Яковлевича избрали депутатом Верховного Совета республики. Сейчас он член Президиума Верховного Совета Украины. Участвовал в работе XXI съезда партии.

А вот рассказ еще об одном человеке — о Меланье Павленко. Она родилась в Триполье. Это живописное село известно открытыми в конце XIX века поселениями древнейших племен, получившими в науке название Трипольской культуры. Кровавые события разыгрались здесь в 1919 году: у Триполья геройски погиб партийно-комсомольский отряд, сражавшийся против банды атамана Зеленого.

У матери Меланьи детей было тринадцать душ. Мал мала меньше. Трудно жилось. Как-то из Киева приехал в гости старший брат. Он на «Арсенале» работал.

— Тебе, дочка, уже восемнадцать... Иди, ищи свою судьбу,— сказала мать.

Забрал брат Меланью с собой, устроил ученицей-револьверщицей. Все свои силы, всю память напрягала девушка, чтобы скорее научиться работать. Ее наставница — передовая работница Дуся Гаркавая — была довольна ученицей. И вышла Меланья Павленко в люди. Ее жизнь — страницы биографии завода. Сейчас Меланья Григорьевна работает наладчицей, вместо шести станков обслуживает двенадцать. Да еще на одном сама работает, точит детали. Учит молодых — учит работать и жить.

В 1960 году, в день Международного женского дня, Меланье Григорьевне было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Арсенальцы избрали ее в Верховный Совет СССР.

Быть арсенальцем — высокая честь. На заводе разработан свой обряд приема в прославленный коллектив.

...Зрительный зал Дворца культуры заполнили рабочие, инженеры. Многие пришли с семьями. Звучат фанфары. Занавес раздвигается. За большим столом — лучшие люди завода, его мастера — золотые руки. Рядом с каждым — свободное место. А в сторонке стоит группа юношей и девушек — те, кого принимают в коллектив.

Вечер открывает старейшина завода Николай Саввич Радченко — тоже из знаменитого рабочего рода. Он говорит коротко, просто:

— Мы собрались для того, чтобы отметить знаменательное событие. В ряды арсенальцев вливается молодой отряд — шестнадцать юношей и девушек, выдержавших экзамен на первый рабочий разряд. Здесь присутствуют лучшие мастера своего дела. Каждый из них берет шефство над молодыми рабочими, поможет им. Пожелаем успеха нашим сыновьям и дочерям!..

Гремят аплодисменты. Звучит «Варшавянка». Боевики вносят знамя завода. В почетном карауле у знамени стоят участники вооруженных восстаний 1917—1918 годов Василий Басканов и Николай Животенко, Виктор Филиппов. Произносится клятва арсенальца.

— Клянусь! — повторяют шестнадцать молодых.

Каждый из них подходит к знамени, опускается на колено, как это делают воины, целует полотнище... Директор завода вручает им удостоверения о присвоении первого рабочего разряда. Подходят мастера, поздравляют, подносят подарки — книжку, штангенциркуль, готовальню...

А потом читают стихи, поют песню, слова которой сочинил рабочий Анатолий Карплюк:

Где Днепр голубой играет волной
И берег, одетый в гранит,
Стоит «Арсенал», как витязь седой...
И верность отчизне хранит.

...Двести лет стоит седой и вечно юный «Арсенал». Стоять ему, ленинскому заводу, и жить, и работать при коммунизме! Пусть арсенальскому рабочему роду никогда не будет переводу!

Старая гвардия «Арсенала». Сидят (слева направо): председатель Совета боевиков В. И. Стригин, П. И. Максименко, Л. А. Пиорко, П. Ф. Водзякин, С. В. Калиновский, В. А. Скрынский, Н. Д. Шафранский, А. Л. Чумачев, С. М. Опанасенко. Стоят: А. Ф. Ерема-Еременко, А. Е. Кураков, В. Д. Ефимов.

Чужая мама

А. РОМАШОВ

Из записок следователя

Рисунок В. Черникова.

Электричка отошла от перрона столичного вокзала. В вагоне одни ищут место, другие развешивают «авоськи» на стенные крючки. Шелестят газеты и журналы. То тут, то там завязываются беседы. Две девушки наперебой рассказывают, как их «гоняли» сегодня по сопромату. Студентки.

В окна вагона уже хлынул загородный ветерок, повеяло лесом, полем. Лица людей стали мягче, заботы дня остались позади. И вдруг...

— Граждане, подайте кто сколько может. Помогите больной с ребенком.

Жалобный голос сразу разрушил обычное вагонное настроение: глаза оторвались от газет и книг, умолкли беседы, погасли улыбки.

По вагону медленно шла женщина. На руках у нее была девочка, бледная, в линялом платьице. Руки потянулись к кошелькам.

Женщина дошла до конца вагона и вышла в тамбур. Пассажиры разговорились.

— Да она молодая, ей бы работать.

— Так вы же слышали, что она больная!

— Знаем мы этих больных!..

Между тем женщина прошла в следующий вагон. Девочка уже спала у нее на руках.

— Ваши документы.

Перед женщиной стоял старшина милиции. Люди насторожились, подняли головы.

— Зачем вы беспокоите ее?

— Что она сделала? Ловили бы лучше воров да хулиганов! — раздались голоса.

Но старшина увел женщину с ребенком.

* * *

В одном из пристанционных буфетов шла ревизия. Очень вежливый пожилой ревизор с седыми висками время от времени обращался к буфетчице Бугровой:

— Пожалуйста, покажите мне накладную на шоколад. Благодарю.— И что-то записывал в ведомость.— Когда вы получили папиросы «Казбек» в последний раз? Большое спасибо.— Он продолжал писать и изредка щелкал на счетах.

Лицо Бугровой было спокойно, только иногда она покусывала губы. А ревизор все спрашивал и считал, считал и спрашивал.

— А где же у вас, Мария Павловна, расписки о выручке за семь дней? Будьте любезны, я хотел бы посмотреть их.

Буфетчица открыла ящик, пошарила в нем.

— Ох, извините, я совсем забыла. Расписки я сдала в бухгалтерию. Я сейчас...

— Постойте, постойте. Куда же вы? Ведь буфет-то не опечатан!

— А я доверяю вам! — И Бугрова сбежала вниз по ступенькам.

Больше ее на станции не видели.

Ревизор разводил руками, когда рассказывал о случившемся в линейном отделении милиции.

— Я полагал, что растрата могла быть, но не столь большая. И Мария Павловна не производила такого впечатления,— говорил он.

* * *

В приемной председателя райисполкома среди посетителей сидела женщина с ребенком. Секретарша пропустила ее в кабинет без очереди.

Горек ее рассказ.

— Мы жили на Севере — я, муж и дочка. Кончился срок договора. Поехали мы к родителям мужа. А по дороге,— женщина вытирает платком глаза,— муж сбежал от нас. Взял все вещи, деньги и документы. А нам оставил записку: «Не ищите. Адрес родителей я соврал». Помогите, пожалуйста. Мне бы только до Харькова добраться. Там у меня сестра.

Председатель вызвал секретаря.

— Ну вот, до Харькова вас довезут и обеспечат на дорогу всем необходимым. Успокойтесь. Сейчас я позвоню в милицию, там вам оформят документы.

Женщина поблагодарила и вышла. В краткосрочном паспорте, выданном отделением милиции, в графе «фамилия, имя и отчество» значилось: «Бугровская Мария Ивановна».

В обладательнице этого документа ревизор без труда бы узнал сбежавшую буфетчицу. Но девочка? Ведь у нее же не было детей?

* * *

Лето. Нещадно палит солнце. Пассажиры расположились в привокзальном сквере. На одной из скамеек сидит женщина с детьми.

— Мам, я пить хочу,— просит мальчуган.

— А я молозеного хочу,— картавит девочка лет двух.

У матери на руках еще один малыш.

— Господи, да куда же я с вами? Потерпите немного. Вот дедушка принесет билеты и напоит вас. Не вертитесь, посидите хоть минуту.

— Мам, пи-и-ть! — снова тянет мальчик.

— Голубушка,— доносится с соседней скамейки,— дайте-ка я отведу ребят, напою их. Ведь такая жара — и взрослый не вытерпит.

— Да нет, не утруждайте себя.

— Ничего, в дороге всегда друг другу надо помогать. Пошли, ребята! А уж вы пока посмотрите за моим плащом.

И молодая женщина, взяв ребят за руки, направилась с ними к вокзалу.

Прошло пятнадцать минут, двадцать, а женщина не возвращалась. Мать забеспокоилась. Полчаса, час... Сердце ее тревожно забилось.

И вдруг голос из репродуктора:

— Гражданка Филиппова, ваш сын Сергей находится в детской комнате вокзала... Гражданка Филиппова, ваш сын...

Она не дослушала и, забыв про вещи, бросилась к вокзалу. В детской комнате она увидела мальчика.

— Сережа, Сереженька, как ты сюда попал, где Оля?..

— Она пошла с тетей за мороженым, а мне велела стоять у столба и ждать их.

Мать заметалась по перрону.

— Граждане, вы не видели девочку?

Оля исчезла вместе с той женщиной.

* * *

— Итак, гражданка Бугровская, ваша настоящая фамилия Бугрова? — спрашивал следователь.

— Бугровская! — ответила женщина вызывающе.

— А чья это фотография? Ваша?

Женщина мельком взглянула на снимок и отвернулась.

— К нам поступил материал о вашей растрате в буфете...

— Я хочу к маме... Где моя мама? — захныкала проснувшаяся девочка.

— Вот ведь твоя мама, не плачь!

— Это не моя мама, это чужая мама,— говорила девочка.

— Что ты, что ты, доченька, вот как тебя запугали. Даже маму бояться стала,— затараторила Бугрова и подхватила девочку на руки.

Но та продолжала кричать:

— Я хочу к маме!

Как выяснило следствие, Бугрова оказалась не только растратчицей, но и воровкой чужих детей.

Вот кому сыпали свои пятаки и гривенники сердобольные пассажиры электрички!

ПЕРЕД МЕЖЗОНАЛЬНЫМ...

Михаил БОТВИННИК

20 мая доктор Эйве, экс-чемпион мира по шахматам, будет праздновать свое 63-летие. В этот же день в Амстердаме сильнейшие шахматисты мира начнут соревноваться за право играть в следующем этапе борьбы за титул чемпиона мира.

Может быть, это — случайное совпадение. Но следует признать, что, если бы не Макс Эйве, не было бы этого турнира в Амстердаме. Доктор Эйве проявил большую энергию, уговаривая как меценатов, так и власти, чтобы обеспечить шахматному союзу Нидерландов право проведения этого форума сильных шахматного мира сего...

Итак, 24 участника межзонального турнира в новом здании Администрации Социального Страхования (ХАК) будут бороться за право попасть в шестерку победителей.

Это будет нелегкая работа. Господа делегаты Генеральной Ассамблеи ФИДЕ, заседавшие в сентябре прошлого года в Базеле, решили: пусть гроссмейстеры «поработают»... Действительно, если конторские служащие в адвокатской фирме г-на Рогарда, президента ФИДЕ, работают 40 часов в неделю, то почему бы шахматным корифеям не потрудиться по 7 часов в день? Таков регламент межзонального турнира. Вероятно, если бы г-н Рогард был директором королевской оперы, то и артистам пришлось бы петь полный рабочий день...

Шахматный мир держится на двух китах: гроссмейстерах, пользующихся самой широкой популярностью во всех уголках земного шара (а сейчас шахматные «уголки» есть уже в 64 странах), и организаторах, которые — увы! — менее известны. Это, конечно, несправедливо, так как их работа (организаторов) полезна и необходима, полезна, конечно, если она способствует, а не мешает шахматному творчеству. Времена, когда их власть была невелика, прошли. Ранее самодержцами шахматного мира являлись его чемпионы. Ласкер, Капабланка, Алехин диктовали свою волю. Это, конечно, было недемократично, и чемпионы не забывали о своих интересах, но все же власть находилась в руках лиц, которых нельзя было упрекнуть в некомпетентности...

К сожалению, господа организаторы в порыве административного восторга иногда увлекаются. Еще около сорока лет назад ФИДЕ пыталась разделить шахматистов на «профессионалов» и «любителей». Были проведены даже чемпионаты мира среди любителей; но ими никто не интересовался. Широкую шахматную аудиторию интересуют хорошие, красивые партии, а в партиях любительских чемпионатов высоких творческих достижений не было, и попытка раскола провалилась... В этом заключается весьма существенное различие между традициями шахматными и спортивными. Как известно, в спорте до сих пор разделение на профессионалов и любителей действует. В шахматном мире этого нет и быть не может!

И теперь организаторы из ФИДЕ иногда увлекаются: рабочий день шахматного мастера и продолжительность турниров удлиняются, судьи внимательно следят, чтобы мастера не уклонялись от «работы» и партии продолжались бы не менее 30 ходов — иначе обоим гроссмейстерам засчитывается поражение, а призы снижаются. Счастливый победитель межзонального турнира ФИДЕ получит приз в несколько раз меньший, чем в другом подобном же международном турнире. Но шахматисты не могут отказаться от борьбы, в особенности если есть маленький шанс завоевать первенство мира. Но явится ли заносчивый Роберт Фишер 20 мая к эскалатору, чтобы подняться на второй этаж здания ХАК в Амстердаме? Американская шахматная федерация заявила в списке участников Решевского и Эванса, Фишера в списке пока нет: по-видимому, финансовые условия Бобби не приняты, но все может измениться в последний момент.

Итак, участников много, а победителей будет мало. Скажем прямо, далеко не все участники могут претендовать на успех. В Амстердаме встретятся мастера из десяти зон, весьма различных по величине, силе и значению. Так, вся Южная Америка — одна зона, Канада — также одна зона (это один из секретов деятельности ФИДЕ). Советской зоне предоставлено 4 места, и вот гроссмейстеры Геллер, Корчной и Полугаевский — неудачники советского зонального отбора — будут зрителями предстоящей борьбы. Правда, у Ефима Геллера есть еще шанс проникнуть в последнюю ступень отбора, в соревнования кандидатов на матч с чемпионом мира. Это произойдет, если Пауль Керес или автор этих строк (два кандидата включаются в эти соревнования за прошлые успехи) по каким-либо причинам не смогут принять участия в этих заключительных соревнованиях. Одновременно конгресс ФИДЕ включил в межзональный турнир Михаила Таля без предварительного отбора в советской зоне, поскольку Таль является экс-чемпионом мира, но тот же конгресс не допустил без отбора Василия Смыслова, видимо, поскольку он тоже является экс-чемпионом мира...[1]. Из пяти советских участников межзонального турнира по решению ФИДЕ лишь трое могут попасть в соревнование кандидатов на матч с чемпионом — поистине загадочное решение. Если конгресс заботился о сохранении международного характера соревнований кандидатов, то логичней было бы установить эту квоту для одной страны непосред-

---

[1] Смыслов включен в межзональный турнир решением Ц. С. Союза спортивных обществ и организаций СССР в счет квоты Советского Союза.

БОМИК РУБИТ САД

Акима Ивановича Бомика знают в Ялте почти все. Но вот мнения о нем совершенно разные. Одни говорят:

— Бомик — это же замечательный садовод. Опытник-селекционер. Он вечно экспериментирует, разводит новые сорта фруктовых деревьев. Да не только деревьев. Посмотрите, какую ветвистую пшеницу выводит он на своем приусадебном участке.

А поговорив с другими, услышишь:

— Бомик? Да это же первейший спекулянт. Он не вылезает с рынка. Торгует фруктами. Никакой он не селекционер. Просто разводит у себя на участке наиболее урожайные сорта, чтобы побольше заработать. А опытничеством и наукой здесь и не пахнет.

Однако обе стороны сходятся на одном: никто в Ялте не получает таких высоких урожаев, как Бомик. И ни у кого нет таких крупных и вкусных плодов, как у него.

Кто же такой все-таки Бомик? Последнее время перед уходом на пенсию был лесником-садоводом Ялтинского лесничества. До этого работал на орошаемом земледелии в степной части Украины. Уйдя на пенсию, вырастил на своем участке садик, по праву считающийся одним из лучших в городе.

И вот мы ходим с ним по его участку, и он показывает нам пеньки срубленных им слив, яблонь, груш и мандаринов.

Как же это так? Как могло случиться, что садовник, для которого выращивание плодовых растений было смыслом всей жизни, мог так варварски расправиться со своим детищем?

Однажды к Бомикам пришел почтальон и вручил извещение городского отдела социального обеспечения, в котором коротко сообщалось: поскольку горфинотдел определил, что доход от сада превышает 1 200 рублей в год, то, несмотря на уплаченный Бомиком налог в сумме 397 рублей, он снимается с пенсии.

Аким Иванович побежал в собес.

— Как же так?

— Все по закону. Доход от сельского хозяйства выше нормы — лишаетесь пенсии.

— А что, если бы на моем участке ничего бы не росло? — спросил расстроенный Бомик.

— Ну тогда бы мы выплачивали вам пенсию,— спокойно ответила работница собеса.

Бомик вернулся домой, взял топор да и вырубил половину сада.

Закон есть закон. Пенсионеры, имеющие побочные доходы выше установленной нормы, должны быть сняты с пенсии. Это абсолютно правильно. С другой стороны, когда человеку перевалит за шестьдесят, а он привык всю жизнь трудиться, и вместо того, чтобы сидеть сложа руки, он с утра до вечера работает в своем саду, выращивает необходимые народу овощи и фрукты,— разве это плохо? Конечно, нет. Другое дело, куда направлен этот труд. Мы знаем много примеров, когда пенсионеры отдают свой труд обществу, выполняют всевозможную общественную работу, не требуя за это вознаграждения. В той же Ялте живут садоводы-пенсионеры, которые выращенные в их садах фрукты отдают детским учреждениям. К глубокому сожалению, так поступают не все, многие, в том числе и Бомик, всю свою продукцию несут на рынок.

Для них сады — только средство наживы.

Но как только финорганы совершенно справедливо облагают их налогом, а собес снимает их с пенсии, они немедленно поднимают шум и становятся в позу оскорбленной невинности. Даже хуже: рубят свои сады.

— Ах, вы сняли меня с пенсии, так пусть будет не мне, не вам.— И падают на землю плодоносящие деревья.

А собственно, кому это вам? Советской власти? Советскому народу?

Да и какое право имеет Бомик и ему подобные изображать из себя обиженную жертву? Ведь земля-то не их, а государственная. Подумали ли они хоть раз, сколько стоит на «золотом» Черноморском побережье участок, которым они пользуются? Пока их не трогали, все было хорошо, но чуть задели их материальные интересы, они сразу же показали когти. Когда-то так же вырубали свои сады кулаки.

Пенсионеры пользуются у нас почетом и уважением. Поэтому естественно, что, когда их за нетрудовые доходы снимают с пенсии, они сразу же теряют уважение и переходят в другую категорию — тунеядцев. Многие этого не хотят и предпочитают отказаться от доходов. Но нельзя же допускать, чтобы они вырубали свои сады, как это, кроме Бомика, сделали пенсионеры Дьячкин, Сипунов и другие. Мы уже не говорим о моральной стороне вопроса. Это просто граничит с преступлением.

Видимо, у лиц, способных на такой недостойный советского человека поступок, следует вообще отобрать участок и передать его другому. Но одновременно нужно подумать и о том, как пенсионеры должны реализовать свою продукцию, чтобы не попасть в категорию лиц, живущих на нетрудовые доходы. Это нужно сделать так, чтобы у них не пропал интерес и желание заниматься своим садом. Фрукты-то ведь нужны. Ялта — город особый, южный. После войны здесь осело много пенсионеров. Их около 18 тысяч. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в городе каждый пятый человек — пенсионер. И это уже проблема. Около тысячи из них занимаются общественной работой, а остальные семнадцать тысяч? Им в Ялте просто нечем заняться. И они завели сады. Почти у каждого участок, на котором они разводят виноград и фрукты. Все это, конечно, идет на рынок. Если бы Бомик был один, вряд ли о нем стоило бы говорить, но таких, как он, в городе много. Садоводы рубят свои сады. Это заставляет насторожиться. Бить тревогу.

Мы совсем не за рвачей-спекулянтов, извлекающих из своих приусадебных участков чрезмерные доходы.

Но мы за сады. Мы хотим, чтобы было больше садов, больше фруктов. Нам известно, что в колхозах и совхозах закладываются большие массивы фруктовых садов. Но когда они еще вырастут и будут плодоносить! А пока нужно всеми силами сохранить существующие.

Сейчас в Ялте предполагается изъять у индивидуальных владельцев излишки приусадебных участков, занятых ими самовольно в послевоенный период. Правильно ли это? Правильно. Но делать это надо постепенно и очень осторожно. Ведь эти участки не сплошной земельный массив, а крошечные кусочки, разбросанные по огромной территории. Что будет, если отобрать у владельца часть такого микроучастка? Кто будет ухаживать за фруктовыми деревьями на изъятой территории? Какая организация способна делать это на тысячах крохотных лоскутков земли? Для государства это будет просто нерентабельно. Есть намерения передать их школам и детским учреждениям.

Нам кажется, что это несерьезно. Сады требуют ежедневного, упорного труда, без этого они вскоре же погибнут и превратятся в свалки мусора. Многие считают, что пенсионеры должны бесплатно отдавать выращенный ими урожай, как это уже делают некоторые из них. Но и это вряд ли реально. Пока что материальная заинтересованность — еще великая сила.

Короче говоря, создался клубок противоречий, который необходимо срочно распутать: с одной стороны, справедливый закон о борьбе с лицами, не занимающимися общественно полезным трудом, с другой — люди (я говорю только о стариках пенсионерах), производящие полезные, необходимые народу продукты, но использующие их в целях личной наживы.

Запретить им? Меньше будет фруктов и овощей. А они нам пока еще очень нужны. Не секрет, что государственный сектор и колхозы сегодня еще не могут полностью удовлетворить фруктами всех приезжающих на отдых в Крым, и они вынуждены покупать их на рынке.

Видимо, нужно подумать, чтобы какие-то организации скупали у пенсионеров по справедливым ценам выращенные ими овощи, цветы и фрукты. Это избавит стариков от необходимости торговать на рынке. Что, кстати сказать, многие стыдятся делать, и излишки их продукции просто гибнут. Особенно цветы.

Быть может, следует привлечь общественность для регулирования и наблюдения за ценами на рынке, как это делается в Краснодарском крае и Волгограде. Там общественная комиссия просто удаляет с рынка лиц, торгующих выше установленных цен. С решением этих вопросов нужно поспешить. Ведь Бомик и другие вырубают свои сады.

О. КНОРРИНГ

ственно для соревнований кандидатов. Будет очень хорошо, если любители шахмат разберутся в этой путанице,— автор статьи, к сожалению, не в силах решить такой шахматной головоломки.

Но, быть может, читатель уже начал терять терпение? Ведь читателя больше интересуют возможные итоги межзонального турнира, нежели тонкости правил борьбы за первенство мира. Что же, попытаемся составить гороскоп амстердамского турнира. Итак, в числе победителей должно быть не менее трех иностранных гроссмейстеров и не более трех советских. Но учитывая, что советских гроссмейстеров играет в турнире пятеро, то даже при возможных случайностях не приходится сомневаться в том, что в число кандидатов попадут три представителя СССР.

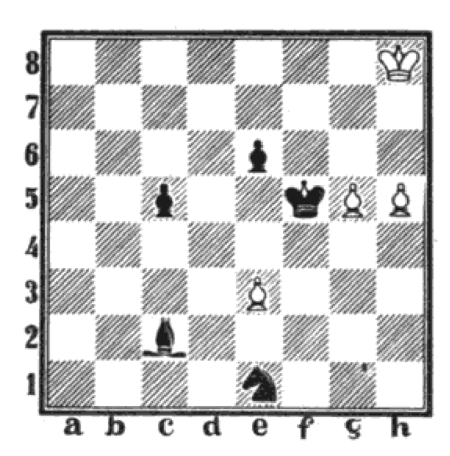
Кто же будут три иностранца? Одного можно назвать уверенно, если бы он участвовал,— это молодой чемпион США Роберт Фишер. Ему 21 год, но это уже грозный турнирный боец; в последнем чемпионате США он выиграл все 11 партий. А остальные двое? Может, это будут югослав Светозар Глигорич и ветеран Самуил Решевский? Но могут оказаться в счастливой тройке и другие: ведь не сумел Глигорич два года назад в Стокгольме попасть в число кандидатов, уступив американскому гроссмейстеру Бенко... Мне кажется все же, что лишь один Фишер опасен для советских гроссмейстеров в будущих соревнованиях: остальные иностранцы хотя и будут серьезными противниками, но опыт свидетельствует, что они уступают нашим корифеям.

А кому же посчастливится из наших? Объективно сильнейшими следует признать В. Смыслова и М. Таля — они уже побывали в чемпионах мира. Если бы В. Смыслов иногда не ленился (это его слабость), а М. Таль был вполне здоров,— в их успехе не следовало бы сомневаться. Чемпион СССР Леонид Штейн находится на подъеме: он осторожен и одновременно силен в острых ситуациях. К сожалению, у Бориса Спасского меньше развито чувство опасности, но в его пользу говорит то, что он уже 8 лет не участвовал в соревнованиях кандидатов,— должен же он вновь туда проникнуть... А Давид Бронштейн? Бронштейн — самобытный и остроумный боец. Вот только выдержит ли он физически этот межзональный регламент?

Вся пятерка представляет нашу советскую шахматную школу, и все они разнятся по творческому облику. У каждого есть достоинства и недостатки; нельзя же всевозможные шахматные позиции играть одинаково успешно. Поэтому искусство шахматиста в немалой степени состоит в том, чтобы играть позиции такого характера, которые не по душе его партнеру. В этом отношении предпочтение, пожалуй, следует отдать М. Талю...

Итак, гороскоп составлен: все пятеро наших гроссмейстеров имеют хороший шанс добиться успеха. А теперь вернемся к возможному сопернику советских шахматистов — Роберту Фишеру. В чем же сила молодого гроссмейстера? Он много «видит». Позвольте, вправе спросить читатель, что же, разве другие не «видят»?..

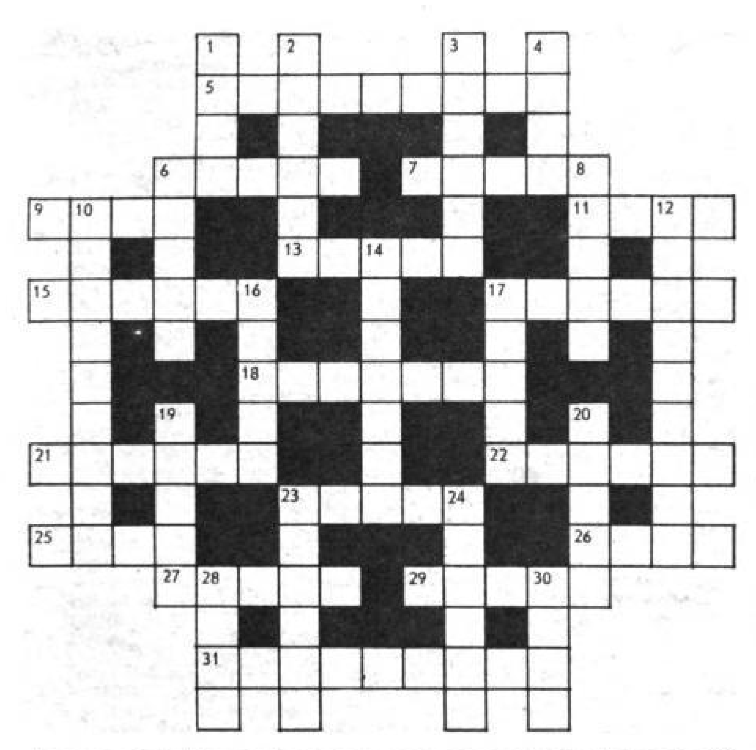
Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим известный этюд Г. Надарейшвили: Белые Kph8, п. e3, g5, h5. Черные Kpf5, Cc2, Ke1, п. c5, e6. Белые начинают и выигрывают.

Если бы белые поверхностно проанализировали позицию, то после 1. g6 Kpf6 (слабо 1. ...e5 2. g7 Cb3 3. h6 Kf3 4. h7 Kg5 5. g8Ф) 2. g7 Ch7! (черные отвлекают белого короля на неудачную позицию) 3. Kp : h7 Kf3 4. g8Ф Kg5 + 5. Ф : g5 + (Или 5. Kph8 Kf7 + 6. Kph7 Kg5 + 7. Kph6 Kf7 +) Kp : g5 6. h6 c4 7. Kpg7 c3 8. h7 c2 9. h8Ф c1Ф 10. Фh6 + Kpg4 11. Ф : e6 + Kpf3 12. Фf5 + Kpg3 13. e4 Фc7 + им не удалось бы выиграть ферзевый конец с лишней пешкой. Но тот, кто «видит», заметил бы, что на 10-м ходу только наличие белой пешки e3 спасло черных от потери ферзя. Тогда этот шахматист «подключил» бы пешку e3 в расчет вариантов и нашел бы решение: 1. g5 — g6 Kpf5 — f6 2. g6 — g7 Cc2 — h7 3. e3 — e4!! Ke1 — f3 4. e4 — e5 + Kf3 : e5 5. Kph8 : h7 Ke5—f3 6. g7—g8Ф Kf3 — g5 + 7. Фg8 : g5 + Kpf6 : g5 8. h5 — h6 c5 — c4 9. Kph7 — g7 c4 — c3 10. h6 — h7 c3 — c2 11. h7 — h8Ф c2 — c1Ф 12. Фh8 — h6 + и черные теряют ферзя. Трудность расчета состоит здесь в том, что на первый взгляд ход e3 — e4 кажется лишенным смысла, и, естественно, этот ход сначала исключается из анализа. Лишь в дальнейшем ходе борьбы выясняется решающая роль пешки e3... (Между прочим, когда будут составлять шахматную программу для электронной машины, когда надо будет «научить» машину отличать ходы со смыслом от ходов бессмысленных, очень трудно будет заставить машину учитывать в расчетах такие ходы, как e3 — e4!..)

Фишер такие ходы видит. Думаю, что Таль и Смыслов также способны их найти. Так в чем же состоит слабость Фишера, в чем заключается надежда не пропустить и в будущем Фишера к первенству мира? Мне кажется, что слабость Фишера состоит в том, что он всегда остается самим собой. Он играет всегда в одной манере, независимо от того, с каким партнером встречается за шахматной доской. Естественно, что шахматист не может «все» играть одинаково хорошо. Один и тот же шахматист может быть и гением и посредственностью — все зависит от того, насколько он подготовлен к данного типа позициям. Должны же существовать позиции, которые Фишеру не по душе. Если эти слабости будут исследованы, то с Бобби можно будет справиться.

Пожелаем же вместе с вами, уважаемый читатель, нашим большим шахматным мастерам перед тяжелыми боями ни пуха, ни пера!

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский поэт. 6. Эстрадная пьеса шутливого содержания. 7. Столица Камеруна. 9. Действующий вулкан на острове Сицилия. 11. Ночная птица. 13. Осветительная аппаратура сцены. 15. Продольные нити в ткани. 17. Живопись красками по сырой штукатурке. 18. Музыкант оркестра. 21. Род художественной литературы. 22. Степной грызун. 23. Спортивное оружие. 25. Приспособление для просеивания муки. 26. Скотовод в Монголии. 27. Щит для экспонатов. 29. Крепежный винт. 31. Порт Индии.

По вертикали:

1. Остаток от сжигания твердого топлива. 2. Углубление на вершине вулкана. 3. Река на Балканском полуострове. 4. Перекрытие. 6. Конусообразная сетка для ловли рыб, насекомых. 8. Озеро в Красноярском крае. 10. Итальянский дирижер. 12. Занимательная игра. 14. Форма для отливки типографского набора. 16. Морская хищная рыба. 17. Декоративное комнатное растение. 19. Остров в Карибском море. 20. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 23. Форменное пальто. 24. Курорт в Крыму. 28. Метрическая музыкальная единица. 30. Крупная змея.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 20

По горизонтали:

7. «Каштанка». 8. Акварель. 9. Кругорама. 10. Магма. 12. Тассо. 16. Боровинка. 17. Хилок. 18. Актер. 19. Оазис. 20. Крыло. 23. Симметрия. 24. Исаев. 27. Питон. 29. Аргентина. 30. Сибелиус. 31. Капитель.

По вертикали:

1. Гамма. 2. Чашка. 3. Садгород. 4. Маврикий. 5. Халат. 6. Флокс. 11. Горихвостка. 13. Суперфосфат. 14. Фототипия. 15. Экскурсия. 21. Смоленск. 22. Атлетика. 25. Сатин. 26. Вафля. 27. «Париж». 28. Омуль.

На первой странице обложки: Солист Большого театра Владимир Васильев в балете Р. Щедрина «Конек-Горбунок».

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Мировые рекордсменки по легкой атлетике ленинградки Татьяна Щелканова и Эльвира Озолина.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00388. Подписано к печати 13/V 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 045 000. Изд. № 943. Заказ № 1207.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЛУЧШИЙ ТАНЦОВЩИК МИРА

Незаметно пролетели девять лет занятий в Хореографическом училище, и осенью 1958 года в труппу Большого театра был принят артист балета Владимир Васильев.

Первая роль — Пан в балетной сцене «Вальпургиева ночь» — первый сценический успех. А во второй роли — Кавалера в классическом балете «Шопениана»,— по словам самого же Васильева, он с треском провалился. Молодой танцовщик был уверен, что сольных партий ему больше не поручат. Но видно, так же, как когда-то в Доме пионеров, где руководительница танцевального кружка Елена Романовна Россе с первого же урока поверила в его «необычайную танцевальность», так теперь верило в него руководство труппы. И наутро после провала ему поручили главную роль Данилы в балете «Каменный цветок», к постановке которого приступал Ю. Григорович.

Начались репетиции. Это была серьезная проба творческих возможностей. Володя занимался упорно, одержимо. И скоро стало ясно, что он не только вполне справляется с техническими трудностями партии, но создает интересный образ вдохновенного умельца-художника.

Премьера принесла безоговорочное признание как зрителей, так и (это, пожалуй, самое трудное) товарищей по театру.

Успех в «Каменном цветке» сразу выдвинул Владимира Васильева в число ведущих солистов балета Большого театра.

С тех пор он выступил в ролях: Иванушки («Конек-Горбунок»), Принца («Золушка»), Паганини, Базиля («Дон-Кихот»), Фрондосо («Лауренсия»), Альбера («Жизель»). Исполняя эти партии, столь различные по своему характеру, Васильев раскрылся как артист широкого диапазона, больших и разносторонних творческих возможностей.

Занимаясь в Хореографическом училище Большого театра у народного артиста М. Габовича, готовя свои партии в театре с народным артистом А. Ермолаевым, Васильев воспринял лучшие исполнительские традиции советской хореографии. Но даже в классических балетах артист всегда творчески переосмысливает партии, находит свои, индивидуальные краски. В этом главная причина блистательного успеха его Базиля в балете «Дон-Кихот». Не удивительно, что, увидев в исполнении Васильева па-де-де из «Дон-Кихота», члены Парижской академии танца присудили ему «Премию Вацлава Нижинского лучшему танцовщику мира» за 1964 год.

Самозабвенная любовь к балету не мешает двадцатичетырехлетнему артисту заниматься и другими видами искусства. Он увлекается живописью, скульптурой, музыкой, рисует, лепит, играет на рояле.

А рядом с этим пристрастием — волейбол, плавание, прыжки в воду, бокс, охота, теннис...

Зрители скоро увидят Васильева в ролях Петрушки в одноименном балете И. Стравинского, Кайса — «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна, Черта в «Истории солдата» И. Стравинского.

Наверное, недалек и тот день, когда на сцене Большого театра молодой артист выступит в роли своего современника.

Д. ГРИГОРЬЕВА

В ЧЕСТЬ ЮНОГО ПОКОЛЕНИЯ

19 мая — день рождения пионерской организации имени В. И. Ленина.

У наших ребят много друзей за рубежом. Торжественное обещание «Всегда готов!» звучит на разных языках.

Эти марки, выпущенные у нас и в других странах, посвящены большой семье юного поколения.

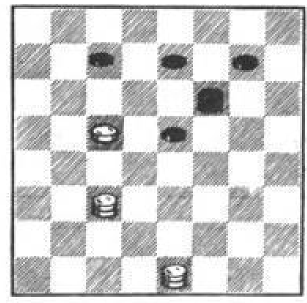
Н. САТАРОВ

ШАШКИ

под редакцией мастера
Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Этюд
Д. М. Калинский
(Ленинград)
Белые начинают
и выигрывают.

Решение концовки А. И. Виндермана, напечатанной в № 18 «Огонька». 1. h4—g5! e5—d4 (если 1. ...g7—f6, то 2. g3—h4 e5 : g3 3. h2 : f4 f6—e5 4. g5—f6! e5 : g7 5. e3—d4 и выигрывают) 2. g5—f6!! g7 : e5 3. g3—h4! d4 : f2 4. c1—b2! e5 : g3 5. h2 : f4 c1 : g5 6. h4 : g1 и выигрывают. На 2. ...e7 : g5 следует 3. g3—h4 d4 : f2 4. h4 : h8 c5—d4 (если 4. ...c5—b4 5. a5 : c3 f2—g1, то 6. c3—b4 и 7. d2—e3 с выигрышем) 5. h8 : a1 f2—g1 6. a1—f6 g1—a7 7. d2—c3 a7—g1 (если 7. ...a7—b8, то 8. f6—h4 d6—e5 9. f4 : d6 c7 : e5 10. a5—b6 и т. д.) 8. f6—h4 d6—c5 9. c3—b4 c5—d4 (если 9. ...c7—d6, то 10. h4—f6 и т. д.) 10. h4—e7 a3 : c5 11. e7 : b4 g1—f2 12. b4—e1 f2—g1 13. e1—g3 и выигрывают.

Приближается выпускной бал. Нам очень хочется, чтобы он прошел весело и непринужденно. Но это, конечно, будет зависеть и от того, как мы будем одеты. Мы в обиде на конструкторов-модельеров. Почему моделируют так мало фасонов платьев для выпускных вечеров? Мы очень просим вас напечатать в журнале несколько новых фасонов бальных платьев.

По поручению учениц 11-го «а» класса
БЕЛОЗЕРОВА Людмила.
Ростовская область, Егорлыкский район,
поселок Целина.

К ВЫПУСКНОМУ БАЛУ

Платья из недорогих тканей, несложные по выполнению.

1. Платье нового силуэта. Завышенная линия талии подчеркнута отделкой [атласная лента и цветок]. Ткань — шелк с легким рисунком или хлопчатобумажное кружево, чехол из подкладочного светлого шелка.

2. Платье из капрона неярких, нежных тонов или белого цвета. Лиф прилегающий, отделан кружевной прошивкой и защипками. Юбка покроя «солнце», в сборку. Рукав свободный, на манжете.

3. Платье-костюм из белого хлопчатобумажного кружева на подкладке из сатина-дубль или саржи светлых тонов. Отделка — плоский бант из той же ткани, что и подкладка.

4. Платье из гладкого капрона любого цвета; капрон нашит на чехол и подвернут под него. Чехол из хлопчатобумажного сатина или поплина с мягким рисунком. Широкий пояс в цвет рисунка на чехле.

Художник Н. Голикова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70[illegible]3
215